

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. С. Матренин

**СНАРЯЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ
(II в. до н.э. – V в. н.э.)**

Монография

Под научной редакцией А. А. Тишкина

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
2017

УДК 903.2(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-41
М34

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. В. Горбунов*
доктор исторических наук *А. В. Харинский*

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор *А. А. Тишкин*

Матренин, С. С.

Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.) [Текст] : монография / С. С. Матренин ; под науч. ред. А. А. Тишкина ; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО АлтГУ. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2017. – 142 с.
ISBN 978-5-7692-1559-9

В монографии представлен опыт комплексного анализа различных категорий снаряжения кочевников Алтая, которые обнаружены в погребениях булан-кобинской культуры, датируемой в рамках II в. до н.э. – V в. н.э.: поясные пряжки и бляхи, колчаные крюки, ременные наконечники и распределители, тренчики, застежки, детали ножен, остатки колчанов и другие изделия. Это первое специальное исследование позволило не только выявить в предметном комплексе хронологические и этнокультурные индикаторы, но и продемонстрировать составляющие элементы важной сферы системы жизнеобеспечения кочевников региона хуннуско-сяньбийско-жужанского времени.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, а также на широкий круг исследователей, занимающихся изучением материальной культуры кочевых социумов Евразии поздней древности и раннего средневековья.

УДК 903.2(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-41

Монография подготовлена и издана при поддержке Российского научного фонда, проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»

ВВЕДЕНИЕ

Вхождение территории Алтая* в орбиту влияния кочевых империй Центральной Азии хуннуско-сяньбийско-жужанского («гунно-сарматского») времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) привело к сложению у населения региона самобытной материальной культуры, которая воплотила в себе пришлые и местные традиции. Передовые новации нашли отражение в производстве оружия, конской амуниции, снаряжения человека, украшений и деталей туалета, орудий труда и бытовой утвари, находки которых представлены обширными коллекциями археологических артефактов, полученными в результате раскопок погребальных памятников булан-кобинской культуры [Тишкин, 2007, с. 158–184, 286; Серегин, Матренин, 2014, с. 118–146; и др.].

В настоящее время перед научным сообществом стоят актуальные задачи всестороннего системного анализа разнообразных вещественных материалов для проведения объективных археолого-исторических реконструкций разного плана. Имеющиеся на сегодняшний день портативные объекты материальной культуры населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени** исследованы неравномерно. Оценивая степень изученности разных предметных комплексов, можно отметить пока наибольшие достижения в рассмотрении оружия и украшений [Худяков, 1986; 1997; 2002; 2015; 2016; Неверов, Мамадаков, 1991; Эбель, 1998; Горбунов, 1998; 2003; 2006; 2007; Тишкин, 2005; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Трифанова, 2004; 2005а; 2005б; 2005в; 2006; Горбунов, Тишкин, 2006; Тишкин, Горбунов, 2007; Тетерин, 1995; 2001; 2004; 2005; Борисенко, Худяков, 2004; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012а; и др.].

Важным элементом культуры кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. является снаряжение человека. В археологической литературе данное понятие строго не определено. Опираясь на общую и специализированную, прежде всего войсковую, терминологию [БСЭ; ВЭС], под снаряжением (амуницией) человека мы понимаем комплект приспособлений, предназначенных для ношения личного оружия, средств защиты и иных вещей, а также запасов продовольствия. Главным элементом амуниции выступает поясной ремень, служащий для затягивания на теле человека верхней одежды, к которому

* В настоящем исследовании термин «Алтай» используется для обозначения территорий Алтайской горной страны, располагающихся в пределах административных границ Республики Алтай, части Алтайского края и Восточного Казахстана. Географически данный регион представляет собой самостоятельную часть Алтае-Саянской орографической системы, образованную категориями рельефа разного возраста и генезиса, граничащую с севера с Алтайской лесостепью. Особенности геологического строения обусловили разделение Алтая на несколько районов: Северный, Северо-Западный, Центральный, Восточный, Юго-Восточный, Южный [Петкевич, 1971, с. 46–47, 52; Алтайский край, 1978, с. 50–82].

** Данное обозначение предложено А. А. Тишкиным [2004; 2006; 2007; и др.] как наиболее адекватное наименование хронологического промежутка в истории кочевых народов Центральной и Северной Азии со II в. до н.э. по V в. н.э., которое содержит в себе название народов (хунну, сяньби, жужани), наиболее активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни азиатского региона [Тишкин, 2007, с. 158]. Поэтому в тексте монографии «гунно-сарматское» время применительно к Сибири и Дальнему Востоку будет употребляться в кавычках, тем самым указывая на его условность. Для территорий к западу от Урала словосочетание гунно-сарматское время (эпоха, период) применяется без кавычек как давно устоявшееся в археологическом лексиконе.

крепятся портупейные ремешки и разная функциональная и декоративная гарнитура (пряжки, застежки, бляхи, распределители, наконечники, «блоки», цепочки и др.). Пояс, в состав которого кроме пряжки (застежки) входят бляхи, называется наборным.

Опыт многочисленных исследований показывает, что предметы снаряжения, обнаруживаемые в археологических памятниках, являются достаточно информативным источником для разработки дробной периодизации материальной культуры, а также для изучения процессов этнического и межкультурного взаимодействия древнего и средневекового населения. Отдельное место они занимают при реконструкции системы жизнеобеспечения и социальной структуры исследуемого общества.

На протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени у народов степной полосы Северной и Центральной Азии происходили динамичные процессы генезиса поясных гарнитур, выражавшиеся в поиске оптимальных вариантов их конструктивного и декоративного решения, разнообразных заимствованиях под влиянием кочевой моды «передовых» кочевых этносов и местных традиций. Об этом свидетельствует появление новых модификаций изделий. Некоторые из них получают затем распространение в эпоху средневековья. Следует также отметить дальнейшее существование отдельных пережиточных форм и наличие «экспериментальных» образцов. Обозначенные процессы получили определенное отражение в археологических материалах с территории Алтая, представленных серией разнообразных находок поясных пряжек, блях, наконечников и распределителей ремней, «блоков» и других элементов снаряжения из могильников булан-кобинской культуры.

Приходится констатировать, что снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. еще не получило полноценного научного осмысления. Данное обстоятельство обусловлено процессом накопления корпуса вещественных материалов и его достаточно поздним введением в научный оборот.

Начало формирования источниковой базы по изучению снаряжения указанного периода приходится на 60-е гг. XIX в. и связано с именем выдающегося ученого В. В. Радлова. В 1865 г. им было раскопано несколько курганов предтюрокского времени в Катандинской и Берельской степях. В могильнике Берель (курган № 3) обнаружена роговая пряжка с подвижным язычком, использовавшаяся для застегивания пояса. Информация о берельских находках стала известна по более поздним работам А. А. Захарова [1926], А. А. Гавриловой [1965], С. С. Сорокина [1969].

В 1925 г. экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством С. И. Руденко исследована впускная могила на могильнике Кокса. По имеющимся сведениям, к снаряжению относится колчаный крюк [Гаврилова, 1965, с. 54–56]. К сожалению, данные материалы до сих пор не опубликованы. В 1949 г. С. И. Руденко и А. А. Гаврилова [Там же, с. 52–53] исследовали еще одно впускное погребение, относящееся к 1-й половине I тыс. н.э. в кургане № 6 некрополя Пазырык. Зафиксированные предметы снаряжения представлены железными поясными пряжками и деталями ножен боевого ножа. В 1967 г. в результате раскопок Южно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С. С. Сорокина на некрополе Пазырык (курган № 24) был найден костяной наконечник ремня ложечковидного типа, а на могильнике Былыктыюль (курган № 227) – уникальный наборный пояс с бронзовой гарнитурой и остатками кожаного ремня, а также бронзовый колчаный крюк. Относительную хронологию балыктыюльских находок С. С. Сорокин [1977], опираясь в том числе на известные образцы снаряжения с территории Тувы и Дальнего Востока, обоснованно определил в рамках 2-й четверти I тыс. н.э.

Значительное расширение корпуса источников по амуниции кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени происходило в 1980–1990-е гг. в результате масштабных археологических раскопок, проведенных экспедициями научных и образовательных учреждений Барнаула, Горно-Алтайска, Кемерово, Новосибирска. Именно в тот период были исследованы базовые погребальные памятники булан-кобинской культуры, давшие репрезентативный вещественный материал (Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Боштуу-I, Улита, Усть-Эдиган, Айрыдаш-I, Кок-Паш, Бике-I, Дялян и др.) [Серегин, Матре-

нин, 2014; 2016]. Следует отметить, что полученный многочисленный предметный комплекс не был проанализирован в полном объеме даже в диссертациях В. Н. Елина [1987] и Ю. Т. Мамадакова [1990а; 1990б]. В публикацию попали только единичные находки. Среди них отметим остатки ножен кинжала и боевого ножа с деталями пояса из могильника Булан-Кобы-IV [Мамадаков, 1985; 1996], несколько поясных пряжек, наконечников ремней и блоков-колец из памятников Усть-Эдиган и Дялян [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Тетерин, 1995], отдельные корродированные железные изделия из некрополя Кок-Паш [Васютин, Илюшин, Елин, Миклашевич, 1985]. Находки из могильников Балыктыюль и Кок-Паш были использованы в монографии «Наборные пояса кочевников Азии» В. Н. Добжанского [1990]. Полностью были введены в научный оборот образцы снаряжения из могильников Бике-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990], Верх-Уймон, Чендек [Соенов, Эбель, 1992] и Тьткескенъ-VI [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992]. В них представлены единичные железные изделия в основном плохой сохранности.

Положительные тенденции в изучении снаряжения кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. произошли в начале XXI в. Это стало возможно благодаря обобщающему изданию материалов предтюрокского времени некрополя Кок-Паш [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003], а также показательных образцов снаряжения, обнаруженных при раскопках могильников Улуг-Чолтух-I [Борисенко, Худяков, 2004], Яломан-II [Тишкин, 2005; Tishkin, 2011; Тишкин, Горбунов, 2005а; Тишкин, Горбунова, 2005; Горбунов, 2006; Тишкин, Матренин, 2011; 2012; Матренин, Тишкин, 2015а; 2016а; 2016б; и др.], Степушка-I [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012а; 2012б; 2013; Матренин, 2013; 2015; 2016; Тишкин, Матренин, 2013а; 2013б; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015; и др.].

Настоящая монография представляет собой опыт целостного изучения снаряжения человека из погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени для выявления тенденций и закономерностей его развития как одной из сфер системы жизнеобеспечения. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Выполнить функциональную атрибуцию обнаруженных категорий снаряжения человека и провести их морфологическое описание на основе единообразного терминологического аппарата.

2. Классифицировать наиболее многочисленные категории снаряжения с применением отобранных качественных признаков, представив полученные результаты в текстовом и графическом виде.

3. Провести типологический анализ систематизированных предметов снаряжения для установления времени существования и генезиса разных типов пряжек, колчаных крюков, блях, наконечников, распределителей, «блоков».

4. Выделить разновидности наборных поясов на основе таксономического группирования разных категорий функциональной и декоративно-функциональной гарнитур, определить их относительную хронологию.

Обозначенный алгоритм позволит, как мы полагаем, выявить в снаряжении хронологические индикаторы для уточнения периодизации погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, а также получить информацию для более глубокого понимания роли «местных» и «пришлых» традиций в развитии булан-кобинской культуры. Данная работа является продолжением целенаправленных научных изысканий по изучению материальной культуры региона во II в. до н.э. – V в. н.э., предпринимаемых автором на протяжении нескольких лет [Матренин, 2011; 2012; 2013; 2015; 2016; Матренин, Тишкин, 2015а; 2015б; 2016а; 2016б; Тишкин, Матренин, 2010; 2011; 2012; 2013а; 2013б; 2015; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; 2012а; 2012б; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015; и др.].

Источниками исследования стали вещественные находки из раскопок 27 могильников булан-кобинской культуры (рис. 1), содержащиеся в публикациях и научных отчетах: Айрыдаш-I, Балыктыюль, Белый-Бом-II, Бике-I, Берель, Бош-Туу-I, Булан-Ко-

Рис. 1. Карта-схема расположения погребальных памятников Алтая

хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, содержащих предметы снаряжения человека:

- 1 – Айрыдаш-I; 2 – Балыктыноль; 3 – Белый-Бом-II; 4 – Бикель; 5 – Берель; 6 – Бош-Туу-I; 7 – Булан-Кобы-IV;
- 8 – Верх-Уймон; 9 – Дялян; 10 – Карбан-I; 11 – Катанда-III; 12 – Кам-Тыгтугем; 13 – Кокса; 14 – Кок-Паш;
- 15 – Курайка; 16 – Кызыл; 17 – Кызык-Телань-II; 18 – Пазырык; 19 – Сары-Бел; 20 – Степушка-I-II;
- 21 – Тыткескенъ-VI; 22 – Тянгыс-Тыг; 23 – Улита; 24 – Улуг-Чолтух-I; 25 – Усть-Бийке-III;
- 26 – Усть-Эдиган; 27 – Чендек; 28 – Ябоган-III; 29 – Яломан-II

бы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Карбан-I, Катанда-I, Кам-Тыттугем, Кок-Паш, Курай-ка, Кызыл, Пазырык, Сары-Бел, Степушка-I-II, Тыткескень-VI, Тянгыс-Тыт, Улита, Улуг-Чолтух-I, Усть-Бийке-III, Усть-Эдиган, Чендек, Ябоган-III, Яломан-II [Демин, 1990; 1991; Мамадаков, 1984; 1985a; 1986; 1988; 1991; Суразаков, 1983; 1985; 1986; 1991; Тетерин, 1991; Тишкин, 2005a; 2008; 2009; Худяков, 1990; 1993; 1998; 2001; 2002a; 2005]. Особое внимание уделялось изучению археологических коллекций памятников Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Бош-Туу, Улита, Степушка-I, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (МАЭА АлтГУ). Всего нами проанализированы 1 087 поясных блях, 218 поясных пряжек, 77 «блоков», 53 ременных наконечника, 33 распределителя, 26 колчаных крюков, 19 застежек, детали 21 ножен, четыре тренчика, остатки четырех колчанов, три цепочки-подвески, два пробоя. При их рассмотрении мы опирались на уже имеющуюся отечественную теорию и практику классификации и типологии отдельных категорий предметов, которые были адаптированы к конкретному материалу. В рамках классификационных построений была задействована единообразная древовидная схема таксономического группирования [Клейн, 1991] с такими основными уровнями наполнения признаков, как группа, разряд, раздел, отдел, тип, вариант [Кызласов, 1983; Неверов, 1985; 1998; Горбунов, 2003; 2006; и др.].

Для анализа большинства категорий снаряжения на основе метода датированных аналогий привлекался широкий круг актуальных вещественных материалов из археологических памятников II в. до н.э. – V в. н.э. разных регионов Азии и европейской части России. Принципиальную важность имели результаты изучения памятников хуннской и сяньбийской культур, представленные в работах отечественных и зарубежных (китайских, монгольских, южнокорейских и японских) ученых. При использовании метода датированных аналогий большое значение имело ознакомление автора с археологическими коллекциями снаряжения II в. до н.э. – V в. н.э. из могильников Тувы и Восточного Забайкалья, которые позволили существенно расширить возможности интерпретации вещественных находок снаряжения булан-кобинской культуры. При установлении археологического возраста редких образцов амуниции нами принималось во внимание ситуации обнаружения таких изделий в датированных закрытых комплексах Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени.

* * *

Автор считает своим долгом выразить благодарности *Алексю Алексеевичу Тишкину, Александру Сазоновичу Суразакову, Василию Ивановичу Соёнову*, предоставившим для анализа неопубликованные археологические находки булан-кобинской культуры; *Николаю Николаевичу Николаеву и Константину Владимировичу Чугунову*, обеспечившим возможность знакомства с некоторыми археологическими коллекциями из памятников хуннско-сяньбийского времени Тувы, хранящимися в Государственном Эрмитаже; *Евгению Викторовичу Ковычеву*, любезно показавшему материалы раскопок погребений хуннского и сяньбийского времени Приаргунья, находящиеся в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете; *Алексю Анатольевичу Ковалеву, Андрею Васильевичу Варенову, Диамаджаву Эрэнэбаатару* за помощь в получении и работе с археологической литературой на монгольском и китайском языках.

Особую признательность выражаю своему научному руководителю и консультанту *Алексю Алексеевичу Тишкину* за безграничную помощь, ценные советы и замечания на разных этапах исследования, а также моей семье за терпение и душевную поддержку. Отдельно благодарные слова необходимо высказать *Вадиму Владимировичу Горбунову*, рецензенту данной монографии и старшему коллеге, за ряд ценных консультаций и рекомендаций.

Представляемая работа не состоялась бы без экспедиций, организованных в 1990-е и начале 2000-х гг. сотрудниками кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, во многих из которых автор принял непосредственное участие.

ГЛАВА 1

КОЛЧАННЫЕ КРЮКИ, ФУТЛЯРЫ ДЛЯ НОШЕНИЯ ОРУЖИЯ

Колчанные крюки

Важной частью снаряжения кочевых народов Евразии поздней древности и средневековья являются различного рода застёжки. Отдельную их категорию представляют так называемые колчанные крюки. Находки данных изделий *in situ* в погребениях Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени показывают, что они выполняли функцию пряжек отдельных саадачных поясов, применявшихся для ношения стрелкового оружия.

На современном этапе археологических исследований важной задачей считается выявление традиций изготовления колчанных крюков у носителей археологических культур Саяно-Алтая разных эпох. Относительная хронология данных предметов выводится, как правило, не из типологии, а из ситуаций их обнаружения в закрытых комплексах с другими, убедительно датированными вещами. Обозначенную тенденцию хорошо демонстрируют результаты осмысления материалов Алтая скифо-сакского и тюркского времени [Суразаков, 1989, с. 59–61; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 66–70; Кубарев, 2005, с. 92–93, 96].

В изучении рассматриваемого элемента воинской амуниции населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. уже имеется определенный задел [Мамадаков, 1990а; 1990б; Николаев, 2000; Матренин, 2011; Тишкин, Матренин, 2012]. При этом важно отметить, что значительная часть анализируемых предметов по-прежнему не введена в научный оборот.

Накопленный корпус археологических источников дает основания осуществить полноценный морфологический, классификационный и типологический анализ колчанных крюков булан-кобинской культуры с привлечением актуальных аналогий по разным регионам степной и лесостепной полосы Евразии (Северная, Центральная и Средняя Азия, Восточная Европа).

Морфология колчанных крюков в археологической литературе пока разработана слабо. Внешняя «простота» определяет их неунифицированное описание, а также в основном демонстрационный характер классификаций на основе одного-двух показателей. В этой связи считаем необходимым представить четкую атрибуцию основных элементов конструкции рассматриваемых изделий.

Крюк – это металлическая застёжка, имеющая основание, язычок и щиток.

Основание – главная часть корпуса в виде стержня (подквадратного и округлого в сечении) или пластины. Основание может быть прямым или прогнутым.

Язычок – резко загнутый конец стержня или пластины, предназначенный для фиксации свободного конца ремня (снабженного прорезью или оформленного в виде петли) либо для крепления крюка к колчану. Язычок может быть с *поперечной планкой* (прямая или фигурная перекаладина) на окончании или без таковой.

Щиток – место соединения крюка с неподвижным концом ремня, четко выделенное или плавно переходящее в основание. Конструктивно щитки разнообразны: сомкнутая петля, ориентированная просветом на лицевую сторону крюка; несомкнутая петля, загнутая на лицевую или тыльную сторону основания; пластина с прорезью; монолитная пластина, фиксирующаяся с помощью вставных шпеньков; пластина с петелькой и другие варианты.

При работе с опубликованными и неизданными материалами нами было идентифицировано не менее 36 таких изделий разной степени сохранности. Колчанные крюки являются сугубо мужским элементом погребального инвентаря булан-кобинской культуры (зафиксированы примерно в 9 % захоронений мужчин). В могилах женщин и детей они не обнаружены. Документированные ситуации размещения крюков в захоронениях *in situ* показывают, что крюки находились преимущественно в области таза или в верхней части бедер (обычно смещены в правую сторону) в проекции горловины колчана. Засвидетельствованы более редкие случаи расположения данных застежек вместе с колчаном в районе колена или у головы человека справа. Судя по имеющимся наблюдениям, в могилу саадачный пояс часто помещался растегнутым. Важно заметить, что практически все обнаруженные крюки лежали отдельно от основных поясов, застегиваемых с помощью пряжки. Отсутствие находок органической основы пояса, а также крепежных деталей в виде распределителей ремней затрудняют реконструкцию способа соединения крюка, пояса и колчана. В самом простом варианте ремень мог продеваться через петлю на тыльной стороне колчана или крепежную планку с пазом для пропускания портупейных ремешков [Горбунов, 2006, с. 45]. Язычок крюка вставлялся в отверстие или пропускаясь в петлю ремня.

Для классификации крюков применялась таксономическая схема со следующим наполнением морфологических признаков: *группа* – материал изготовления; *разряд* – наличие или отсутствие поперечной планки на язычке; *раздел* – оформление поперечной планки и окончания язычка без планки; *отдел* – конструкция щитка; *тип* – форма щитка [Матренин, 2011]. В результате систематизации 26 экземпляров подходящей сохранности, обладающих всем перечнем обозначенных критериев для их сравнения, нами выделено две группы, два разряда, четыре раздела, пять отделов, одиннадцать типов колчанных крюков (представленные ниже классификация и типология колчанных крюков нами в основном уже опубликованы) [Матренин, 2011].

Группа I. Железные крюки.

Разряд I. С поперечной планкой на язычке.

Раздел I. Планка прямая.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 1. Абрис щитка в виде прямоугольной фигуры, вытянутой перпендикулярно основанию. Всего 4 экз.: Кок-Паш, курганы № 29, 49; Яломан-II, курганы № 30, 32* (рис. 2, 1–4).

Тип 2. Щиток овальный, вытянутый перпендикулярно основанию. Насчитывает 7 экз. из могильников: Верх-Уймон, курган № 35; Кок-Паш, курган № 39; Степушка-I, курган № 5; Булан-Кобы-IV, погребения № 3 (р. 7, п. 2)**, 8 (р. 1, п. 4), 10 (р. 6, п. 10); Дялян, курган № 5 (рис. 2, 5–7).

Отдел II. Щиток представляет собой несомкнутую петлю с поперечной переключной, загнутую на лицевую сторону основания.

* У данного экземпляра щиток имел железную полуобойму прямоугольной формы, фиксирующуюся к ремню с помощью вставных шпеньков.

** Здесь и далее при рассмотрении вещественных материалов могильников Булан-Кобы-IV и Улита приводятся два варианта нумерации объектов: сначала в тексте обозначены номера погребений согласно диссертации Ю. Т. Мамадакова [1990б], а в скобках (в данном случае, например, р. 7, п. 2 – раскоп 7, погребение 2) – маркировка из полевых отчетов и коллекционных описей находок, хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

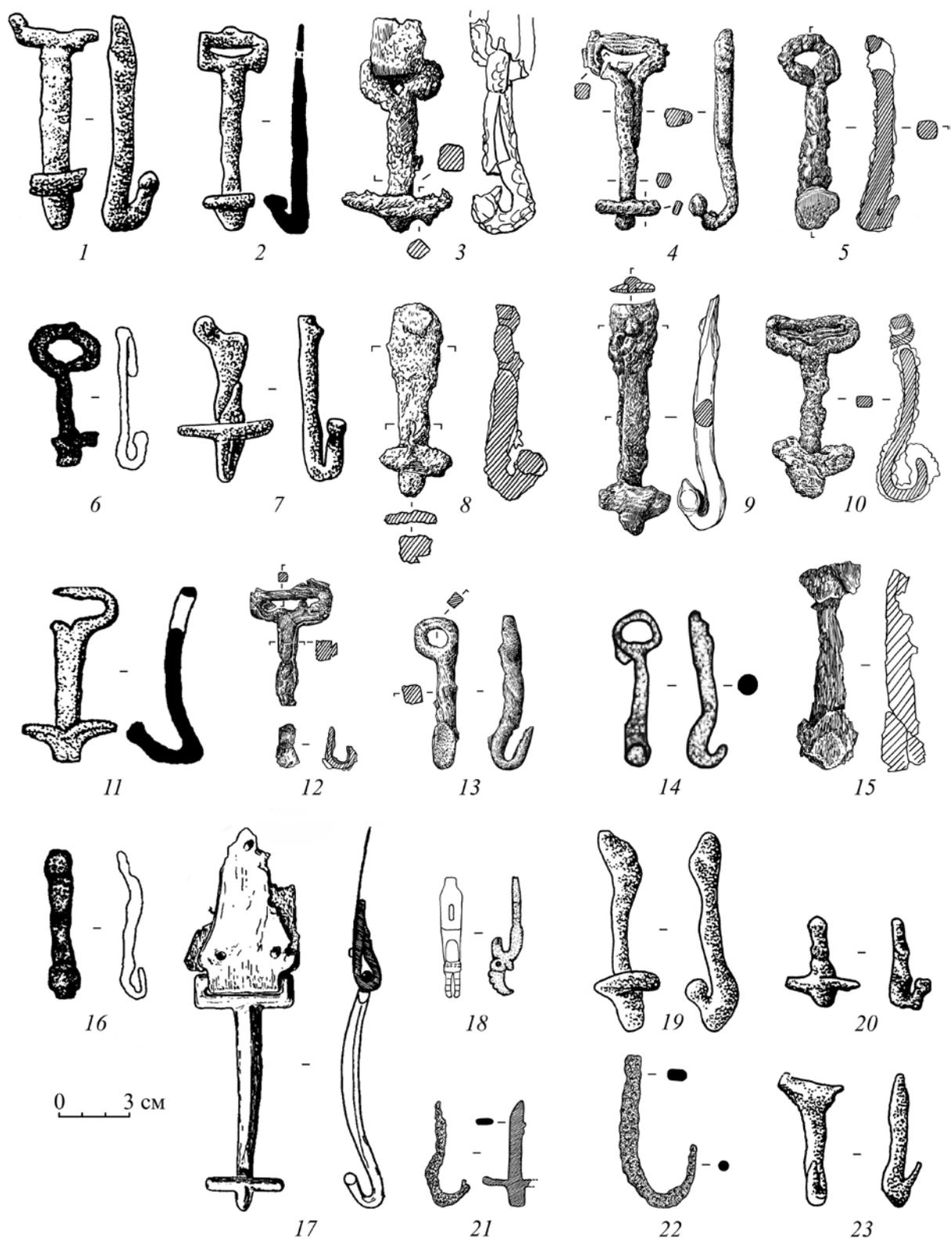

Рис. 2. Колчанные крюки из памятников булан-кобинской культуры:

1, 2, 7, 19, 20, 23 – Кок-Паш, курганы № 29, 49, 39, 29, 40 (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 3, 4, 8, 10 – Яломан-II, курганы № 32, 30, 31, 29 (по: [Тишкин, Матренин, 2012]); 5, 9, 12, 13, 15 – Степушка-I, курганы № 5, 19, 13, 17, 6 (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013]); 6, 16 – Верх-Уймон, курганы № 35, 32 (по: [Соенов, 2005]); 11 – Кам-Тытугом (по: [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998]); 14 – Степушка-II, курган № 40 (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2016]); 17 – Балыктыюль, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]); 18 – Айрыдаш-I, курган № 25 (по: [Суразаков, Соенов, 2010]); 21, 22 – Кызыл, курган № 3, впускное погребение № 1 (по: [Кочеев, Суразаков, 2003]); 1-16, 19-23 – железо; 17, 18 – бронза

Тип 3. Щиток полукруглый. Включает 1 экз. из Булан-Кобы-IV, погребение № 27 (р. 2, п. 12).

Отдел III. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью вставных шпеньков-заклепок.

Тип 4. Щиток овально-четырёхугольный, плавно переходящий в основание. Учтено 2 экз.: Яломан-II, курган № 31; Степушка-I, курган № 19 (рис. 2, 8, 9).

Раздел II. Планка v-образная (с сильным прогибом посередине).

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 5. Щиток овальный, вытянутый перпендикулярно основанию. Учтено 2 экз.: Яломан-II, курган № 29; Кам-Тытугем (рис. 2, 10, 11).

Разряд II. Без поперечной планки на язычке.

Раздел III. Окончание простое.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 6. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. Всего 2 экз.: Степушка-I, курган № 13; Булан-Кобы-IV, погребение № 63 (курган № 26) (рис. 2, 12).

Тип 7. Щиток округлый. Зафиксировано 3 экз.: Степушка-I, курган № 17; Степушка-II, курган № 40; Дялян, курган № 6 (рис. 2, 13, 14).

Отдел III. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью вставных шпеньков-заклепок.

Тип 8. Щиток овальный, плавно переходящий в основание. Всего 2 экз. из памятников Степушка-I, курган № 6; Тянгис-Тыг, курган № 2, впускное погребение (рис. 2, 15).

Отдел IV. Щиток представляет собой несомкнутую петлю, загнутую в сторону язычка на лицевую или тыльную поверхность основания.

Тип 9. Щиток полукруглый. Всего 1 экз.: Верх-Уймон, курган № 32 (рис. 2, 16).

Группа II. Бронзовые крюки.

Разряд I. С поперечной планкой на язычке.

Раздел II. Планка прямая.

Отдел I. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону основания.

Тип 10. Щиток прямоугольный, вытянутый перпендикулярно основанию. Всего 1 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 2, 17).

Разряд II. Без поперечной планки на язычке.

Раздел IV. Окончание зооморфное (в виде головы горного барана).

Отдел V. Щиток представляет собой пластину, фиксирующуюся к ремню с помощью прорези.

Тип 11. Щиток фигурный, плавно переходящий в основание. Имеется 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 25 (рис. 2, 18).

Колчаные крюки представлены в поясных гарнитурах многих кочевых народов Евразии со 2-й половины I тыс. до н.э. Практика использования данных застежек в Центральной Азии и Сибири значительно сокращается во II в. до н.э. – I в. н.э. за счет широкого распространения металлических пряжек с подвижным язычком. Колчаные крюки очень редко встречаются у хунну Забайкалья и Монголии [Давыдова, 1996, табл. 42, 6; Миняев, 1998, табл. 30, 7; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225]. В степях Восточной Европы такие изделия выходят из употребления в раннесарматское время (II-I вв. до н.э.). Их новое появление в данном регионе связано с гуннами, пришедшими сюда в конце IV в. В лесных культурах Прикамья они известны на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. [Генинг, 1963, табл. XVIII, 2; 1988, рис. 16, 5, 6, 7, 9; Агеев, 1992, табл. 8, 27, 28, 29; рис. 18, 1–6; Останина, 1997, рис. 11, 9–13, 40, 41, 42].

На Алтае колчаные крюки впервые фиксируются у населения пазырыкской культуры со 2-й половины VI – 1-й половины V в. до н.э. Известные на сегодняш-

ний день колчаные крюки булан-кобинской культуры происходят из погребений, датирующихся не ранее II в. Верхняя хронологическая граница их бытования смыкается со временем появления раннетюркских памятников 2-й половины V – 1-й половины VI в.

Материал крюков в типологическом отношении является малоинформативным показателем. Абсолютное большинство анализируемых изделий (24 экз.) выполнены из железа в техникековки (группа I). Массовое использование железа, а также присутствие самых ранних крюков в погребениях II – 1-й половины IV в. отражает традицию изготовления этой детали воинского снаряжения «булан-кобинцев», генетически не связанную с бронзовыми гарнитурами пазырыкской культуры. Данный вывод подтверждают результаты исследования конструкции и формы классифицированных предметов.

У булан-кобинского населения наибольшей популярностью пользовались крюки с поперечной планкой на язычке (раздел I). Данный признак присутствовал у 16 из 26 классифицированных предметов*. Функциональное назначение планки, по-видимому, заключалось в более надежной фиксации свободного конца ремня, который представлял собой широкую прорезь или петлю. Особенностью большинства крюков с таким оформлением язычка выступает большая длина основания (не менее 8 см), которое почти всегда прогнуто.

Начальная дата появления крюков с поперечной планкой на территории Южной Сибири является принципиально важной для региональной археологической периодизации. Сложность ее определения вызывают «плавающая» датировка комплексов, где найдены данные предметы, или фрагментарная публикация материалов некоторых перспективных для решения этого вопроса памятников. Неудивительно, что в ряде случаев такие крюки сами приобретают значение хронологического индикатора.

Имеющиеся к настоящему моменту археологические источники показывают, что этой модификации крюков нет в I–II вв. [Елин, Васютин, 1984, с. 36; Николаев, 2000, с. 78–82]. За пределами Саяно-Алтая крюки с поперечной планкой происходят преимущественно из памятников IV–V вв. Они представлены в бурхотуйской и дарасунской культурах Восточного Забайкалья (IV–VI вв.), у поздних сяньби на территории Северного Китая (начало IV в.), у племен курумчинской культуры Прибайкалья (IV–V вв.), у «кенкольцев» Тянь-Шаня (IV–V вв.), у джетыясарского населения Восточного Приаралья (IV в.), у кочевников Приуралья и Северного Причерноморья гуннского времени (конец IV – V в.), а также у племен Новосибирского Приобья (2-я половина V – начало VI в.) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 170, табл. VI, 8, XVIII, 1, 2, 3, 6, XX, 10, XXIII, 2; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2, 10, 11; Левина, 1994, рис. 139, 37; Засецкая, 1994, табл. 5, 12, 37, 21, 46, 19; Yu Junyu, 1997, fig. 9, 3; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23, 9; Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 75, 5, 76, 2, 80, 10; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, с. 112, рис. 37, 6; Дашибалов, 2011, рис. 21, 10]. Однако крюки данной модификации появляются раньше. Этот вывод подтверждают закрытые комплексы Восточного Забайкалья, Тувы, предгорий Кузнецкого Алатау и непосредственно Алтая, датировка которых в настоящее время хорошо аргументирована.

Полноценное рассмотрение материалов Восточного Забайкалья сейчас затруднено выборочной публикацией захоронений бурхотуйской культуры, начальная дата которой уже несколько десятилетий определяется в пределах IV или V в. без каких-либо указаний на более узкие хронологические интервалы. В этом контексте важно то, что колчаные крюки с планкой обнаружены в сяньбийских погребениях дуройского типа Приаргунья (могильники Большая Канга-I, Дурой-I) [Ковычев, 2006, рис. 6, III-4; Зюзин, 2008, с. 168]. В хронологическом отношении они занимают промежуточное положение между зоргольскими (конец I – начало III в.) и бурхотуйскими памятника-

* С учетом всей серии (36 экз.) известных нам крюков разной степени сохранности в памятниках Алтая II–V вв. н.э. модификации с планкой на язычке насчитывают 22 изделия.

ми (IV–VI вв.) и датируются, по-видимому, не ранее середины III в. [Яремчук, 2003, с. 73–75; 2005; Ковычев, 2006, с. 255, 257]. Погребения этой группы поздних сяньби отражают процесс формирования элементов вещевого комплекса и погребального обряда бурхотуйской общности на рубеже III–IV вв.

На территории Тувы ранние находки крюков с поперечной планкой представлены в могильнике Аймырлыг-XXXI, который относится ко II–III вв.* В опубликованных материалах кокзальской культуры Тувы крюки с планкой представлены двумя экземплярами из кургана-кладбища Кокзаль-26 [Вайнштейн, 1970, рис. 60, 2, 73, 8]. Крюк из Бай-Тайги датируется по сопутствующим вещам, прежде всего железным пластинам от доспеха, не ранее 2-й половины IV в. [Грач, 1966, рис. 30, 1]. Время существования некрополя Кокзаль по-прежнему вызывает дискуссии. По мнению Д. Г. Савинова, датировка этого уникального комплекса приходится на 2-ю половину II – середину III в. с возможным «запаздыванием» до начала IV в. и соответствует периоду господства в Центральной Азии сяньби [Савинов, 1992, с. 107–109; 2003, с. 54–55; Длужневская, Савинов, 2007, с. 74]. Н. Н. Николаев [2001, с. 24–25, 55] определяет нижний хронологический рубеж функционирования данного некрополя временем крушения военно-политического могущества сяньби, а сам памятник датирует не ранее конца III в. Принимая во внимание относительно короткую хронологию Кокзэля, можно допустить, что большинство погребений попадают в такой интервал: конец III – 1-я половина IV в. Крюки с планкой происходят из погребений (КЭ-26, п. № XXXI и XXXVIII), сопроводительный инвентарь которых не имеет более узких хронологических привязок. Экземпляр из кургана-кладбища Кокзаль-38 найден вместе с витой пластинчатой гривной, типологически более ранней, чем крученые гривны из нескольких сплетенных проволок. Ее точные подобию представлены в таштыкском склепе № 2 Изыхского чаатаса IV–V вв. [Вадецкая, 1999, табл. 91]. В Туве эти украшения появляются, видимо, несколько раньше, чем на Среднем Енисее.

Экземпляр крюка с поперечной планкой имеется в фоминской культуре. Обнаружен он в предгорьях Кузнецкого Алатау в Усть-Абинском могильнике [Ширин, 2003, с. 65, табл. LXX, 11]. Археологический возраст этого памятника определяется не ранее 2-й половины III в. на основании хорошо датирующихся вещевых комплексов, в том числе с привлечением позднесарматских и прикамских аналогий. Крюки этой конструкции демонстрируют контакты населения подтаежной зоны юга Западной Сибири с кочевыми племенами на волне Великого переселения народов. С какой территории данное изделие попало в предгорья Кузнецкого Алатау, сказать сложно. Однако, учитывая параллели в вещевых наборах с булан-кобинской и кокзальской культурой, предпочтительным будет рассматривать направление связей с Алтаем и Тувой. В ареале фоминской культуры начало распространения крюков с планкой может запаздывать до последней четверти III в.

Приведенные выкладки дают основания считать, что период использования колчаных крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Верхняя хронологическая граница бытования таких крюков на Алтае устанавливается достаточно уверенно в рамках 2-й половины V – 1-й половины VI в. по их присутствию в оградках кызыл-ташского этапа тюркской культуры [Илюшин, 2000; Тишкин, Серегин, 2011]. На последующих этапах развития тюркской общности они не встречаются.

Изобретение крюков с рассматриваемым оформлением язычка пока трудно связать с какой-то конкретной этнокультурной средой, хотя предпочтение можно отдать племенам «позднесяньбийского конгломерата». При этом выделяются два региона, где данные застежки имели наибольшую популярность. Одним из них является Алтай, другим – Восточное Забайкалье. На остальных территориях такие крюки встречаются

* Автор выражает признательность сотруднику Государственного Эрмитажа кандидату исторических наук Н. Н. Николаеву за возможность знакомства с частью археологической коллекции из данного памятника.

редко. Из Центральной Азии они проникают в Семиречье и на Нижнюю Сырдарью (IV в.), откуда в конце IV в. вместе с гуннами попадают в степи Приуралья и дальше в Восточную Европу.

Колчаные крюки разряда I обычно снабжены прямой планкой (раздел I). Количественно преобладают экземпляры со щитком в виде сомкнутой петли (отдел I) прямоугольной (тип 1) или овальной (тип 2) формы. Тип 1 можно сравнить с обломком крюка из погребения фоминской культуры Усть-Абинского могильника, которое, как уже отмечалось выше, датируется не ранее 2-й половины III в. н.э., вероятно ближе к концу столетия [Ширин, 2003, табл. LXX, 11]. Значительное количество аналогий найдено для типа 2: в кокэльском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве (не ранее 2-й половины IV в.), в дуройских (Большая Канга-I) и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья (преимущественно IV–VI вв.), в катакомбах кенкольской культуры Тянь-Шаня (не ранее IV в.), в кургане раннего этапа (2-я половина V – VI в.) верхнеобской культуры Крохалевка-23, в памятниках гуннского времени (конец IV – V в.) Приуралья (Кызыл-Адыр, курган с «усаами» Султантимировский-I) и Северного Причерноморья (Новогригорьевка, Кубей) [Грач, 1966, рис. 30, 1; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XVIII, 2, XXIII, 2; Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2, 11; Худяков, 1991, рис. 30, 1; Засецкая, 1994, табл. 5, 12, 37, 21, 46, 19; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 23, 9; Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 80, 10; Ковычев, 2006, рис. 6, 4; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, рис. 37, 6]. Похожий экземпляр происходит из тюркской оградки 2-й половины V – 1-й половины VI в. некрополя Кудэргэ [Илюшин, 2000]. На Алтае колчаные крюки типов 1, 2 датируются 2-й половиной III – началом VI в. Широкое применение в воинском снаряжении они получили, видимо, с рубежа III–IV вв.

Крюки с прямой планкой (раздел I), имеющие щиток в виде несомкнутой полукруглой петли с поперечной перекалиной, загнутой на лицевую сторону основания (отдел II), представлены одним экземпляром (тип 3). Похожее изделие, но с петлей без перекалины, загнутой на тыльную сторону основания, происходит из некрополя Кокэль (КЭ-26, п. № 38) [Вайнштейн, 1970, рис. 73, 8]. Датировка погребения, где найден данный предмет, определяется в интервале 2-й половины III – IV в. В рамках кокэльской культуры Тувы такая модификация застежек отражает оригинальный подход конструктивного решения, который заключается в сочетании нового оформления язычка и уже известного петельчатого крепления, характерного для крюков без планки [Вайнштейн, 1970, рис. 40, 2, 3, 76, 3, 97, 7, 8, 9; Дьяконова, 1970, табл. I, 26]. Полностью совпадающая во всех деталях аналогия типу 3 зафиксирована в бурхотуйской культуре Восточного Забайкалья [Худяков, 1991, рис. 30, 9]. Крюк типа 3, найденный на Алтае, предварительно датируется нами концом III – IV в.

Еще один крюк с прямой планкой снабжен пластинчатым щитком со шпильковым креплением (отдел III), имеющим овально-четырёхугольную форму (тип 4). Похожие изделия встречены в позднесяньбийских материалах могильника Дурой-I Восточного Забайкалья (не ранее середины III в.), а также в погребении династии Ранняя Янь (начало IV в.) из Чаояна в Северном Китае [Yu Junyu, 1997, fig. 7, 3; Зюзин, 2008, с. 168]. Наиболее вероятное время бытования данных крюков у булан-кобинского населения – это IV–V вв. Похожий, но не идентичный на уровне абриса щитка экземпляр зафиксирован в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. из Кудэргэ [Илюшин, 2000].

Крюк с v-образно изогнутой планкой (раздел II) имеет щиток в виде сомкнутой петли (отдел I) овальной формы (тип 5). Похожие изделия имеются в комплексах не древнее IV в. из Восточного Забайкалья, Тянь-Шаня и Восточного Приуралья [Кожомбердиев, Худяков, 1987, рис. 2, 10; Худяков, 1991, рис. 30, 5; Левина, 1994, рис. 139, 37]. На территории Алтая крюки с такими морфологическими признаками появляются, видимо, в IV в. Верхнюю хронологическую границу существования данного типа на имеющемся археологическом материале можно определить пока условно концом V – началом VI в.

Теперь перейдем к рассмотрению крюков без поперечной планки (разряд II). Анализировать их достаточно сложно, так как в эпоху поздней древности и средневековья они имели широкую географию распространения и внешне похожие изделия встречались на весьма отдаленных территориях. Это обстоятельство заставило нас отказать от глобального сравнительного изучения данных предметов и ограничиться исследованием находок II в. до н.э. – V в. н.э. из восточной части степной и лесостепной полосы Евразии.

В железном исполнении крюки без планки появляются в скифо-сакское время. На Алтае они впервые зафиксированы в пазырыкской культуре, хотя значительно чаще встречаются в Алтайской лесостепи у племен каменной культуры [Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 29, 11; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120, 8, 9, 10, 20–28]. В Центральной и Северной Азии железные крюки без планки с простым окончанием язычка (раздел II) известны у хунну Забайкалья и Монголии, у населения кокзальской культуры Тувы, у поздних сяньби Восточного Забайкалья, у носителей тесинской и таштыкской культур Хакасии, у шестаковских племен Ачинско-Мариинской лесостепи, у фоминского населения Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау, в памятниках одинцовской культуры Алтайской лесостепи и ранних комплексах верхнеобской культуры Томского Приобья, в курганах саргатской культуры юга Западной Сибири [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 2, XLI, 22; Вайнштейн, 1970, рис. 29, 6, 40, 2, 3, 76, 3, 97, 7, 8, 9, 106, 5; Дьяконова, 1970, табл. I, 25, 26; Уманский, 1978, рис. 3, 4, 5, 6; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 4, 9, 7, 2, 14, 9; Матвеева, 1994, рис. 24, 6; Давыдова, 1996, табл. 42, 6; Культура зауральских скотоводов..., 1997, рис. 22, 12, с. 54; Миняев, 1998, табл. 30, 7; Вадецкая, 1999, рис. 15, 25, 27, 28, 29, 65, 70, 77, табл. 8, 9, 10, 11, 68, 2, 91, 104, 115, 135, 1, 2; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 40, 44; Панкова, 2003, рис. 5, 4; Ширин, 2003, табл. XXXVII, 1, XLIX, 1, LIII, 18; Митько, 2007, рис. 22, 13, 14, 15; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225; Зюзин, 2008, с. 168].

Среди крюков без планки количественно преобладают экземпляры со щитком в виде сомкнутой петли, ориентированной просветом на лицевую сторону основания (отдел I). Они были популярными у многих народов эпохи поздней древности и раннего средневековья. Тем не менее зафиксированный в булан-кобинской культуре крюк с петлей прямоугольной формы (тип 6) не имеет себе точных аналогий. Появление данного типа могло произойти под влиянием экземпляров типа 1 посредством переноса от них прямоугольной формы щитка либо, наоборот, путем удаления поперечной планки. Крюк типа 6 найден в кургане № 26 могильника Булан-Кобы-IV, который, судя по обнаруженному инвентарю, датируется финалом бело-бомского – началом верх-уймонского этапа (середина IV – начало V в.) булан-кобинской культуры. Крюки с округлым щитком (тип 7) являются частой находкой в археологических комплексах 2-й половины I тыс. до н.э. Наиболее близкие в территориальном отношении экземпляры связаны с каменной культурой Верхнего Приобья [Могильников, 1997, с. 57–58, рис. 47, 1, 2; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 120, 20–24] и саглынской культурой Тувы и Монголии [Семенов, 2003, табл. 3, 37, 32, 1, 9, 60, 30, 95, 17]. В 1-й половине I тыс. н.э. они встречаются в памятниках кокзальской, тесинской, таштыкской, фоминской, саргатской культур [Вайнштейн, 1970, рис. 29, 6; Матвеева, 1994, рис. 20, 4; Вадецкая, 1999, рис. 15, 29, табл. 8, 9, 10; Ширин, 2003, табл. XXXVII, 1, XLIX, 1, LIII, 18; Митько, 2007, рис. 22, 13]. Известные в настоящий момент на Алтае экземпляры типа 7 обнаружены в погребениях IV–V вв. и генетически не связаны с застежками скифо-сакского времени. Начальная дата появления таких крюков у «булан-кобинцев» остается пока открытой. На сегодняшний день можно констатировать их отсутствие на Алтае в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Крюки без планки с пластинчатым щитком, фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков (отдел II), найдены в памятниках хунну, в курганах саргатской культуры, в грунтовых могилах таштыкской культуры, в позднесяньбийских погребениях дуройского типа [Культура зауральских скотоводов..., 1997, рис. 22, 15,

с. 54; Вадецкая, 1999, рис. 15, 25; Эрдэнэ, Амгалантөгс, Нельсон, 2007, т. 225; Зюзин, 2008, с. 168]. Данные изделия получают широкое распространение в раннем и развитом средневековье. Такие крюки на Алтае наиболее массово представлены у тюрок [Кубарев, 2005, табл. 7, 4, 99, 16, 150, 5]. Экземпляры из курганов булан-кобинской культуры имеют овальные щитки (тип 8). Аналогии данным образцам нам неизвестны. Учитывая распространение морфологически близких предметов на Среднем Енисее и в Восточном Забайкалье, появление данных крюков на Алтае предварительно можно отнести к III в. Вопрос о верхней хронологической границе типа 8 в рамках булан-кобинской культуры остается открытым.

Колчаные крюки без планки раздела III, имеющие щиток в виде несомкнутой петли, загнутой на лицевую или тыльную поверхность основания (отдел IV), представлены типом 9. Рассматриваемая конструкция крепления зафиксирована впервые у бронзовых крюков скифо-сакского времени. Единственный железный экземпляр данного типа имеет аналогию в некрополе Кокэль (не ранее середины III в.), а также в таштыкском склепе (не ранее IV в.) из Маркелова Мыса-II [Вайнштейн, 1970, рис. 40, 2, 3, 76, 3, 97, 7, 8, 9; Дьяконова, 1970, табл. I, 26; Митько, 2007, рис. 22, 14, 15]. С учетом этих немногочисленных сопоставлений можно допустить, что начальный период распространения изделий типа 9 на Алтае приходится на конец III – IV в.

Бронзовые колчаные крюки (группа II) в снаряжении кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени применялись редко. В этом материале нам известно два изделия. Одно из них – с прямой поперечной планкой (разряд I, раздел I) на язычке и с сомкнутой петлей (отдел I) прямоугольной формы (тип 10), в которую вставлена подвижная лопасть-полуобойма. Датировка данного типа должна совпадать с хронологическими выкладками, полученными для типов 1, 2, – укладывается в рамки 2-й четверти I тыс. н.э. Другой крюк из цветного металла имеет язычок без планки (разряд II) с зооморфным окончанием (раздел IV) и прорезной пластинчатый щиток (отдел IV) с фигурным абрисом (тип 11). На уровне отдельных морфологических характеристик его можно сравнить с колчанными застежками 2-й половины I тыс. до н.э., признавая тот факт, что пластинчатые щитки с вертикально ориентированной прорезью для скифо-сакского времени не характерны. Следует отметить достаточно архаичное декоративное оформление окончания язычка в виде головы горного барана со сквозным отверстием на месте глаз, вероятно, для инкрустации. Таким образом, тип 11 пока является самой ранней модификацией застежек стрелкового пояса в булан-кобинской культуре и датируется нами предварительно II–III вв.

В заключение необходимо отметить отсутствие стрелковых поясов с крюками-застежками в памятниках Алтая хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.). Можно сделать вывод, что наибольшей популярностью у «булан-кобинцев» пользовались крюки с поперечной планкой, период бытования которых приходится на 2-ю четверть I тыс. н.э. Данным изделиям найдено значительное количество аналогий в памятниках IV–V вв., что отражает время их активного использования. Выявлено значительное сходство данных крюков на Алтае и в Восточном Забайкалье, которое может демонстрировать ориентацию кочевников этих регионов на одинаковые образцы воинской экипировки. Данные застежки являются одним из хронологических индикаторов поздней стадии бело-бомского этапа (конец III – середина IV в.), а также показательным элементом предметного комплекса верх-уймонского (2-я половина IV – V в.) этапа булан-кобинской культуры. Различия между «ранними» (2-я половина III – 1-я половина IV в.) и «поздними» (2-я половина IV – V в.) экземплярами не выявлены. Колчаные крюки без планки с простым окончанием язычка генетически не связаны с традициями скифо-сакского времени. Датировка таких крюков имеет сложности, которые вызваны небольшой серией находок в закрытых комплексах Алтая II–V вв. Для определения относительной хронологии в основном приходится опираться на контекст их обнаружения с другими датируемыми категориями инвентаря в закрытых комплексах булан-кобинской культуры.

Ножны

Футляры для ношения коротколезвийного и длинноклинкового оружия ближнего боя являются редкой находкой в памятниках булан-кобинской культуры. Это обусловлено плохой сохранностью органических материалов, которые применялись для их изготовления [Горбунов, 2006, с. 82, рис. 63]. На сегодняшний день большая часть полученных археологических изделий полноценно не введена в научный оборот. Данное обстоятельство создает объективные трудности для формирования адекватного представления об особенностях этой части снаряжения кочевников Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время. Несмотря на это, важно заметить, что по сравнению с другими областями Северной Азии на Алтае обнаружено больше всего относительно хорошо сохранившихся и археологически реконструируемых образцов воинской экипировки II в. до н.э. – V в. н.э.

Зафиксированные экземпляры ножен боевых ножей, кинжалов и мечей булан-кобинской культуры не подлежат развернутой классификации и могут быть рассмотрены пока только на уровне описания металлических деталей, прежде всего крепежных приспособлений для фиксации к портупейным ремешкам. При работе с вещественными находками из публикаций, научных отчетов и археологических коллекций нами было идентифицировано 19 боевых ножей, один кинжал и один меч с информативными остатками ножен из следующих погребальных комплексов.

Пазырык. Курган № 6, впускное погребение. Боевой нож обнаружен в области пояса мужчины. В верхней части клинка длиной около 17 см зафиксировано железное крепление ножен: окантовка устья в виде обоймы шириной приблизительно 2,3 см и бортик вытянуто-прямоугольной формы размерами 5,1 × 1 см, зажимающий боковой край окантовки со стороны лезвия (рис. 3, I-1). Бортик, по-видимому, состоял из двух платин-накладок, скрепляющихся между собой тремя вставными шпеньками с полукруглой шляпкой. Центральный шпенец бортика подвижно соединялся с хомутом (пластина-полуобойма), который фиксировал витую цепочку из одного восьмеркообразного звена длиной примерно 2,6 см, завершающуюся кольцом (рис. 3, I-2). К последнему подводился узкий подвесной портупейный ремешок. Кожаная и деревянная основа ножен не сохранилась [Гаврилова, 1965, рис. 3, 7]. Из данного погребения происходят детали от аналогичных ножен (рис. 3, I-3–5) с двухзвенной витой цепочкой большей длины, а также отдельное восьмеркообразное звено длиной до 2,8 см с остатками кожаного ремешка [Гаврилова, 1965, рис. 3, 5, 6].

Булан-Кобы-IV. Поддающиеся атрибуции детали ножен короткоклинкового оружия выявлены в пяти погребениях, раскопанных Ю. Т. Мамадаковым [1990б]. Данные изделия в основном не опубликованы и должным образом не описаны. В настоящее время они хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (коллекция № 116).

Погребение № 2 (курган № 6). Кинжал в ножнах лежал у правого бока (в районе предплечья) мужчины, острием в направлении ног. Зафиксирована органическая основа ножен килевидной формы, представляющая собой две плоские дощечки с ровно срезанным верхом и приостренным окончанием. На внутренней стороне они имели неглубокие врезанные пазы, повторяющие форму клинка. Сложенные вместе дощечки обтягивались кожей и имели окантовку из кожаного ремня, к которой фиксировалась кожаная петля-хомут для портупейного ремня [Мамадаков, 1996, с. 76–77, рис. 1, 1] (рис. 3, II).

Погребение № 8 (р. 1, п. 4). Боевой нож в ножнах, найденный на тазовых костях мужчины, был ориентирован почти перпендикулярно позвоночнику, острием в правую сторону. На клинке прослеживался тлен деревянного футляра, покрытого сверху кожей. Устье ножен имело окантовку в виде узкой железной полуобоймы с небольшими отверстиями, в которые вставлялись железные шпеньки-заклепки. Со стороны лезвия располагался бортик из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы, которые соединялись друг с другом вставными шпень-

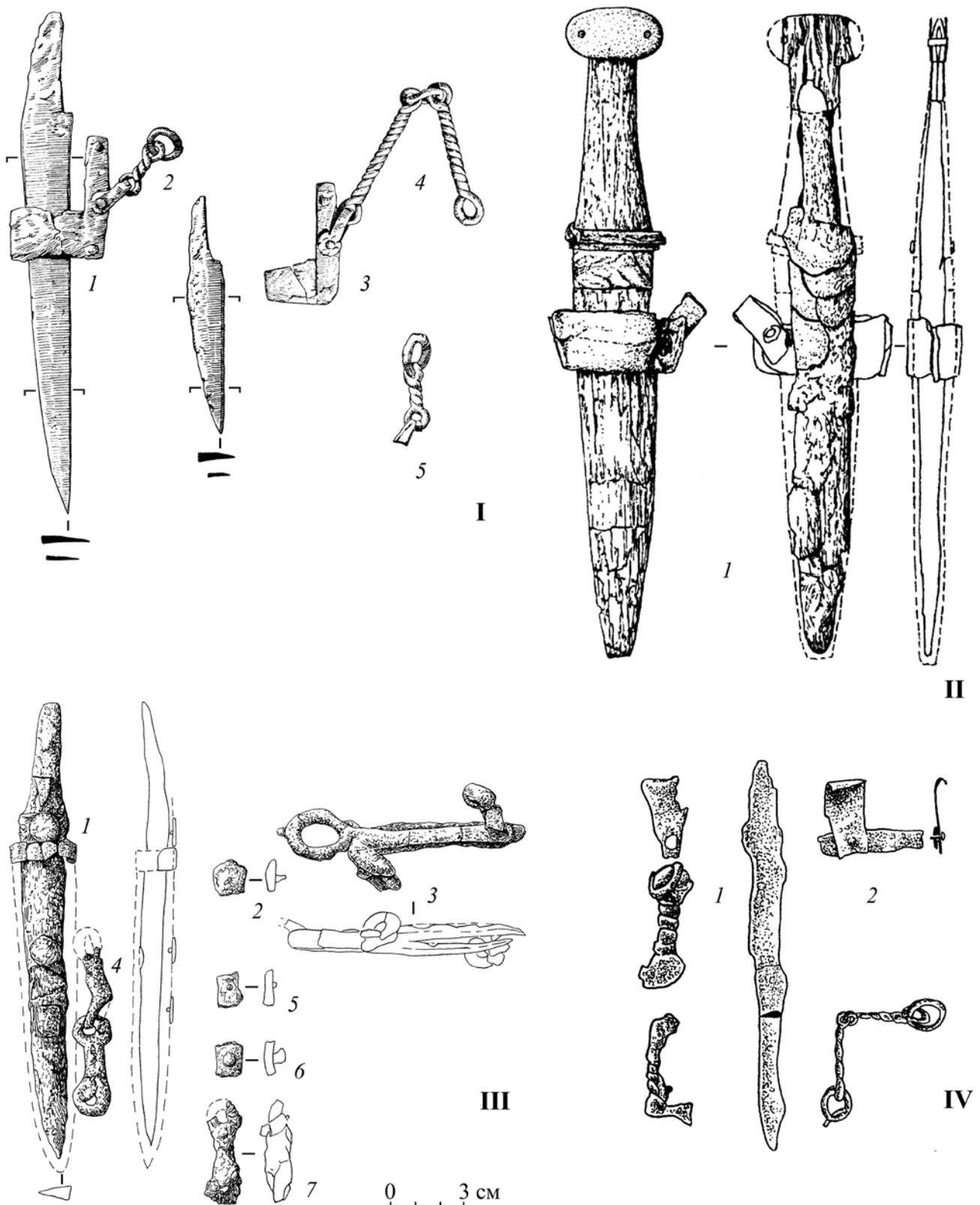

Рис. 3. Детали ножен короткоклинкового оружия из памятников булан-кобинской культуры:

I – Пазырык, курган № 6, впускное погребение (по: [Гаврилова, 1965]); II – Булан-Кобы-IV, погребение № 2 (по: [Мамадаков, 1996]); III – Булан-Кобы-IV, курган № 34 (по: [Мамадаков, 1985б]); IV – Кок-Паш, курган № 37 (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003])

ками с полусферическими шляпками. Окончание ножен снабжено железной накладкой овально-прямоугольной формы размерами 4,6 × 3,2 см, фиксированной к деревянной основе шпёнками-заклепками. По-видимому, ножны подвешивались

к поясу с помощью двух портупейных ремешков (один был подведен к устью, другой – к окончанию), что обеспечивало ношение ножа параллельно поясу или острием вниз под необходимым углом.

Погребение № 10 (р. 1, п. 6). Боевой нож обнаружен в захоронении мужчины на тазовых костях. Он располагался под значительным углом к позвоночнику, острием в правую сторону. На клинке зафиксированы фрагменты деревянного каркаса с железными деталями. Устье скрепляла полуобойма-оковка шириной около 3 см. Еще две похожие полуобоймы обрамляли нижнюю часть ножен. К средней части ножен со стороны лезвия с помощью шпеньков крепились две железные полуобоймы с подвижными кольцами, предназначенные для фиксации ножа к поясу при помощи подвесных портупейных ремешков.

Погребение № 55 (курган № 24, погребение № 2). Боевой нож в ножнах лежал на тазовых костях мужчины почти перпендикулярно позвоночнику, острием в левую сторону. На массивном клинке зафиксирован тлен деревянной основы, покрытой сверху кожей. Устье ножен окантовано железной полуобоймой прямоугольной формы. Со стороны лезвия ее зажимал бортик из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы, скрепленных между собой тремя вставными шпеньками с полусферическими шляпками. Центральный шпенец фиксировал крепление-хомут подвижного соединения железной витой цепочки из одного восьмеркообразного звена, снабженного полуобоймой для крепления к основному поясу или портупейному подвесному ремешку.

Погребение № 66 (курган № 34). Боевой нож с остатками ножен обнаружен в мужском кенотафе [Мамадаков, 1985б, рис. 7, 1]. На клинке длиной примерно 14 см выявлены фрагменты деревянного корпуса, украшенного с лицевой стороны тремя плоскими железными бляхами подквадратной формы со шпеньковым креплением (рис. 3, III-2-6). Зафиксированы остатки железной окантовки в виде полуобоймы шириной около 0,8 см (рис. 3, III-1). Ножны были снабжены цепочкой из восьмеркообразных звеньев (рис. 3, III-4, 7), которая соединялась с портупейной неподвижно-шпеньковой пряжкой с длинным щитком (рис. 3, III-3).

Кок-Паи. Детали ножен идентифицированы среди сильно корродированных железных предметов в двух погребениях.

Курган № 34. Зафиксированы обломки железного ножа в ножнах с берестяным покрытием плохой сохранности без металлических деталей крепления [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, рис. 9, 29].

Курган № 37. Из мужского погребения происходят сильно корродированные обломки боевого ножа с железными деталями ножен, среди которых визуально можно различить оковку устья с бортиком в виде пластины, части оковок-полуобойм, два витых восьмеркообразных звена цепочки для подвешивания к портупее [Там же, рис. 12, 12, 14, 17, 18, 23, 25, 35, 7-9] (рис. 3, IV). Содержание опубликованной информации о данном изделии не позволяет сделать точных выводов об особенностях крепления ножен.

Дялян. Курган № 7. Боевой нож с остатками ножен лежал в области живота мужчины с левой стороны, острием вниз. В месте перехода черена в поражающую часть зафиксировано сильно корродированное крепление в виде полуобоймы с кольцом [Терин, 2004, рис. 8, 2] (рис. 4, IV).

Карбан-1. Курган № 39. Боевой нож с деталями ножен обнаружен вдоль левого бедра мужчины, острием в направлении ног. На клинке сохранились три железные оковки-полуобоймы со вставными шпеньками. Одна из них скрепляла устье, остальные обрамляли нижнюю часть корпуса. Материалы данного комплекса не опубликованы и хранятся в музее Алтайского государственного педагогического университета.

Яломан-II. В четырех погребениях зафиксированы остатки ножен боевых ножей, в одном – детали ножен меча. Данные материалы частично введены в научный оборот [Горбунов, 2006]. Предметы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (коллекции № 181, 613, 621).

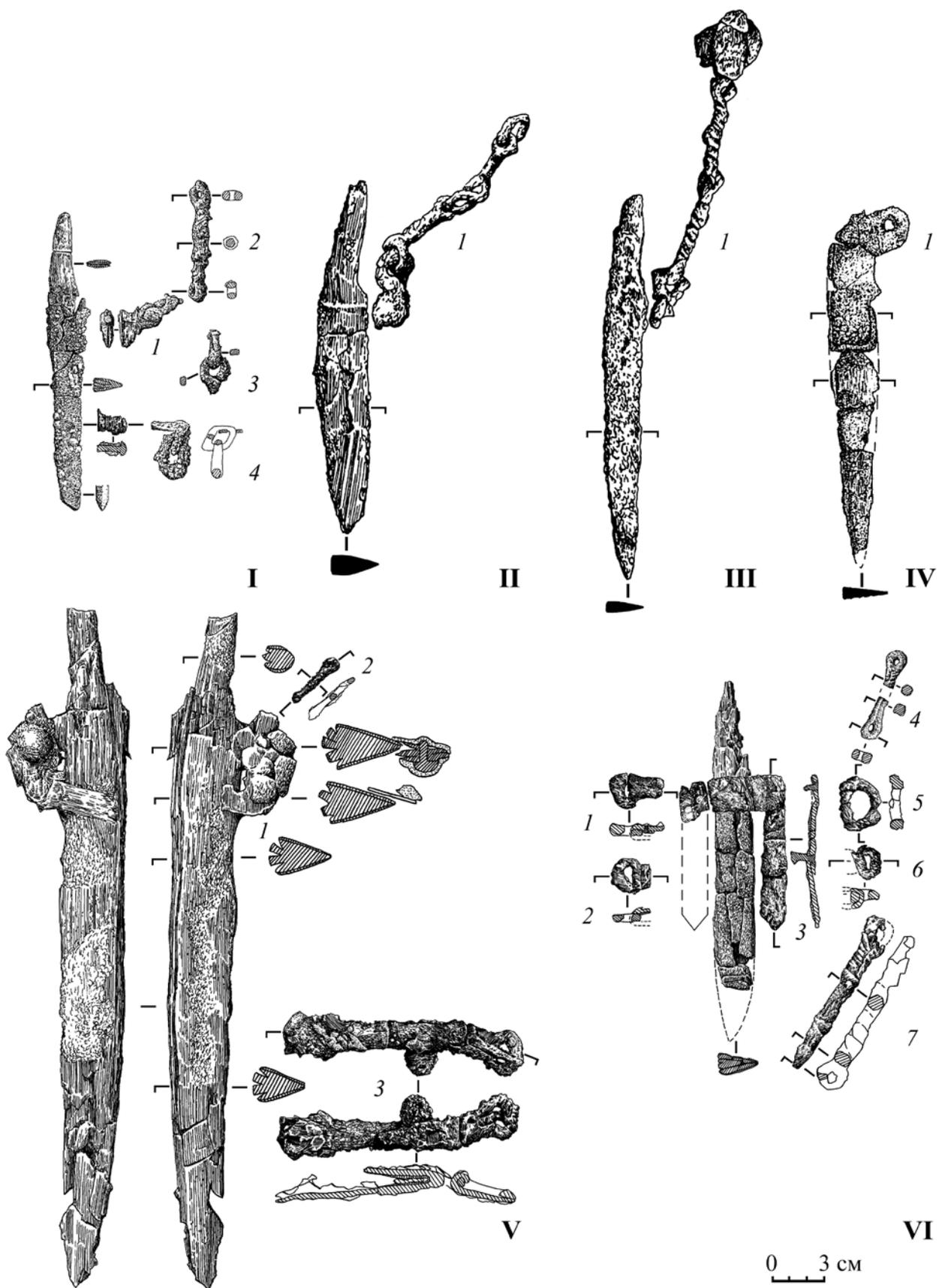

Рис. 4. Детали ножен боевых ножей из памятников булан-кобинской культуры:
 I – Яломан-II, курган № 20 (по: [Тишкин, 2008]); II, III – Яломан-II, курган № 32 (по: [Тишкин, 2005a]);
 IV – Дялян, курган № 7 (по: [Тетерин, 2004]); V – Степушка-I, курган № 5 (по: [Матренин, Тишкин,
 Шмидт, 2014]); VI – Степушка-I, курган № 13 (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012a])

Курган № 20. Боевой нож в ножнах плохой сохранности лежал в области пояса мужчины рядом с левым предплечьем, острием в сторону ног покойного. Зафиксированы мелкие фрагменты древесного тлена каркаса и железные детали: соединительное кольцо со стержневидным креплением к ножнам, совмещенное с хомутиком-петлей (рис. 4, I-1), восьмеркообразное витое звено цепочки (рис. 4, I-2), обломки двух соединительных колец со стержневидным креплением (рис. 4, I-3, 4).

Курган № 29. Меч с ножнами и со всеми креплениями лежал вдоль левой ноги мужчины. Определенно можно утверждать, что крепления ножен состояли из бортика-скобы, соединенного короткой железной витой цепочкой с портупейным ремешком, и оковки нижней части ножен, к которой подводилась железная витая цепочка большей длины*.

Курган № 30. В области живота погребенного мужчины найдено два спекшихся массивных боевых ножа и скопление железных деталей портупей, представленных витыми восьмеркообразными звеньями цепочек и узкими пластинами со шпеньками. Для получения информации о способах фиксации ножен требуется реставрационное изучение обнаруженных изделий.

Курган № 32. Боевой нож в ножнах располагался на тазовых костях мужчины под значительным углом к позвоночнику, окончанием вправо вверх. Ножны были снабжены железной цепочкой из двух витых восьмеркообразных звеньев, одно из которых завершалось кольцом с обоймой, фиксирующейся к кожаной основе с помощью шпенька, другое – креплением-пробоем [Горбунов, 2006, рис. 63, 2] (рис. 4, III). Еще один боевой нож в ножнах лежал с внутренней стороны левого бедра острием вниз. К нему относятся фрагменты железной цепочки, присоединяющейся к ножнам посредством блока с кольцевым приемником и шпеньковым креплением (рис. 4, II).

Степушка. Остатки ножен боевых ножей зафиксированы в пяти погребениях курганной группы Степушка-I. Данные вещественные источники рассмотрены в публикациях, по ним выполнен ряд графических реконструкций [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012a; Матренин, Тишкин, Шмидт, 2014; Тишкин, Матренин, 2013a; Матренин, 2015].

Курган № 5. Боевой нож в ножнах обнаружен в захоронении обезглавленного мужчины на его грудной клетке, был ориентирован острием в сторону ног покойного. На разных участках клинка длиной 32,6 см прослеживался тлен от деревянных ножен, не позволявший сделать точные заключения относительно их конструкции. Можно предположить, что ножны состояли из двух накладывающихся одна на другую деревянных планок с выточенными пазами для боевой части, покрытых сверху кожей. Они плотно соединялись друг с другом с помощью кожаных ремешков в области устья (приемного отверстия), средней части и окончания ножен. Рядом с плечиком ножа расчищено сильно коррозированное металлическое крепление, представленное фрагментами железной окантовки устья в виде полуобоймы (шириной около 5 см) и бортиком из двух пластин-накладок со стороны лезвия (рис. 4, V-1). Последние были вытянуто-прямоугольной формы размерами 6 × 1 см и соединялись между собой с помощью трех вставных шпеньков с полусферическими шляпками. Они зажимали боковой край окантовки устья. Центральный шпенец бортика фиксировал хомут в виде полуобоймы, к которой подводилась железная цепочка, состоявшая из одного витого восьмерковидного звена длиной 3,5 см (рис. 4, V-2). Через свободное отверстие в цепочке, по всей видимости, пропускался узкий подвесной портупейный ремешок. Он, в свою очередь, соединялся с кольцом железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен могло быть скреплено кожаной петлей, которая не сохранилась. На нижней трети клинка *in situ* зафиксирована железная пряжка т-образной формы с подвижным язычком на вертлюге и длинным пластинчатым щитком (рис. 4, V-3), лежавшая перпендикулярно боевому ножу. Пряжка служила для застегивания свисающего вниз портупейного ремешка, фиксирующегося к кольцу железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Дан-

* Функциональное назначение отдельных деталей может быть уточнено после завершения реставрационных работ.

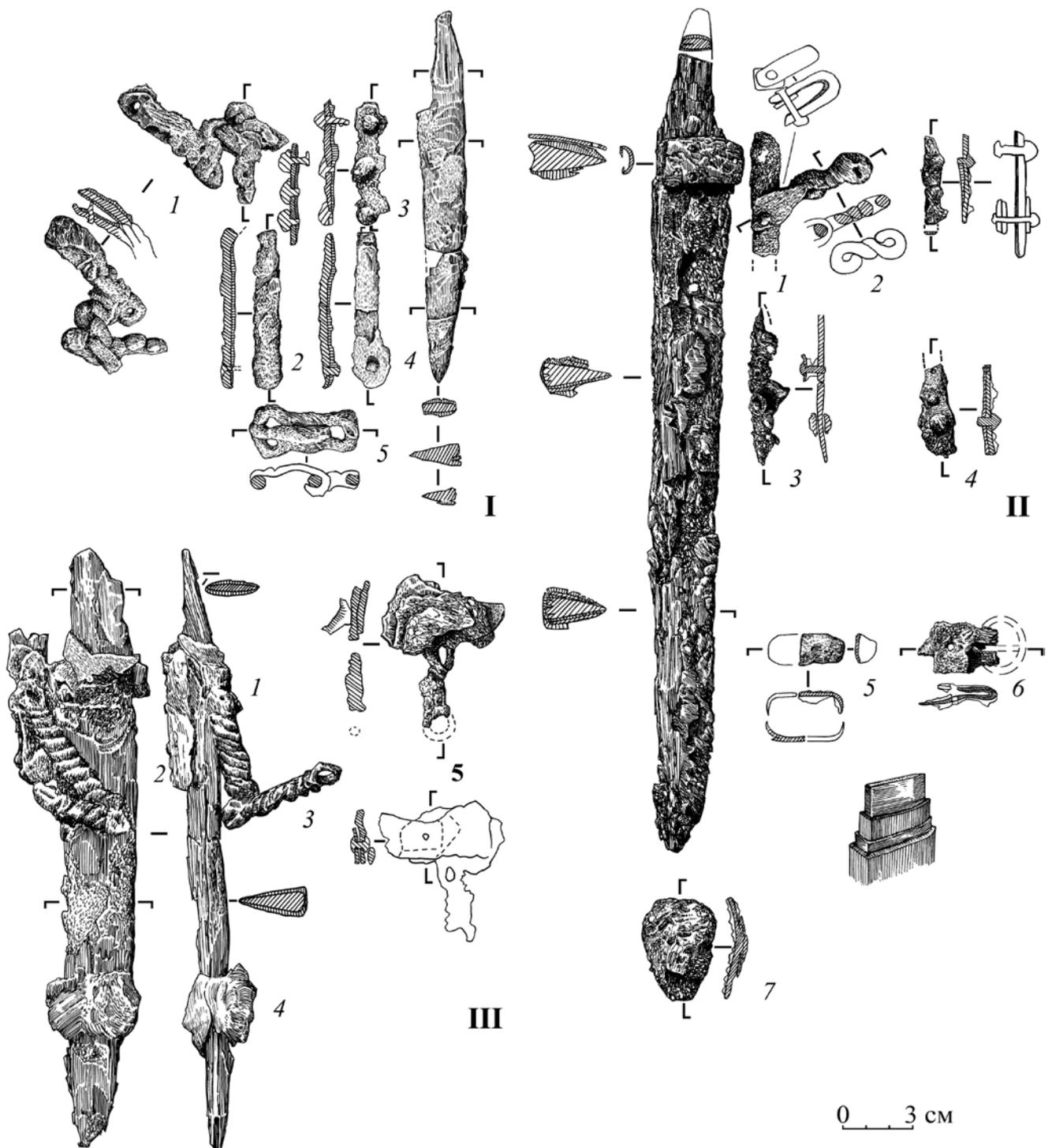

Рис. 5. Детали ножен боевых ножей булан-кобинской культуры из погребального комплекса Степушка-I:

I – курган № 17; II – курган № 19; III – курган № 21 (по: [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012a])

ные особенности крепления ножен обеспечивали регулируемое ношение боевого ножа в двух позициях: практически под нулевым углом параллельно основному поясу (лезвием вверх) либо вертикально свисающим вдоль бедра (рис. 6, 1).

Курган № 13. Боевой нож найден на тазовых костях мужчины, под предплечьем левой руки. Выявлены следующие особенности конструкции ножен. Деревянная основа футляра (из двух половинок с соответствующими пазами для клинка с кожаным покрытием сверху) имела одностороннюю железную окантовку устья в виде накладки

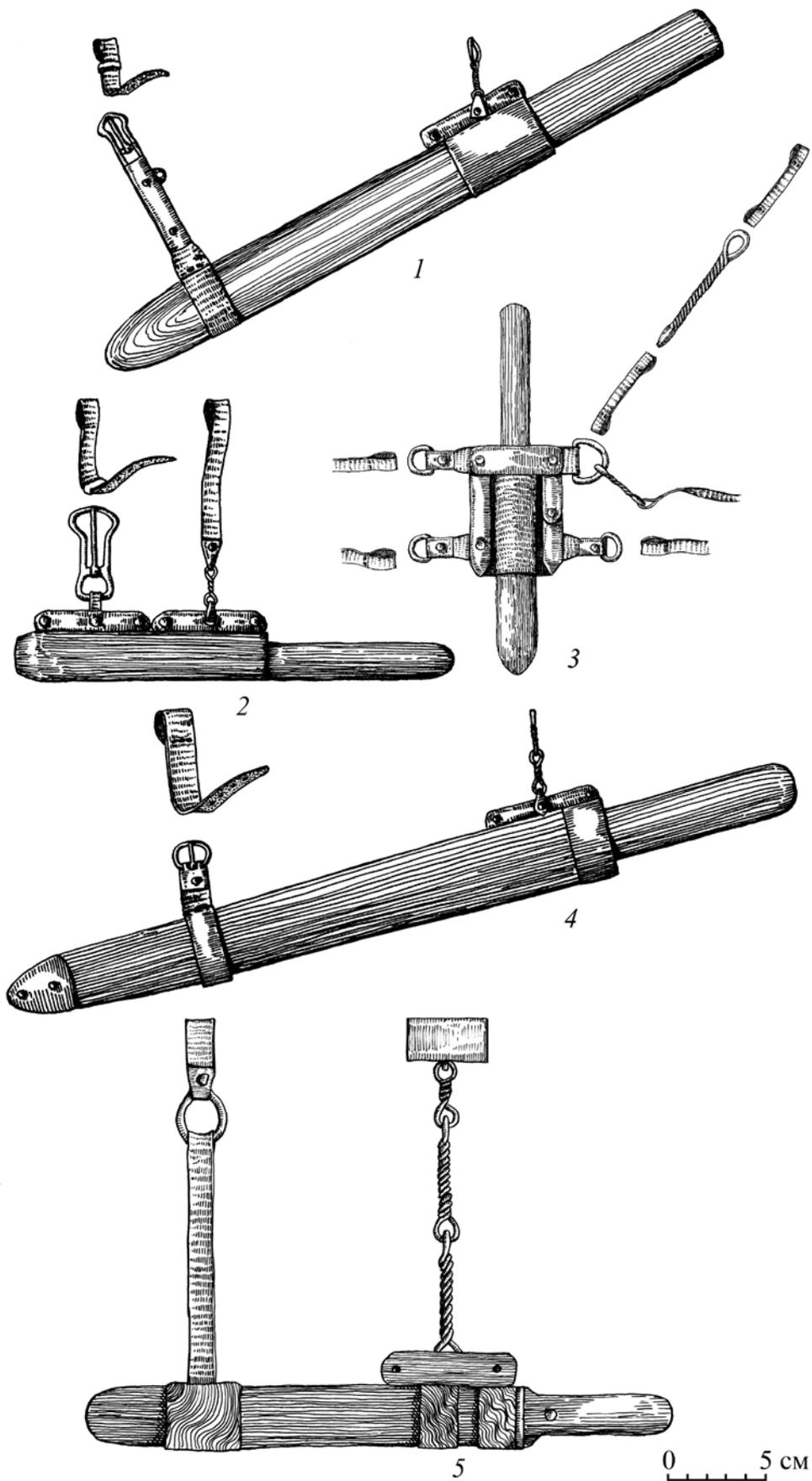

Рис. 6. Реконструкция ножен боевых ножей, обнаруженных в погребальном комплексе Степушка-I:

1 – курган № 5; 2 – курган № 17; 3 – курган № 13; 4 – курган № 19; 5 – курган № 21

п-образной формы шириной 6,3 см, длиной 9,4 см, с приостренными концами. Она фиксировалась с помощью четырех вставных шпеньков (рис. 4, VI-3). С обеих сторон боевого ножа находилась пара железных портупейных колец с пластинами-полуобоймами и без них, которые служили для крепления (рис. 4, VI-1, 2, 5, 6). Со стороны лезвия зафиксировано два железных витых восьмеркообразных звена длиной 9,8 и 4,5 см от цепочки (рис. 4, VI-7), служившей для подвешивания ножен к основному поясу. Сделанные наблюдения относительно размещения ножа и деталей крепления дают основания считать, что рассматриваемый боевой нож мог носиться параллельно поясу и вдоль бедра (рис. 6, 3).

Курган № 17. Боевой нож в ножнах обнаружен в погребении юноши на правом крыле таза под углом 45° относительно позвоночника, острием в направлении ног. Ножны имели железный бортик со стороны лезвия, образованный двумя парами пластин вытянуто-прямоугольной формы шириной 0,9 см, длиной 5,2 и 6,8 см соответственно, соединяющихся между собой вставными шпеньками с выпуклыми шляпками (рис. 5, I-1-4). Бортик полностью обрамлял боковую сторону ножен, выполненных из дерева и кожи. Ножны подвешивались к поясу железной цепочкой, состоящей из витого восьмеркообразного звена длиной до 3,5 см, один конец которого крепился к бортику металлическим хомутиком с помощью шпенька, а другой завершался пластиной-полуобоймой со шпеньком, присоединявшейся к портупейному ремешку (рис. 5, I-1). Последний, по-видимому, вертикально свисал с подвижного кольца железной бляхи-полуобоймы основного пояса. Окончание ножен имело регулируемое соединение с поясом за счет портупейного ремешка, застегиваемого в пряжке с подвижным язычком на вертлюге (рис. 5, I-5). Благодаря данным особенностям крепления боевой нож мог носиться параллельно поясу (лезвием вверх) и вдоль бедра (рис. 6, 2).

Курган № 19. Массивный нож с клинком длиной 32 см лежал у правого крыла таза мужчины, острием в направлении головы человека. Ножны имели деревянную основу, покрытую сверху кожей. Устье окантовано железной полуобоймой прямоугольной формы размерами 4 × 2,1 см с парой симметрично расположенных отверстий по бокам, в которые вставлялись железные шпеньки-заклепки. Со стороны лезвия к ней примыкал бортик из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы шириной 1 см, длиной не менее 6 см, которые соединялись между собой тремя вставными шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 5, II-1, 3, 4). Бортик зажимал боковой край устьевой окантовки. Примерно в средней части длины ножны охватывала еще одна железная обойма, сохранившаяся в виде нескольких небольших фрагментов (рис. 5, II-5). Лицевая сторона окончания ножен была снабжена железной накладкой листовидной формы с максимальными размерами 4,6 × 3,2 см, фиксировавшейся к деревянной основе шпеньками-заклепками (рис. 5, II-7). Ножны подвешивались к основному поясу с помощью железной цепочки, состоявшей из одного витого восьмеркообразного звена длиной 3,5 см, фиксирующегося к бортику с помощью хомутика-петли (рис. 5, II-2). Другой конец цепочки крепился к портупейному ремешку посредством железной полуобоймы со шпеньком, пропущенной в отверстие звена. К окончанию ножен был подведен еще один портупейный ремешок, застегивающийся на железную пряжку с подвижным язычком (рис. 5, II-6). Оба портупейных ремня подвешивались к кольцам железных блях-полуобойм основного пояса (рис. 6, 4). Такое регулируемое крепление позволяло носить боевой нож параллельно поясу (лезвием вверх) либо вдоль бедра.

Курган № 21. Боевой нож найден в погребении ребенка у правого крыла таза, был расположен острием в направлении ног. Он был помещен в ножны, состоявшие из двух деревянных планок, обложенных сверху кожей. Устье ножен скрепляла железная полуобойма прямоугольной формы шириной около 4 см (рис. 5, III-1). Еще одна похожая полуобойма шириной около 3 см окантовывала участок клинка в нижней трети его длины (рис. 5, III-4). Бортик ножен размещался со стороны лезвия и состоял из двух железных пластин-накладок вытянуто-прямоугольной формы размерами 5,7 × 1,3 см, фиксирующихся между собой тремя шпеньками с полусферическими шляпками (рис. 5, III-2). Бортик зажимал боковой край окантовки устья ножен со сто-

роны лезвия. Центральный шпенек фиксировал хомут в виде пластины-полуобоймы, к которому крепилась железная цепочка, сделанная из трех витых восьмеркообразных звеньев разной длины. Хомут пропускался в отверстие крайнего звена (рис. 5, III-3). Аналогичным образом осуществлялось крепление противоположного конца цепочки с железной бляхой-накладкой основного пояса, представляющей собой прямую пластину размерами 4,6 × 2 см со шпеньками (рис. 5, III-5). Возможно, что к окончанию ножен подводился портупейный ремешок, вертикально свисавший с основного пояса (рис. 6, 5). Можно предположить, что данный боевой нож носился двумя способами: параллельно поясу (лезвием вверх) и острием вниз вдоль бедра.

Рассмотренные образцы ножен происходят из памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени. Археологические материалы демонстрируют разные способы крепления их к портупее. Принимая во внимание особенности размещения боевых ножей в погребениях, можно допустить, что преобладающим являлся вариант ношения их почти параллельно поясу либо под незначительным углом к нему.

Наиболее информативными в плане относительной хронологии являются ножны, подвешивавшиеся к поясу с помощью железной цепочки. Многие из них имели одну или несколько оковок и бортик из железных пластин, меньшая часть была без данных деталей. В Туве железные цепочки встречаются в комплексах кокэльской культуры Тувы, датирующихся не ранее конца III в. Однако в исключительно редких случаях они присоединяются к ножнам, имеющим железные оковки-обоймы [Николаев, 2000, рис. 3, 1, 2]. Еще один регион применения похожих по конструкции ножен с железными цепочками связан с ареалом распространения ранних памятников (2-я половина IV – V в.) одинцовской культуры в Алтайской лесостепи, куда они попадают, скорее всего, от кочевников Алтая [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 22, XLI, 10]. Близкие по оформлению ножны с цепочками и без них представлены в лесных культурах Приобья V–VI вв. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 2, 1, 5, 5, 8, 2, 14, 4, 53, 7, 8; Соловьев, 1987, рис. 20, 7, 8]. Ножны с оковками без цепочек в рассмотренных материалах булан-кобинской культуры датируются II–IV вв. Изучение взаимной встречаемости ножен с железными цепочками в закрытых комплексах булан-кобинской культуры с другими датируемыми категориями инвентаря показывает факт предпочтительного появления их на Алтае в IV в. с верхней хронологической границей бытования в данном регионе в рамках V – начала VI в. Эти изделия можно рассматривать в качестве хроноиндикатора памятников IV–V вв. и одного из маркеров поздней стадии бело-бомского этапа булан-кобинской культуры.

Колчаны и налучья

На сегодняшний день остатки колчанов обнаружены в немногих памятниках булан-кобинской культуры. Детали берестяного колчана с уплощенно-цилиндрическим корпусом и костяной пластиной-накладкой зафиксированы Ю. Т. Мамадаковым при раскопках на могильнике Белый-Бом-II (МАЭА АлтГУ, коллекция № 117)*. Еще один фрагментарно сохранившийся берестяной колчан найден в комплексе жужанского времени (2-я половина IV – V в.) на могильнике Дялян (курган № 7). Уплощенный футляр с расширением у днища также не имел жесткого внешнего каркаса [Тетерин, 2004, с. 54]. Материалы данного комплекса активно готовятся к изданию.

Наиболее информативные археологические источники для реконструкции данного элемента саадачного снаряжения получены в процессе исследования булан-кобинских погребений жужанского времени на памятнике Яломан-II. В курганах трех закрытых комплексов обнаружены детали футляров, выполненные из органических материалов. Приведем их описание.

* Данное изделие учитывалось Д. В. Поздняковым при графической реконструкции экипировки кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов, которая представлена в учебном пособии для учителей «История Алтая» [Горбунов и др., 1997].

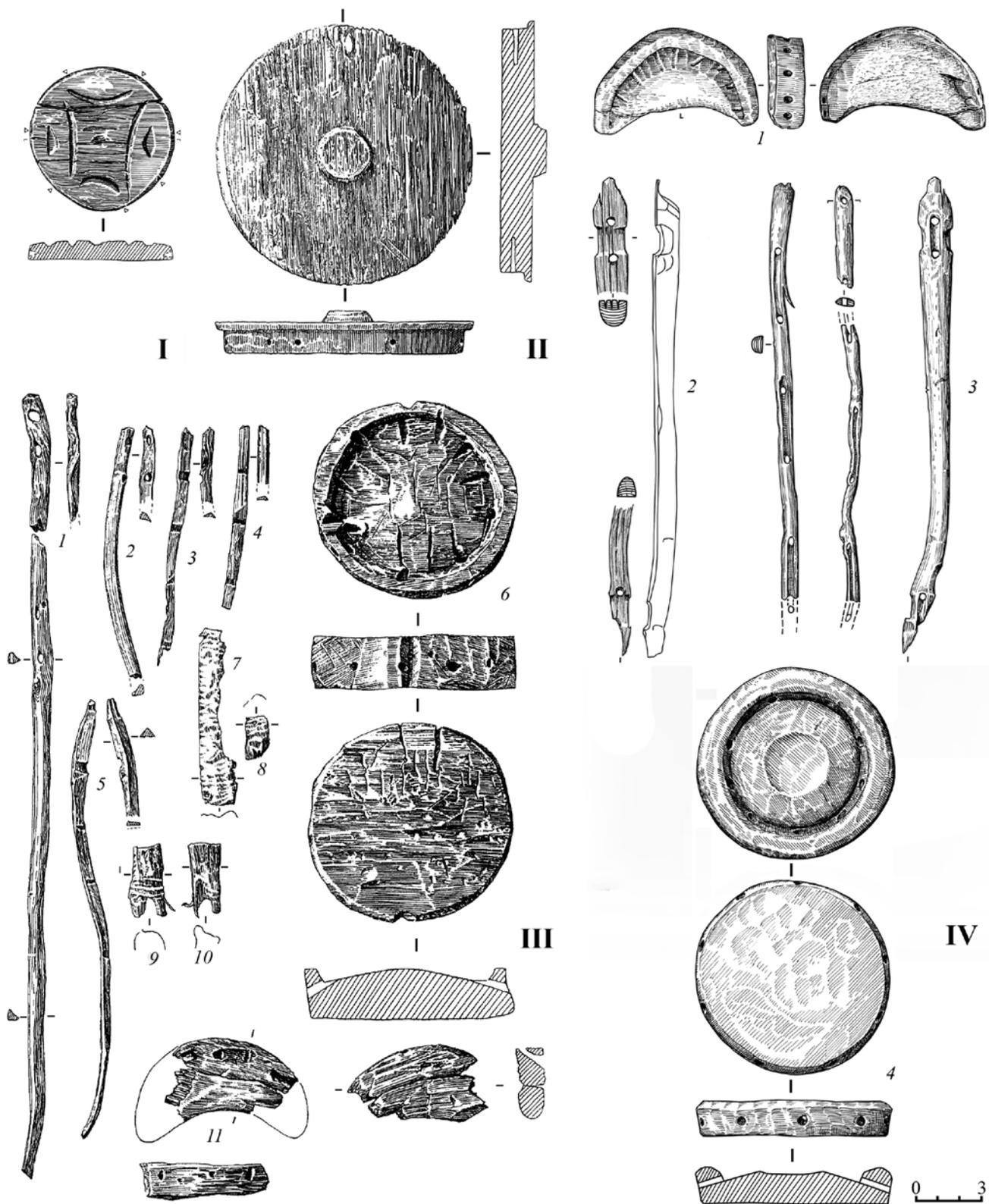

Рис. 7. Детали колчанов из памятников булан-кобинской культуры:

I – Степушка-I, курган № 19 (по: [Матренин, Тишкин, Плетнева, 2014]); II – Яломан-II, курган № 20 (по: [Тишкин, Мыльников, 2016]); III – Яломан-II, курган № 29 (по: [Тишкин, Мыльников, 2016]);

IV – Яломан-II, курган № 31 (по: [Тишкин, Мыльников, 2016])

В кургане № 20 зафиксировано деревянное (кедровое) днище в виде диска диаметром 12,9 см, толщиной 1,5 см, с круглым выступом-приливом с наружной стороны (рис. 7, II). По его внешнему краю вырезан выступ-поясок. По диаметру углубленной

выборки примерно на одинаковом расстоянии друг от друга просверлены наклонно внутрь 18 отверстий диаметром 2 мм, в которые, по-видимому, вставлялись деревянные гвоздики, фиксирующие днище к несохранившейся матерчатой основе колчана в виде цилиндра [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 55, рис. 52, 1, 53, 1].

В кургане № 29 сохранилось деревянное круглое дно размерами 9,5 × 9 см, толщиной 2,5 см. По его периметру вдоль выступающего бортика имелись 11 наклонно просверленных отверстий диаметром 4–5 мм, через которые, вероятно, пропускались ремешки из кожи или сухожилий для пришивания днища к корпусу колчана в виде тубуса или мешочка (рис. 7, III-6). Футляр для стрел имел деревянную крышку копытной формы размерами 5,5 × 2 × 3 см, толщиной 1 см (рис. 7, III-11). На торцах и на плоскости зафиксированы отверстия с желобками, к которым крепился верхний край корпуса. Дно и крышка сделаны из кедра [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 55–56, рис. 57, 58, 6, 11]. Для придания жесткости каркасу к боковой стороне колчана пришивалась деревянная планка, сохранившаяся в фрагментах (рис. 7, III-1–4). Корпус был декорирован украшениями из коры (рис. 7, III-7–10).

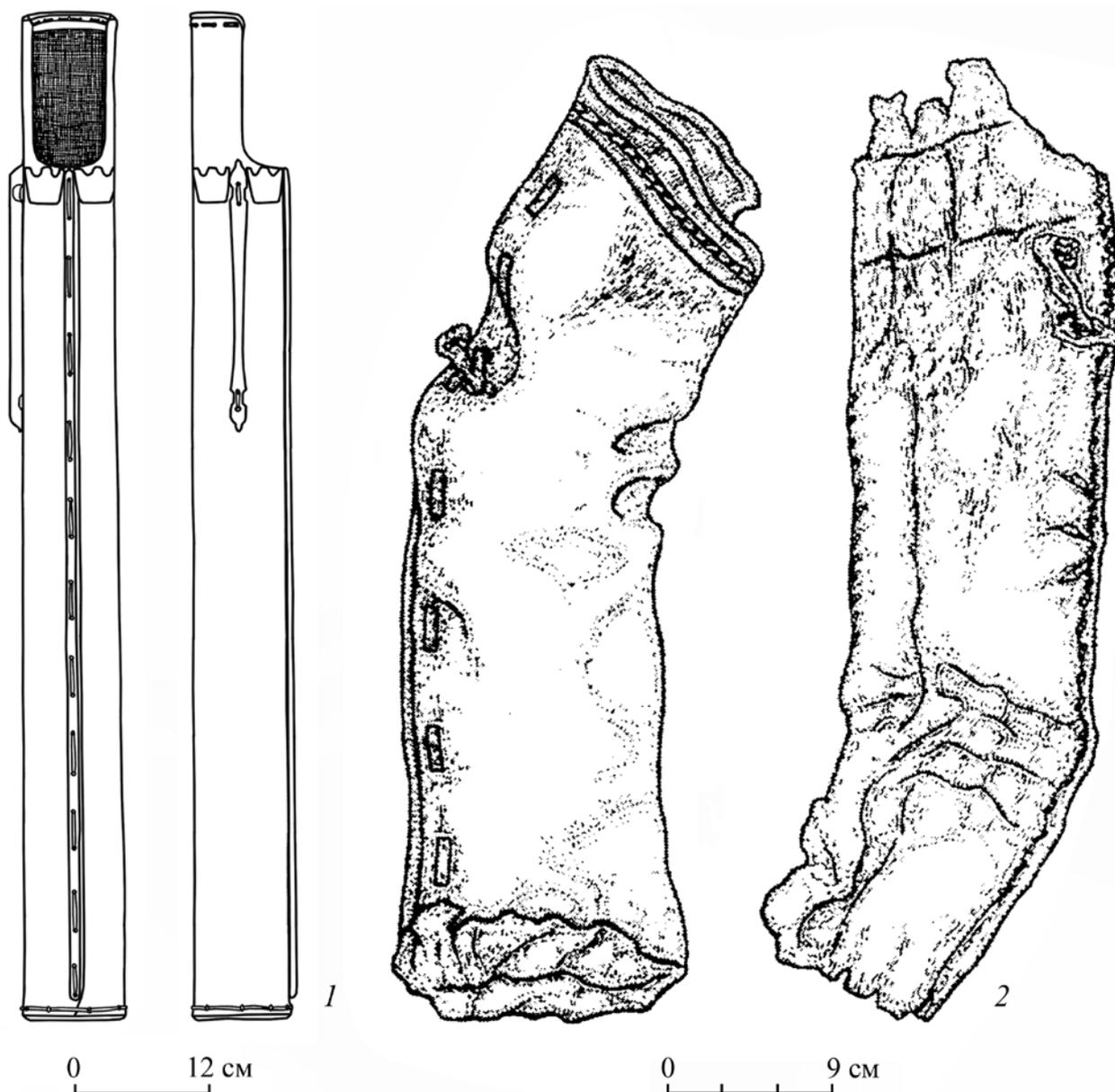

Рис. 8. Колчаны и налучья из памятников булан-кобинской культуры:

1 – Яломан-II, курган № 31 (по: [Горбунов, 2006]);

2 – Кам-Тыгугем, сохранившееся изделие (по: [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998])

В кургане № 31, содержащем погребение кенотаф, благодаря отсутствию тела сохранились многочисленные деревянные элементы корпуса колчана, подходящие для реконструкции: профилированное днище в виде круглой платформы размерами 8 × 9 см, толщиной 3–1,7 см, с девятью сквозными отверстиями диаметром 3 мм для крепления (пришивания) к матерчатой основе (рис. 7, IV-4), профилированная верхняя крышка в форме копыта лошади размерами 7,8 × 8,4 см с десятью сверленными сквозными отверстиями по боковому ободку (рис. 7, IV-1), боковая резная планка в виде удлиненно-конической рейки длиной 23 см с плоским основанием и полукруглым верхом с двумя пазами для продевания портупейных ремешков (рис. 7, IV-2), боковые каркасные планки в виде тонких реек с рядами отверстий для пришивания (рис. 7, IV-3), деревянный крючок, фрагменты трезубых аппликаций из коры [Тишкин, Мыльников, 2016, с. 59–61, рис. 75–76]. Реконструируемый колчан (рис. 8, 1) представляет собой длинный матерчатый или кожаный футляр в виде цилиндра-тубуса с карманом, круглым деревянным днищем и месяцевидной крышкой, тремя боковыми планками жесткости, приспособлением для ремня [Горбунов, 2006, с. 45, рис. 11, 4; Тишкин, Горбунов, 2007, с. 168, рис. 3, 1–7; Тишкин, Мыльников, 2016, рис. 76, б].

Остатки колчана зафиксированы в захоронении жужанского времени на памятнике Степушка-I в кургане № 19 [Тишкин, Матренин, 2013а]. От футляра в виде цилиндра-тубуса сохранилось только деревянное днище диаметром 9,2 см, толщиной 1,2 см. На одну (по-видимому, наружную) сторону был нанесен резной орнамент в виде дуг и полукружий, образующих симметричный узор. По боковой поверхности диска на одинаковом расстоянии друг от друга находилось семь отверстий, которые использовались для крепления с матерчатой или кожаной основой колчана (рис. 7, д). Стрелы лежали наконечниками вниз.

Рассмотренные колчаные наборы включали разное количество стрел. Самый многочисленный комплект (49 экз.) зафиксирован в кургане № 29 могильника Яломан-II. Стрелы помещались в футляры наконечниками вверх, вниз или вверх и вниз.

На современном уровне накопления археологических источников из Центрально-Азиатского региона можно предположить, что колчаны с цилиндрическим и уплощенно-цилиндрическим корпусом появляются на Алтае под влиянием традиций сяньбийского снаряжения II–IV вв. [Горбунов, 2006, с. 45]. Похожие остатки колчанов с деревянным днищем без крышки встречаются в коллекциях воинской экипировки могильника Кокэль (Западная Тува) 2-й половины III – IV в. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. II, 15; Вайнштейн, 1970, рис. 25, 9, 57, 5, 70, 3, 76, 2, 112, 1; Дьяконова, 1970, рис. 44].

В погребениях булан-кобинской культуры колчаны обнаружены в разных местах: рядом с головой, вдоль ноги, на скелете человека. В отдельных случаях рядом с ними найдены крюки-застежки саадачного пояса. Судя по изобразительным источникам 1-й половины I тыс. н.э., колчаны носили на стрелковом поясе в наклонном или горизонтальном положении [Минорский, 1951], хотя не исключены и другие варианты размещения на портупее.

Вещественные остатки налучья булан-кобинской культуры найдены пока только в скальном захоронении из местности Кам-Тытутем. Сохранилась часть узкого глухого футляра из кожи, прошитого по боковым сторонам, с петлей для подвешивания к стрелковому поясу [Худяков, Эбель, Кочеев, 1998, рис. 2, 2]. Данное налучье полностью скрывало лук (рис. 8, 2).

В заключение важно отметить, что ножны и колчаны остаются одним из наиболее слабо изученных элементов воинской экипировки кочевых народов Азиатского региона II в. до н.э. – V в. н.э. В этой связи рассмотренные нами вещественные материалы из памятников Алтая представляют большую источниковедческую ценность.

ГЛАВА 2 ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ

Выявленные на сегодняшний день многочисленные археологические источники свидетельствуют о том, что в хуннуско-сяньбийско-жужанское время у народов Северной и Центральной Азии формировались оригинальные комплексы поясных гарнитур, воплотившие в себе результаты поиска оптимальных вариантов конструктивного и декоративного решения, а также демонстрирующие разнообразные заимствования и тенденции моды «передовых» кочевых этносов и местные традиции. На протяжении указанного периода шло становление новых модификаций пряжек (в том числе получивших затем широкое применение в эпоху средневековья), появление их серийных и экспериментальных образцов. Обозначенные процессы получили определенное отражение в археологических материалах с территории Алтая, представленных серией разнообразных находок из могильников булан-кобинской культуры [Тишкин, Матренин, 2010].

Пряжки являются самой распространенной категорией снаряжения человека, обнаруживаемой в археологических комплексах Евразии эпохи поздней древности и средневековья. Анализу этих предметов посвящен обширный корпус отечественной литературы, значительная часть которого построена на материалах гунно-сарматского времени и раннего средневековья Центральной Европы, Северного Причерноморья, Поволжья, Кавказа. Сравнительно мало проведено подобного рода исследований для территории Сибири, особенно для периода с конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Тем не менее определенный опыт рассмотрения пряжек населения таштыкской культуры Среднего Енисея принадлежит Л. Р. Кызласову [1960], Э. Б. Вадецкой [1999], П. П. Азбелеву [1992; 2008], кокзальской культуры Тувы – Н. Н. Николаеву [2000], фоминской культуры Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау – Ю. В. Ширину [2003], булан-кобинской культуры Горного Алтая – С. С. Сорокину [1977], В. Н. Елину [1987], Ю. Т. Мамадакову [1990а; 1990б], Ю. Т. Тетерину [1995], А. С. Васютину [2000а; 2000б], А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякову [2004]. Определенные результаты подобного рода исследований представлены также в индивидуальных и совместных работах автора [Матренин, 2013; 2016; Матренин, Тишкин, 2015а; 2016а].

Важнейшими задачами изучения данного корпуса предметов материальной культуры кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. являлись установление датировки разных типов пряжек, выяснение их генезиса, определение «пришлого» и «местного» влияния в появлении отдельных модификаций.

Прежде чем приступить к комплексному изучению данных артефактов, необходимо остановиться на общей терминологии, используемой при морфологическом описании пряжек.

Пряжка – это конструкция, предназначенная для застегивания ремня. В ее состав обязательно входят рамка, фиксатор ремня (подвижный язычок или неподвижный шпенек), в отдельных случаях щиток.

Рамка – главная часть корпуса пряжки, обычно снабженная отверстием для пропускания свободного конца ремня. В рамке различают *дужку* (передний край) и *основание* (задняя часть, к которой присоединяется ремень или щиток).

Подвижный язычок – отдельно изготовленный стержень (из металла или кости), предназначенный для фиксации ремня, закрепленный на основании рамки или оси – *вертлюге*. Язычок состоит из петли (загиб, охватывающий вертлюгу или основание рамки), основания (часть язычка, примыкающая к петле), кончика (край язычка, налегающий на дужку).

Неподвижный шпенек – цельный или вставной фиксатор (игловидной, крючковой, кнопочной или другой формы) свободного конца ремня, расположенный, как правило, на лицевой части дужки в одной плоскости с рамкой либо под углом к ней.

Щиток – единое с рамкой или отдельно изготовленное крепление, предназначенное для фиксации пряжки к ремню. Задняя (торцевая) часть щитка называется *окончанием*. Границей между цельноизготовленными рамкой и щитком могут выступать вертлюга, вырезы на боковых сторонах корпуса пряжки, монолитная или прорезная перемычка, отделяющая отверстия для свободного и неподвижного концов ремня. Щитки бывают подвижными или неподвижными (по способу соединения с рамкой), четко выделенными или не выделенными от рамки.

Для классификации пряжек их признаки были разбиты на шесть таксономических уровней с учетом разной степени всеобщности и изменчивости для выбранной категории [Кызласов, 1983, с. 8–10]. Иерархия показателей таксономического группирования выглядела следующим образом: *группа* – материал изготовления рамки и щитка, *разряд* – вид фиксатора свободного конца ремня; *раздел* – размещение фиксатора ремня на рамке; *отдел* – наличие или отсутствие щитка, особенности соединения с рамкой; *подотдел* – способ крепления щитка к ремню; *тип* – абрис рамки; *вариант* – форма и длина лицевой части щитка. Анализируемая нами серия насчитывала 218 изделий хорошей и удовлетворительной сохранности. Большинство из них (200 экз.) являлись застежками основного пояса, остальные использовались для фиксации портупей.

В результате сочетания обозначенных признаков сравнения выделено пять групп, два разряда, четыре раздела, четыре отдела с подотделами, 45 типов поясных пряжек, дополненных вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок размещается на основании рамки и крепится к ней с помощью петли.

Отдел I. Без щитка. Ремень пропускается в приемную прорезь, перегибается через основание рамки с последующим пришиванием.

Тип 1. Округлые. Всего 12 экз.: Яломан-II, курган № 48; Сары-Бел, курган № 250; Усть-Эдиган, курган № 72; Карбан-I, курган № 27; Тьткескенъ-VI, курган № 6; Айрыдаш-I, курганы № 19, 24, 123, 141; Верх-Уймон, курганы № 5, 13; Дялян, курган № 7 (рис. 9, 1; 10, 1, 2; 11, 3; 12, 1, 2).

Тип 2. Овальные, вытянутые длинной осью по вертикали. Рамка имеет симметричный или асимметричный (дужка изогнута, основание выпрямлено) контур. Всего 75 экз.: Усть-Эдиган, курган № 72 (2)*; Карбан-I, курганы № 7, 9, 11, 15, 25, 33, 39, 40; Тьткескенъ-VI, курганы № 1, 2; Бике-I, курганы № 18, 20, 21, 26, 28; Белый-Бом-II, погребения № 11, 18; Катанда-3, курган № 9, впускное погребение; Булан-Кобы-IV, погребения № 2 (р. 7, п. 1), 10 (р. 1, п. 6), 33 (р. 5, п. 5), 41 (р. 6, п. 2), 51 (р. 6, п. 11), 55 (курган № 24, п. № 2)**; Кок-Паш, курганы № 2–5, 10, 27, 28, 35, 45; Верх-Уймон, курганы № 3, 4, 29; Яломан-II, курган № 33, погребение № 2, курган № 48; Дялян,

* Здесь и далее после обозначения номера погребального объекта в скобках указано количество предметов, если их больше одного экземпляра.

** При указании материалов из могильников Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Улита сначала приводятся номера погребений согласно диссертации Ю. Т. Мамадакова [1990б], а затем, в скобках, – маркировка объектов по полевым отчетам и коллекционным описям находок, хранящимся в МАЭА АлтГУ.

курганы № 8, 9; Улуг-Чолтух-I, курганы № 16, 19, 23, 25, 27, 28; Айрыдаш-I, курганы № 20 (2), 21, 28 (2), 30, 32, 40, 48, погребение № 1, 55, 70, 131 (2), 139, 149 (2), 155, 167, 168 (2), 169 (2); Кызык-Телань-II курган № 2, впускное погребение; Ябоган-III курган № 2, впускное погребение № 1; Улита, курган № 34 (курган № 9); Пазырык, курган № 6, впускное погребение (2); Усть-Бийке-III, курган № 4 (рис. 9, 2-5; 11, 1, 2, 4-15; 12, 3-10).

Тип 3. Овальные, вытянутые длинной осью по горизонтали. Всего 4 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 22, 23, 131, 149 (рис. 9, 6).

Тип 4. Подквадратные. Всего 2 экз.: Яломан-II, курганы № 47, 61 (рис. 9, 7; 10, 4).

Тип 5. Прямоугольные. 5 экз. с укороченной рамкой: Яломан-II, курган № 43; Улита, раскоп 20; Айрыдаш-I, курганы № 67, 91, 164; 3 экз. с удлиненной рамкой: Айрыдаш-I, курганы № 181, 184; Карбан-I, курган № 33 (рис. 9, 8, 9; 10, 5; 11, 16).

Тип 6. Трапециевидные. 2 экз. с укороченной рамкой: Булан-Кобы-IV, погребения № 52 (курган № 12), 53 (курган № 23). 1 экз. с удлиненной рамкой: Айрыдаш-I, курган № 105 (рис. 9, 10; 11, 17).

Тип 7. Подквадратные, вогнутые. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 65 (курган № 33) (рис. 9, 11).

Тип 8. Арочные. Рамка имеет сильно изогнутую дужку, параллельные или сходящиеся к основанию боковые стороны. Всего 3 экз. укороченных пропорций: Яломан-II, курган № 62; Булан-Кобы-IV, погребения № 19 (р. 2, п. 4), 26 (р. 2, п. 11) (рис. 9, 12).

Тип 9. Арочные, с вогнутыми боковыми сторонами. Всего 4 экз. укороченных пропорций: Айрыдаш-I, курганы № 78, 185; Усть-Эдиган, курган № 37; Тьткескень-VI, объект № 50 (рис. 9, 13; 10, 6; 11, 18).

Тип 10. Т-образные. Силуэт рамки образован сочетанием двух геометрических фигур: овала и вытянутого четырехугольника, боковые стороны которого, как правило, расширяются к основанию. Контур рамки сильно вытянут по горизонтали. Всего 5 экз.: Тьткескень-VI, курганы № 2, 3; Бош-Туу-I, курган № 1; Булан-Кобы-IV, погребения № 26 (р. 2, п. 11), 47 (р. 6, п. 7) (рис. 9, 14, 15; 11, 19).

Отдел II. С подвижным щитком, выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину-полуобойму, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 11. Округлые. **Вариант а** – с прямоугольным длинным щитком (соотношение длины к ширине определяется не менее 1 : 3). Всего 1 экз.: Дялян, курган № 9 (рис. 9, 16; 12, 12).

Тип 12. Овальные, вытянутые по вертикали. Рамки преимущественно асимметричные. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком (соотношение длины к ширине 1 : 1). Всего 12 экз.: Карбан-I, курган № 15; Айрыдаш-I, курганы № 34, 60, 71, 72, 79, 103, 122, 143; Бош-Туу-I, курган № 3; Верх-Уймон, курган № 11; Улуг-Чолтух-I, курган № 11 (рис. 9, 17; 12, 11). **Вариант б** – с прямоугольным щитком средних пропорций (соотношение длины к ширине 1 : 2). Всего 9 экз.: Яломан-II, курган № 31 (2); Айрыдаш-I, курганы № 52, 80, 98, 142; Усть-Бийке-III, курган № 4; Степушка-I, курганы № 9, 11 (рис. 9, 18; 12, 13, 14). **Вариант в** – с прямоугольным длинным щитком. 2 экз.: Айрыдаш-I, курган № 63; Белый-Бом-II, погребение без номера, раскопанное в 1980 г. (рис. 9, 19). **Вариант г** – с трапециевидным щитком средних пропорций. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 39 (р. 5, п. 11) (рис. 9, 20). **Вариант д** – с трапециевидным длинным щитком, расширяющимся в сторону рамки. Всего 1 экз.: Дялян, курган № 6 (рис. 9, 21; 12, 16). **Вариант е** – с прямоугольно-овальным коротким щитком. Всего 2 экз.: Курайка, курган № 48; Степушка-I, курган № 15 (портупейная) (рис. 9, 22; 11, 23). **Вариант ж** – с прямоугольно-овальным щитком средних пропорций. Всего 6 экз.: Айрыдаш-I, курган № 159; Улуг-Чолтух-I, курган № 27; Степушка-I, курганы № 5-7, 15 (рис. 9, 23; 11, 20-22). **Вариант з** – с прямоугольно-овальным длинным щитком. Всего 1 экз.: Кок-Паш, курган № 31 (рис. 9, 24; 12, 15). **Вариант и** – с пятиугольным щитком средних пропорций. Всего 1 экз.: Улуг-Чолтух-I, курган № 31 (рис. 9, 25).

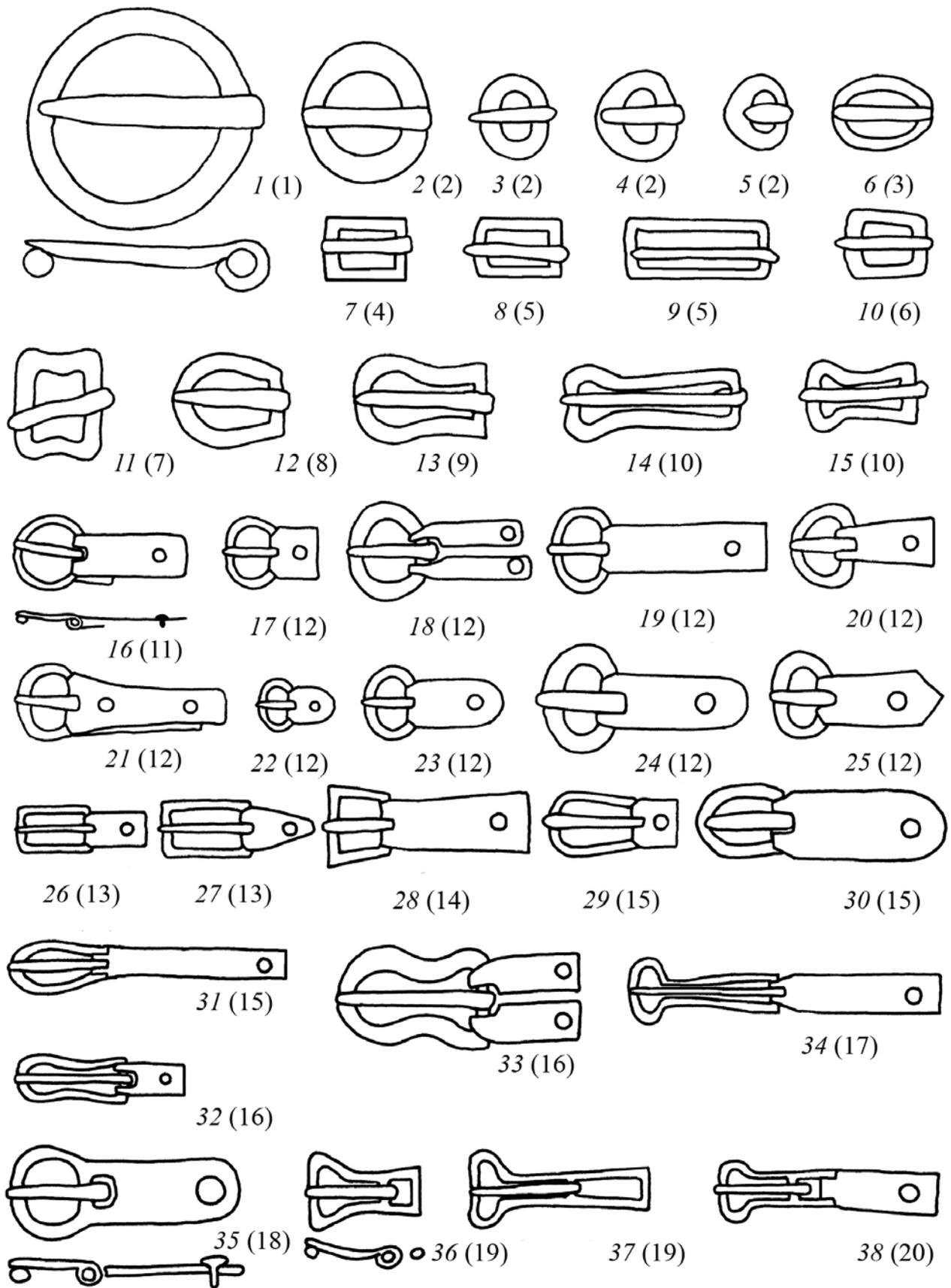
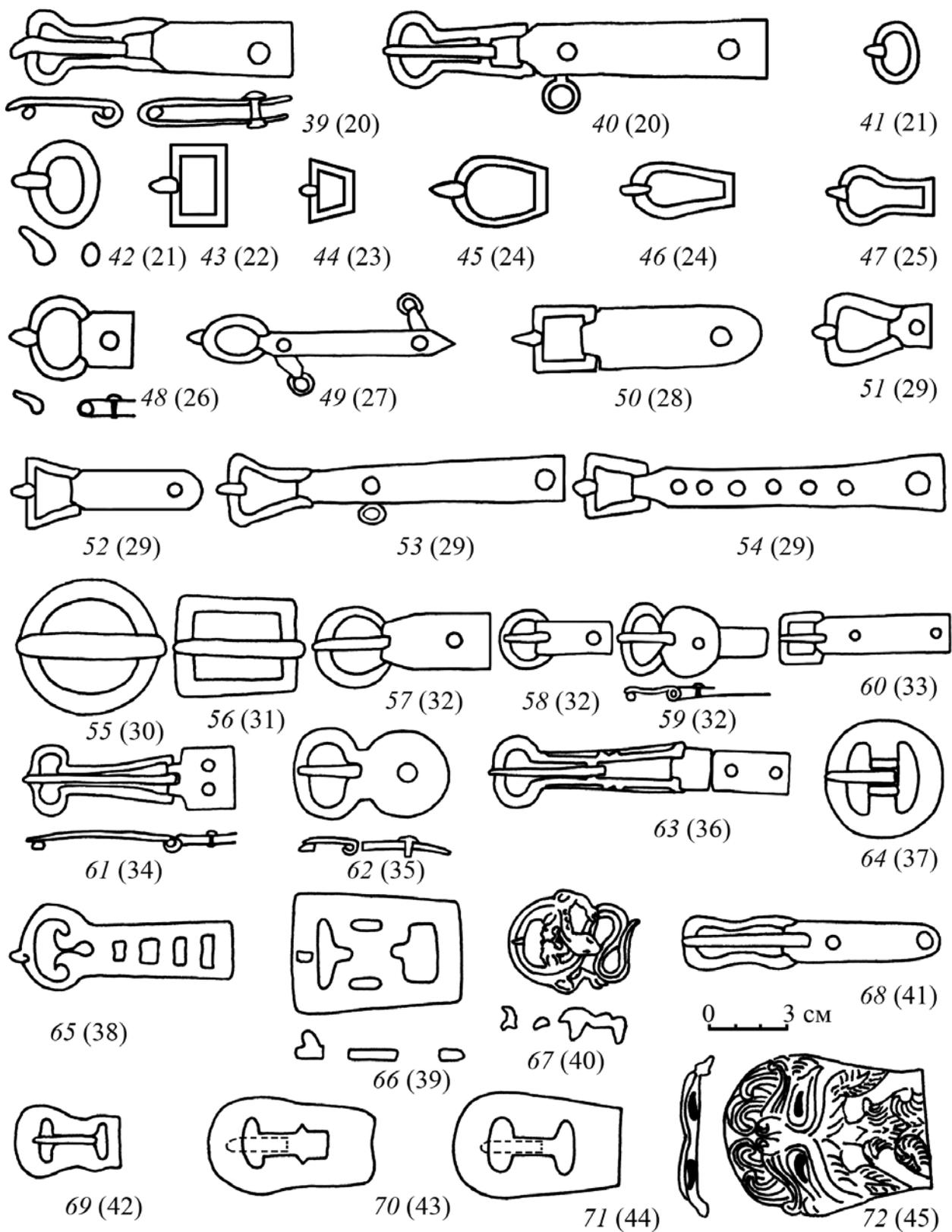

Рис. 9. Типы поясных пряжек кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени
(на рисунке в скобках указаны номера типов):

1, 2, 7, 8, 12, 18, 33, 35, 36, 39, 44, 67, 72 – Яломан-II; 3, 15 – Тьтгескенъ-VI; 4, 32 – Бике-I; 5, 10, 11, 20, 31, 37, 46, 49, 52, 59 – Булан-Кобы-IV; 6, 13, 19, 26, 27, 29, 48, 57, 60, 62, 65, 68 – Айрыдаш-I;

9 – Карбан-I; 14 – Бош-Туу-I; 16, 21, 71 – Дялян; 17, 34 – Верх-Уймон; 22 – Курайка; 23, 30, 38, 40, 53, 54 – Степушка-I; 24, 28, 41–43, 45, 51 – Кок-Паш; 25 – Улуг-Чолтух-I; 47 – Тянгис-Тыт; 50 – Белый-Бом-II; 55, 56, 64, 66 – Усть-Эдиган; 58 – Улита; 61, 63 – Бальктыюль; 69, 70 – Берель; 1–54 – железо; 55–67 – бронза; 68 – железо, бронза; 69–71 – рог; 72 – дерево, золото

Тип 13. Прямоугольные, вытянутые по горизонтали. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 160 (рис. 9, 26). **Вариант б** – с треугольным щитком средних пропорций. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 138 (рис. 9, 27).

Тип 14. Трапециевидные. Рамки укороченные. **Вариант а** – с трапециевидным длинным щитком. Всего 4 экз.: Кок-Паш, курганы № 35, 39, 40; Булан-Кобы-IV, погребение № 19 (р. 2, п. 4) (рис. 9, 28; 12, 17–19).

Тип 15. Арочные. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 71 (рис. 9, 29). **Вариант б** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 18 (р. 2, п. 3) (рис. 9, 31). **Вариант в** – с прямоугольно-овальным щитком средних пропорций. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 9, 30; 11, 25).

Тип 16. Восьмеркообразные. Абрис рамки напоминает цифру восемь с одинаковыми по размерам верхней и нижней половинами. Дужка скругленная или прямая. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 4 экз.: Бике-I, курган № 14; Яломан-II, курган № 32; Булан-Кобы-IV, погребение № 27 (р. 2, п. 12); Айрыдаш-I, курган № 107 (рис. 9, 32, 33; 11, 24; 13, 1).

Тип 17. Т-образные. **Вариант а** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Верх-Уймон, курган № 9 (рис. 9, 34; 13, 2).

Отдел III. С неподвижным щитком, выделенным от рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 18. Округлые. **Вариант а** – с прямоугольно-овальным длинным щитком. Всего 2 экз.: Яломан-II, курган № 31 (рис. 9, 35; 13, 5, 6).

Раздел II. Язычок размещается на цельной вертлюге в приемной прорези рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 19. Т-образные. Всего 5 экз.: Яломан-II, курган № 32; Булан-Кобы-IV, погребение № 29 (р. 5, п. 1); Белый Бом-II, курган № 25, погребение № 2 (р. 1, п. 2); Степушка-I, курган № 17 (портупейная); Степушка-II, курган № 40 (рис. 9, 36, 37; 13, 3).

Отдел II. С подвижным щитком, выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 20. Т-образные. **Вариант а** – с прямоугольным щитком средней длины. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 21 (рис. 9, 38). **Вариант б** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Яломан-II, курган № 29 (рис. 9, 39; 13, 4). **Вариант в** – с трапециевидным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 5 (портупейная) (рис. 9, 40).

Разряд II. Неподвижный шпенек-язычок.

Раздел III. Неподвижный шпенек располагается на дужке рамки под тупым или прямым углом относительно плоскости рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 21. Овальные, вытянутые по вертикали. Всего 4 экз.: Кок-Паш, курганы № 9, 12, 27, 39 (рис. 9, 41, 42; 13, 7–9).

Тип 22. Прямоугольные. Шпенек располагается перпендикулярно длинной оси рамки. Пряжка имеет укороченные пропорции. Всего 2 экз.: Кок-Паш, курган № 42; Белый-Бом-II, погребение № 10 (курган № 31) (рис. 9, 43; 13, 10).

Тип 23. Трапециевидные. Боковые стороны пряжки могут быть слегка вогнутыми ближе к окончанию рамки. Всего 1 экз.: Яломан-II, курган № 33, погребение № 1 (портупейная) (рис. 9, 44; 13, 11).

Тип 24. Арочные. Боковые стороны слегка вогнуты. Всего 4 экз.: Булан-Кобы-IV, погребения № 18 (р. 2, п. 3), 63 (курган № 26); Кок-Паш, курган № 9; Балыктыюль, курган № 3 (рис. 9, 45, 46; 13, 12).

Тип 25. Т-образные. Всего 1 экз.: Тянгыс-Тыт, курган № 2, впускное погребение (рис. 9, 47).

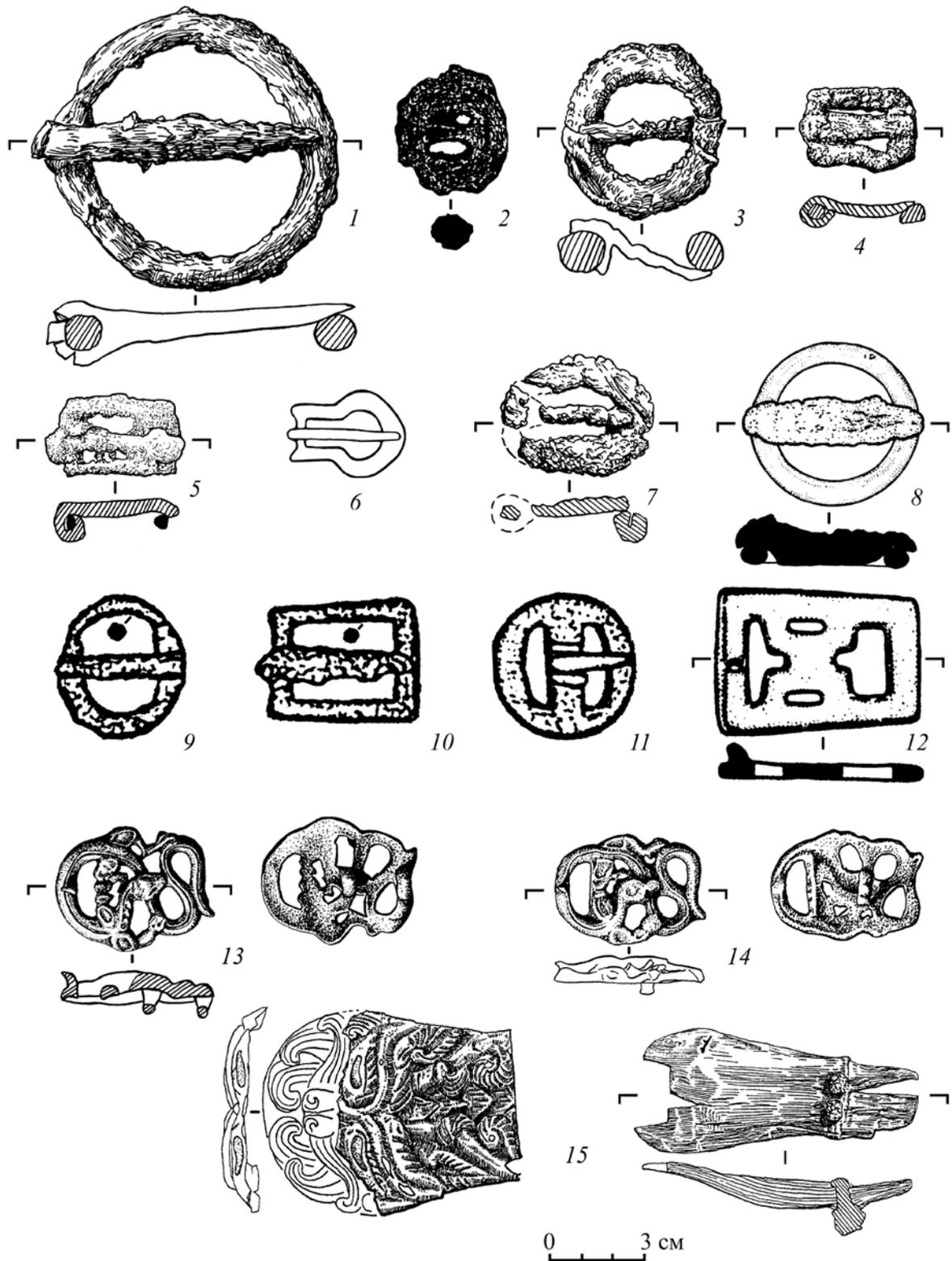

Рис. 10. Поясные пряжки из памятников булан-кобинской культуры (хуннское время):

1, 3 – Яломан-II, курган № 48 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005a]); 2 – Сары-Бел, курган № 250 (по: [Соенов, 1999]); 4 – Яломан-II, курган № 61 (по: [Тишкин, 2005a]); 5 – Яломан-II, курган № 43 (по: [Tishkin, 2011]); 6 – Усть-Эдиган, курган № 37 (по: [Тетерин, 1995]); 7 – Яломан-II, курган № 62 (по: [Тишкин, 2005a]); 8 – Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 1 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990]); 9, 10 – Усть-Эдиган, курган без номера (по: [Тетерин, 1995]); 11 – Усть-Эдиган, курган № 22 (по: [Там же]); 12 – Усть-Эдиган, курган № 23 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990]); 13 – Яломан-II, курган № 51 (по: [Tishkin, 2011]); 14 – Яломан-II, курган № 57 (по: [Тишкин, 2005a]); 15 – Яломан-II, курган № 43 (по: [Tishkin, 2011]); 1-7 – железо; 8, 10 – бронза, железо; 9, 11-14 – бронза; 15 – дерево, золото, железо

Отдел II. С подвижным щитком, выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 26. Овальные, вытянутые по вертикали. Рамка симметричная. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 117 (рис. 9, 48).

Тип 27. Овальные, вытянутые по горизонтали. Рамки симметричные. **Вариант а** – с овально-прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Белый-Бом-II, курган № 12, погребение № 3. **Вариант б** – с пятиугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 66 (курган № 34) (рис. 9, 49; 11, 26).

Тип 28. Подквадратные. **Вариант а** – с прямоугольно-овальным длинным щитком. Всего 1 экз.: Белый Бом-II: курган № 25, погребение № 4 (р. 1, п. 4) (рис. 9, 50).

Тип 29. Трапециевидные. Рамка имеет укороченные пропорции. **Вариант а** – с прямоугольным коротким щитком. Всего 2 экз.: Яломан-II, курган № 20; Кок-Паш, курган № 42 (рис. 9, 51; 13, 13, 14). **Вариант б** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 17 (рис. 9, 52; 11, 27). **Вариант в** – с прямоугольно-овальным длинным щитком. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 55 (курган № 24, погребение № 2) (рис. 9, 52). **Вариант г** – с трапециевидным длинным щитком. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 19 (рис. 9, 53; 13, 15).

Группа II. Пряжки из цветного металла.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок располагается на основании рамки.

Отдел I. Без щитка.

Тип 30. Округлые. Всего 2 экз.: Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 2 (1), а также курган без номера [Тетерин, 1995] (рис. 9, 55; 10, 8, 9).

Тип 31. Прямоугольные. Рамка укороченная. Всего 1 экз. из могильника Усть-Эдигана, курган без номера [Тетерин, 1995] (рис. 9, 56; 10, 10).

Отдел II. С подвижным щитком, выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 32. Овальные, вытянутые по вертикали. Имеет симметричный или асимметричный контур. **Вариант а** – с прямоугольным щитком средних пропорций. Всего 4 экз.: Айрыдаш-I, курган № 126; Улита, р. 6, п. 2, курган № 33 (погребение № 8); Степушка-II, курган № 30 (рис. 9, 57, 58). **Вариант б** – с округлым щитком. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 2 (р. 7, п. 1) (рис. 9, 59).

Тип 33. Подквадратные. **Вариант а** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 178 (рис. 9, 60).

Тип 34. Т-образные. **Вариант а** – с подквадратным коротким щитком. Всего 1 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 9, 61; 11, 29).

Отдел III. С неподвижным щитком, выделенным от рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 35. Овальные. **Вариант а** – с округлым щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 146 (рис. 9, 62).

Раздел II. Язычок размещается на цельной вертлюге в проеме приемной прорези рамки.

Отдел II. С подвижным щитком, выделенным от рамки. Щиток представляет собой пластину, перегнутую через основание рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 36. Т-образные. **Вариант а** – с подквадратным коротким щитком. Всего 1 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 9, 63; 11, 28).

Раздел III. Язычок располагается на вставной вертлюге, выступающей над основанием рамки.

Отдел IV. С неподвижным щитком, не выделенным от рамки.

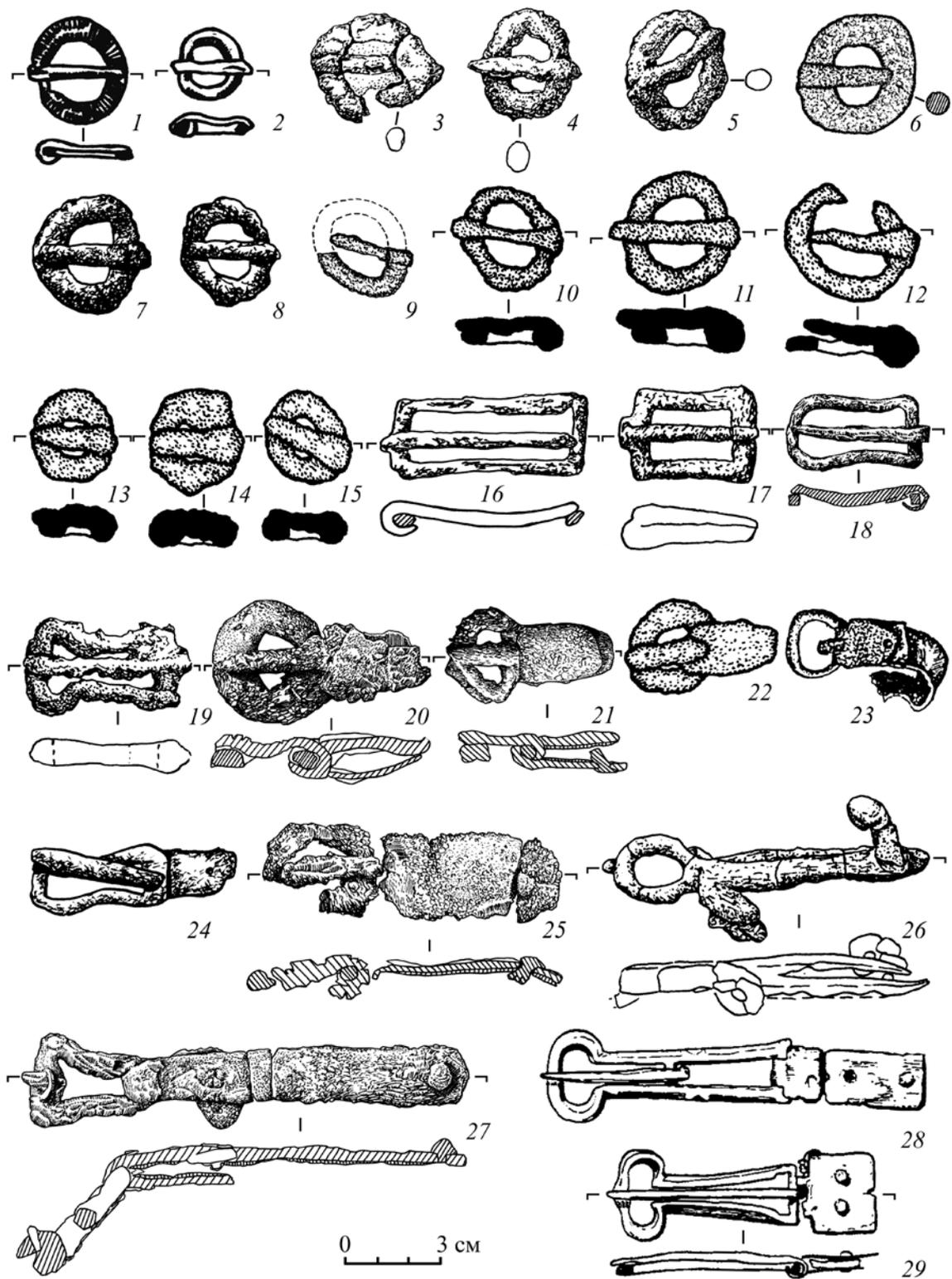

Рис. 11. Поясные пряжки из памятников булан-кобинской культуры (сяньбийское время):

1, 2 – Пазырык, курган № 6, впускное погребение (по: [Гаврилова, 1965]); 3–5, 18, 19 – Тыткескенъ-VI, курганы № 1 (5), 2 (4, 19), 6 (3), объект № 50 (18) (по: [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014]); 6 – Кызык-Телань-II, курган № 2, впускное погребение № 1 (по: [Суразаков, 2001]); 7, 8, 24 – Бике-I, курганы № 18, 20, 24 (по: [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990]); 9 – Ябоган-III, курган № 2, впускное погребение [Могильников, Суразаков, 2003]; 10–15, 22 – Улут-Чолтух-I, курганы № 16 (10, 11), 19 (12), 23 (13), 25 (14), 27 (15, 22) (по: [Борисенко, Худяков, 2004]); 16 – Карбан-I, курган № 33 (по: [Демин, 1991]); 17, 26 – Булан-Кобы-IV, курганы № 12, 34 (по: [Мамадаков, 1985]); 20, 21, 25, 27 – Степушка-I, курганы № 5, 6, 13, 17 (по: [Матренин, 2013]); 23 – Курайка, курган № 48 (по: [Соенов, Эбель, 1998]); 28, 29 – Балыктыюль, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]); 1–27 – железо; 28, 29 – бронза

Подотдел б. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, не соединенной с приемной прорезью.

Тип 37. Сегментовидные. Рамка представляет собой половину круга, ограниченную дугой (дужка) и хордой (основание). **Вариант а** – с сегментовидным коротким щитком. Всего 1 экз.: Усть-Эдиган, курган № 22 (рис. 9, 64; 10, 11).

Разряд II. Неподвижный шпенек-язычок.

Раздел IV. Шпенек располагается на дужке под тупым или прямым углом относительно плоскости рамки.

Отдел III. С неподвижным щитком, выделенным от рамки.

Подотдел б. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, не соединенной с приемной прорезью.

Тип 38. Овальные. Рамка представляет собой симметричный овал, украшенный волютами. **Вариант а** – с прямоугольным длинным щитком. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 131. Щиток имеет три декоративные прорези (рис. 9, 65).

Отдел IV. С неподвижным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел б. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, не соединенной с приемной прорезью.

Тип 39. Трапециевидные. Широкое основание трапеции образует прямую дужку. Рамка укороченных пропорций имеет декоративные прорези. **Вариант а** – с трапециевидным коротким щитком. Всего 1 экз.: Усть-Эдиган, курган № 23 (рис. 9, 66; 10, 12).

Подотдел в. Щиток крепится к ремню с помощью петель на тыльной стороне корпуса.

Тип 40. Сегментовидные. Абрис рамки представляет собой половину круга, ограниченную дугой (дужка) и хордой (основание). **Вариант а** – с фигурным укороченным щитком. Силуэт рамки и щитка образован ажурным изображением ящерицы, кусающей хвост. Всего 2 экз.: Яломан-II, курганы № 51, 57 (рис. 9, 67; 10, 13, 14).

Группа III. Биметаллические пряжки. В данную группу отнесены изделия, у которых рамка выполнена из железа, щиток – из цветного металла, либо наоборот.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел I. Язычок располагается на основании рамки и крепится с помощью петли, полученной в результате загиба заднего конца.

Отдел II. С подвижным щитком, четко выделенным от рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 41. Восьмеркообразные. Рамка сделана из железа. **Вариант а** – с прямоугольно-овальным длинным щитком из цветного металла. Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 171 (рис. 9, 68).

Группа IV. Пряжки из органических материалов (рог/кость, дерево), вырезанные из цельной заготовки.

Разряд I. Подвижный язычок.

Раздел III. Язычок располагается на вставной вертлюге в виде железного стержня в основании рамки.

Отдел III. С неподвижным щитком, выделенным от рамки.

Подотдел г. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, соединенной с прорезью для свободного конца ремня.

Тип 42. Арочные. **Вариант а** – с трапециевидным коротким щитком, обращенным широкой стороной к рамке. Окончание щитка прямое. Всего 1 экз.: Берель, курган № 2 (рис. 9, 69; 13, 18).

Отдел IV. С неподвижным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел г. Щиток крепится к ремню с помощью концевой прорези, соединенной с приемной прорезью.

Тип 43. Округлые. В основе формы рамки лежит круг, плавно переходящий в прямые стенки щитка. **Вариант а** – с трапециевидным коротким щитком, обращенным широкой стороной к рамке. Окончание щитка слегка вогнутое. Всего 1 экз.: Дялян, курган № 6 (рис. 9, 70; 13, 17).

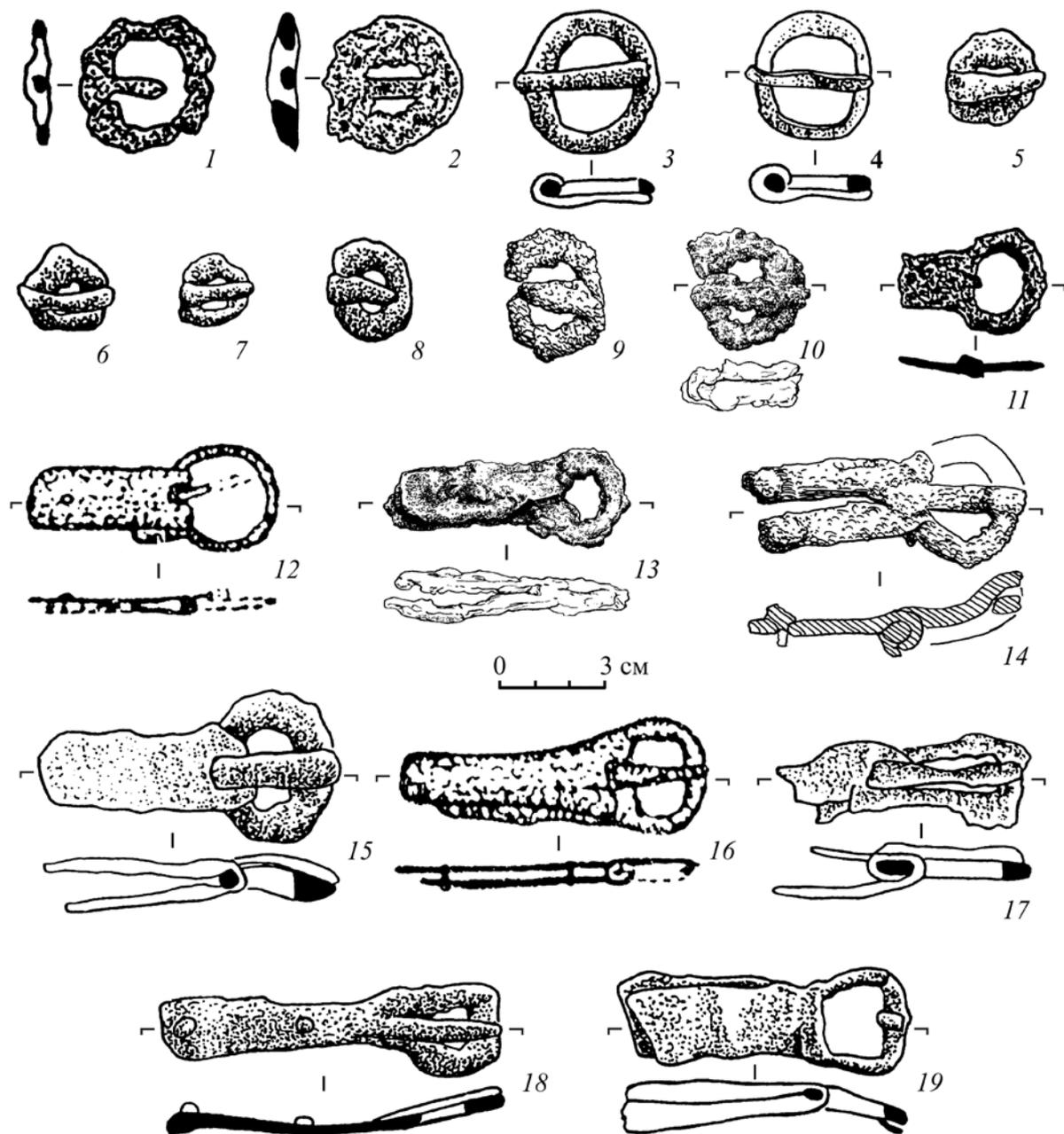

Рис. 12. Поясные пряжки из памятников булан-кобинской культуры (жужанское время):
 1, 2, 11 – Верх-Уймон, курганы № 5 (1), 11 (11), 13 (2) (по: [Соенов, Эбель, 1992]); 3–8, 15, 17–19 –
 Кок-Паш, курганы № 5 (8), 10 (3), 28 (6), 31 (7, 15), 35 (5, 17), 39 (19), 40 (18), 45 (4) (по: [Бобров,
 Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 9, 14 – Яломан-II, курганы № 31 (14), 33, погребение № 2 (9)
 (по: [Матренин, Тишкин, 2016a]); 10, 13 – Усть-Бийке-III, курган № 4 (по: [Тишкин, Горбунов, 2005б]);
 12, 16 – Дялян, курганы № 6 (16), 9 (12) (по: [Тетерин, 1995]); 1–19 – железо

Тип 44. Арочные. **Вариант а** – с трапециевидным коротким щитком, обращенным широкой стороной к рамке. Окончание щитка прямое. Всего 1 экз.: Берель, курган № 3 (рис. 9, 71; 13, 16).

Группа V. Пряжки из комбинированных материалов (дерево, металл).

Разряд II. Неподвижный шпенек-язычок.

Раздел III. Неподвижный шпенек располагается на дужке рамки.

Отдел IV. С неподвижным щитком, не выделенным от рамки.

Подотдел а. Щиток крепится к ремню с помощью вставных шпеньков.

Тип 45. Арочные. **Вариант а** – с трапециевидным щитком средней длины. 1 экз.: Яломан-II, курган № 43 (рис. 9, 72; 10, 15).

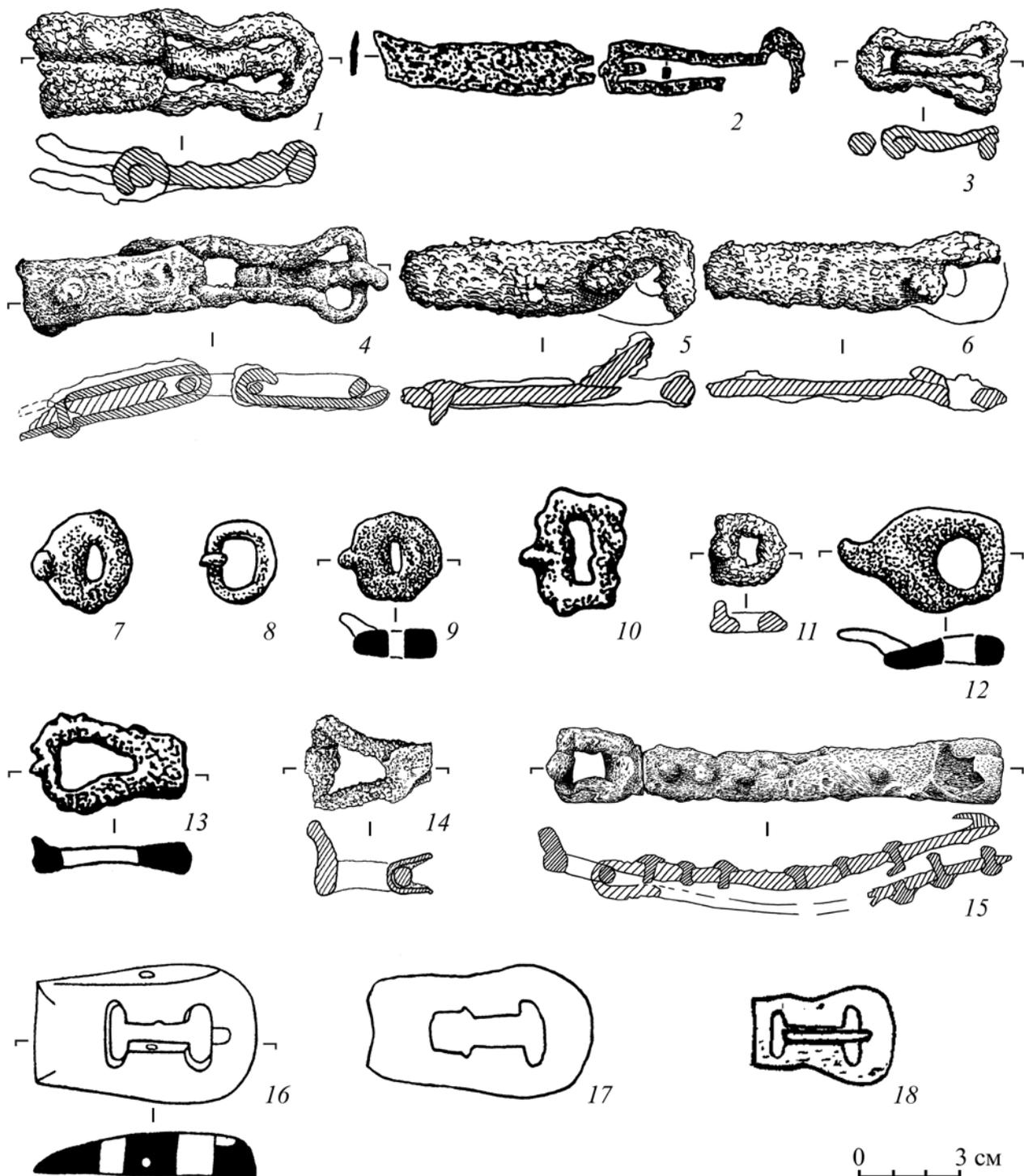

Рис. 13. Поясные пряжки из памятников булан-кобинской культуры (жужанское время):

1, 3–6, 11, 14 – Яломан-II, курганы № 20 (14), 29 (4), 31 (5, 6), 32 (1, 3), 33, погребение № 1 (11) (по: [Матренин, Тишкин, 2016a]); 2 – Верх-Уймон, курган № 9 (по: [Соенов, Эбель, 1992]); 7–10, 12, 13 – Кок-Паш, курганы № 9 (9, 12), 12 (7), 39 (8), 42 (10, 13) (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 15 – Степушка-I, курган № 19 (по: [Матренин, 2013]); 16, 18 – Берель, курганы № 2 (18), 3 (16) (по: [Гаврилова, 1965; Сорокин, 1969]); 17 – Дялян, курган № 6 [Тетерин, 1995]; 1–15 – железо; 16–18 – рог

Большинство анализируемых поясных пряжек из памятников Алтая хунно-сяньбийско-жужанского времени сделаны из железа (группа I), что отражает общую традицию использования населением булан-кобинской культуры черного металла в качестве основного материала при изготовлении снаряжения человека. Принципиально важные различия морфологии пряжек касаются способа фиксации свободного

конца ремня на рамке. Это выражается в существовании двух относительно самостоятельных линий эволюции пряжек, представленных модификациями с подвижным язычком и неподвижным шпеньком [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, 2013].

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки (разряд I, раздел I) традиционно рассматриваются в качестве хроноиндикатора начала хуннского времени*. Их наиболее ранние экземпляры происходят из памятников хунну Центральной Азии II в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI, XII; Давыдова, 1996, табл. 1, 3, 8, 10–12, 23, 26, 35, 40, 49, 50, 52; Миняев, 1998, табл. 7, 23, 40, 56, 67, 82, 93, 96, 104, 108, 120; Пан Линь, 2007, с. 63–73]. Это совершенно новая модификация застежек, происхождение которой не связано с металлическими пряжками кочевников Азии скифо-сакской эпохи. Данный вывод подтверждается разницей конструкции и формы железных пряжек с подвижным язычком и бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком из хуннских погребений. Неслучайной выглядит исключительная редкость бронзовых пряжек с подвижным язычком в погребениях раннего этапа хуннской культуры Дырестуйского и Иволгинского некрополей [Давыдова, 1996, табл. 30, 24; Миняев, 1998, табл. 60, 9]. Сами хунну могли заимствовать подвижный фиксатор ремня от китайцев, у которых в период династий Цинь и Западной Хань существовали оригинальные металлические пряжки с подвижным язычком на вертлюге, применявшиеся в конском снаряжении и воинской экипировке [Xuzhou Museum..., 2006, fig. 7, 6; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Матренин, Гребенников, 2011, рис. 18, 2, 19, 4, 5]. При установлении нижней даты появления железных пряжек с подвижным язычком на основании рамки важно учитывать их отсутствие в составе инвентаря погребений кочевников III в. до н.э. Северного Китая с признаками «раннего» влияния хунну, а также среди предметов, отражающих хуннские новации в памятниках саглынской культуры Тувы III – начала II в. до н.э. [Ковалев, 2002, рис. 2–6; Семенов, 2003, с. 77–80]. Датировка ранних находок подвижноязычковых пряжек в Минусинской котловине из коллективного погребения в позднетагарском кургане Лисий (нижняя погребальная камера) и других комплексов с «бронзовыми миниатюрами» сейчас пересмотрена в сторону омоложения [Вадецкая, 1999, с. 134–135, рис. 65]. Представленные наблюдения наводят на мысль о распространении подвижноязычковых пряжек у населения Алтайской горной страны не ранее 2-й трети II в. до н.э. (принимая во внимание запаздывание по отношению к центральноазиатским аналогиям). Примерно в это же время они впервые появились в Туве (могильник Урбюн-III, Чинге-II) [Савинов, 1969, с. 104–108]. На Среднем Енисее такие пряжки фиксируются в позднетагарских и тесинских памятниках I в. до н.э., получают широкое применение с середины столетия [Мартынов, 1979, табл. 23, 1, 36, 108; Кузьмин, 1988, рис. 13, 5, 11–21; Пшеницына, 1992, табл. 93, 45, 94, 58, 59, 57; Вадецкая, 1999, рис. 65, 77, 80, 84; Савинов, 2009, рис. 8, 1–4].

В Среднюю Азию железные пряжки с подвижным язычком были занесены в конце II в. до н.э. «восточными» кочевниками во время разгрома Греко-Бактрии, и они приобретают популярность в I в. до н.э. во многих областях [Мандельштам, 1966, с. 111–112, табл. XLIV, 1–3, XLII, 11, 12, XLI, 1–7, 9, 10, 16, 17; 1975, с. 140–141, табл. XV, 1, 2, XIV, 10–12, XXXI, 3, 8, 9, XXXII, 2; Горбунова, 1984, рис. 2, 69; 2001, с. 128–130; Оболдуева, 1988, с. 166, рис. 4, 9, 12; Маслов, Яблонский, 1996, с. 176, рис. 2, 4, 5; Подушкин, 2006, с. 214, 226].

В других регионах железные пряжки с подвижным язычком отмечены позже. В Верхнее Приобье они попадают в I в. до н.э., вероятно во 2-й половине столетия

* В типологии металлических пряжек с подвижным язычком из памятников гунно-сарматского времени европейской части степного пояса Евразии большое значение придается оформлению язычка (длина, изогнутость окончания, прогнутость средней части, наличие среза у основания, декор и другие признаки). У исследуемой серии пряжек язычки имеют, как правило, плохую сохранность. Кроме того, они не фиксируют явно выраженных морфологических различий, диагностирующих направления их развития. Складывается впечатление о сохранении прямых и слабо прогнутых язычков на протяжении длительного времени (II в. до н.э. – V в. н.э.).

[Троицкая, 1979, табл. XXIV, 13, 14, XLVI, 88; Полосьмак, 1987, рис. 69, 9; Троицкая, Бороодовский, 1994, с. 22; Дураков, Мжельская, 1995, с. 50, рис. 6, 18; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2, 9, 10]. Начальная дата таких пряжек в саргатской культуре Западной Сибири сейчас может быть омоложена до 2-й половины – конца I в. до н.э. [Матвеева, 1994, с. 99, рис. 24, 1, 29, 2, 32, 17, 45, 7, 54, 29, 57, 14; Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 67–68]. Кочевники степной полосы европейской части России стали применять металлические пряжки с подвижным язычком с рубежа эр, что демонстрирует активизацию азиатского направления их культурных связей в среднесарматский период [Симоненко, 2004, с. 145, рис. 7, 41; Медведев, 2004, с. 89; Сергацков, 2004, с. 107]. Тогда же или немного позже они фиксируются на Кавказе [Абрамова, 1989, табл. 107, 13, 111, 25–31]. У населения Западного Приуралья пряжки с подвижным язычком известны с I в. н.э. [Генинг, 1988, рис. 4; Агеев, 1992, с. 64, 42]. Свою историю появления металлические пряжки с подвижным язычком имеют в Центральной Европе, где они ранее всего фиксируются в областях, подвергшихся римскому влиянию, и отражают ознакомление «варваров» с образцами воинской экипировки римских легионов конца I в. до н.э. [Труфанов, 2004, с. 162].

Пряжки с округлой рамкой типа 1 сохраняются на протяжении I–II тыс. н.э. Наиболее ранние актуальные для нас аналогии пряжкам типа 1 зафиксированы в снаряжении хунну II–I вв. до н.э. [Давыдова, 1995, с. 33, табл. 186, 1, 3; 1996, табл. 1, 14, 16, 3, 3, 8, 2, 10, 10, 11, 21, 12, 23, 23, 8, 9, 26, 9, 35, 3, 40, 10, 49, 9, 9a, 17, 50, 5, 6, 52, 1, 2; Миняев, 1998, табл. 7, 30, 23, 10, 11, 40, 3, 56, 3, 67, 12, 82, 9, 93, 4, 6, 96, 4, 108, 10, 104, 2, 120, 17]. Впрочем, они встречаются и в более поздних комплексах I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI, 11, 21, XII, 4, 5]. Железные подвижноязычковые пряжки с округлой рамкой без щитка появляются в Туве во 2-й трети II в. до н.э. и находят широкое применение у населения улуг-хемской (конец I в. до н.э. – II в. н.э.) и кокзельской (III–V вв.) культур [Савинов, 1969, с. 104–108; Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 1–10; Дьяконова, 1970, табл. XI, 1–8, 11, 12, 26, XIII, 1–4, 10, 14–18, 20–22, 29; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 14]. Еще один регион раннего использования пряжек типа 1 в конце II в. до н.э. – I в. н.э. связан с Северной Бактрией [Мандельштам, 1966, XLII, 11, 12, XLIII, 1–5, 7, 9–11, 16, 18, XLIV, 1–3; Горбунова, 2001, с. 143].

Основываясь на приведенных сравнениях, начальный период бытования пряжек типа 1 у населения булан-кобинской культуры можно определить в рамках от 2-й трети II в. до н.э. до I в. н.э. включительно*. Пряжки данного типа встречаются на Алтае до этнографической современности.

Производными от пряжек типа 1 являются экземпляры с овальной, симметрично изогнутой рамкой, вытянутой по вертикали (тип 2). Они впервые появились в Центральной Азии у хунну в I в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. XII, 2, 4]** и широко распространились с конца I в. н.э. Пряжки типа 2 обнаружены на территории Тувы в погребениях II–V вв. [Вайнштейн, 1970, рис. 103, 7, 111, 7; Памятники кокзельской культуры Тувы, 2010, с. 62]. В это время они также широко представлены в снаряжении народов многих регионов Евразии [Грязнов, 1956, табл. XXXII, 10, 16, XLV, 28, 29, XLVII, 3; Генинг, 1963, табл. IV, 12, VIII, 5; XXIII, 9, 11; 1971, табл. IX, 6; 1979, рис. 1 А–3, Д–Г, Е–Л; Уманский, 1974, рис. 3, 5, 6, 5, 31; 1978, рис. 4, 108; Горбунова, 1984, рис. 2, 42; Абрамова, 1989, табл. 111, 26; 1997, с. 115; Мошкова, 1989, табл. 82, 90; Егоров, 1993, рис. 1, 7, 10; Левина, 1996, рис. 121–123; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2, 9; Малашев, 2000, с. 209, рис. 3, 6, 9, 12, 13; Симоненко, 2004, с. 153, рис. 10; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, рис. 52, 22; Зубов, Михеев, 2006, с. 214–216; и др.]. Начальный период использования таких пряжек кочевниками Алтая приходится на 2-ю половину

* Важно заметить, что датировка пряжек типа 1 с большим диаметром рамки из могильников Яломан-II и Усть-Эдиган не выходит за пределы хуннского времени.

** Немногочисленность аналогий пряжкам типа 2 в археологических памятниках центральноазиатских хунну обусловлена в значительной степени сохранностью данных изделий. При внимательном рассмотрении они могут быть идентифицированы среди кородированных экземпляров с круглой рамкой.

I в. до н.э. – I в. н.э. Пряжки типа 2 стали самой популярной модификацией поясных застежек у населения булан-кобинской культуры во II–V вв.

Пряжки с овальной рамкой, вытянутой длинной осью по горизонтали (тип 3), представлены четырьмя экземплярами из могильника Айрыдаш-I. Ближайшие аналогии им зафиксированы на территории Тувы в могильнике Хара-Даг-Бажи, погребение № 2, относящемся к концу III – IV в., на Среднем Енисее в грунтовых могилах II–III вв., а также в Юго-Восточном Забайкалье в сянбийских комплексах конца I – начала IV в. (Зоргол-I, Большая Канга-I) [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984; Данченко, Нестеров, 1989; Вадецкая, 1999, рис. 15, 3; Тетерин, 1999, рис. 2, 14; Яремчук, 2005, рис. 96, 1, 99, 9, 101, 1]. Подобные пряжки иногда встречаются в снаряжении позднесарматских кочевников Южного Приуралья III в. и, вероятно, имеют центральноазиатское происхождение [Любчанский, Епимахов, 1994, рис. 3, 3; Малашев, Яблонский, 2008, с. 51, рис. 202, 8–10]. В лесном Приуралье такие пряжки относятся к концу I – началу III в. [Агеев, 1992, с. 69]. С учетом представленных аналогий пряжки типа 3 в рамках булан-кобинской культуры предварительно датируются в широком диапазоне – II–IV вв.

Пряжки с квадратной рамкой (тип 4) имеют ранние датированные аналогии в Центральной Азии в погребальных комплексах хунну II в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. IX, 5, 6, 74, XI, 6, 7, XII, 8; Давыдова, 1996, табл. 26, 3, 36, 2]. Данные модификации встречаются в сянбийское время (конец I – начало III в.). Пряжки типа 4 обнаружены пока только в ранних булан-кобинских погребениях на могильнике Яломан-II (курганы № 47, 61), датирующихся 2-й половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э.

Пряжки с прямоугольной рамкой (тип 5) укороченных пропорций с учетом хуннских параллелей и археологических материалов Верхнего Енисея (Урбюн-III, Бай-Даг-II) могли появиться на Алтае в I в. до н.э. (наиболее вероятно – ближе к середине столетия) [Коновалов, 1976, табл. XII, 1; Давыдова, 1996, табл. 11, 29, 26, 8, 27, 16, 46, 8; Миняев, 1998, табл. 71, 4; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 177, зураг 7]*. Более поздние аналогии пряжкам типа 5 укороченных пропорций связаны с материалами II–IV вв. Верхнего Приобья, Среднего Енисея, Восточного Забайкалья [Грязнов, 1979, с. 87, рис. 50, 13; Вадецкая, 1999, рис. 65, 70, 3, 84; Ширин, 2003, с. 67, рис. 4, табл. XXXVIII, 3; Яремчук, 2005, рис. 102, 3]. Относительная хронология экземпляров пряжек типа 5 с укороченной рамкой, обнаруженных сейчас в закрытых комплексах булан-кобинской культуры, укладывается в интервал от I в. до н.э. до 1-й половины IV в. н.э. Прямоугольные пряжки удлиненных пропорций в Центральной Азии имеют датированные аналогии в погребальных памятниках раннесянбийского времени (конец I – начало III в.) Тувы (Аймырлыг-XXXI) и Юго-Восточного Забайкалья (Зоргол-I) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 41; Яремчук, 2005, рис. 97, 3, 102, 4, 8]. У кочевников степной полосы Восточной Европы, Северного Кавказа, а также у народов лесного Приуралья период активного использования железных подвижноязычковых пряжек с прямоугольной рамкой удлиненных пропорций приходится на I – начало III в. [Пшеничнюк, 1973, с. 188, рис. 5; Генинг, 1988, с. 82, рис. 19, 20; Абрамова, 1989, табл. 111, 27; Симоненко, 2004, с. 145]. В булан-кобинской культуре относительная хронология известных образцов пряжек типа 5 с рамкой удлиненных пропорций определяется предварительно концом I – III в.

Трапецевидные пряжки (тип 6) в булан-кобинской культуре встречаются редко. Они, вероятно, являются производными от пряжек типа 5. Принимая во внимание зафиксированные археологические аналогии с территории Тувы, Хакасии, Забайкалья [Kenk, 1984, Abb. 28, A-3, 41, F-5; Кузьмин, 1988, рис. 13, 11–13; Яремчук, 2005], их можно датировать в широких рамках I в. до н.э. – IV в. н.э. (есть большая вероят-

* Следует обратить внимание, что железные подвижноязычковые пряжки в археологических комплексах хунну «дырестуйского хронологического горизонта» (начало II в. до н.э. – 2–3-я четверти I в. до н.э.) не отличаются большим разнообразием форм. Среди них преобладают экземпляры с округлой рамкой.

ность, что они существовали и в V в.). На Алтае пряжки данного типа найдены в погребениях III – начала IV в. (могильник Айрыдаш-I) и IV в. (могильник Булан-Кобы-IV). Пряжки укороченных форм типа 6 достаточно широко представлены в снаряжении средневековых тюрок Алтая 2-й половины V – XI в. [Гаврилова, 1965, табл. X, 1, XIV, 2, 3, XX, 9; и др.].

Единственную булан-кобинскую пряжку типа 7 из могильника Булан-Кобы-IV можно сравнить с экземпляром середины I тыс. н.э., обнаруженным на территории Тувы в могильнике Усть-Хадынских-III (курган № 21, погребение № 2) [Панкова, 2003]. Приходится констатировать малочисленность находок, чтобы рассматривать вогнутость боковых сторон квадратных рамок в качестве элемента оформления подвижно-язычковых пряжек IV–V вв.

Пряжки с арочным (тип 8) и вогнуто-арочным (тип 9) абрисом рамки имеют датированные аналогии в некрополях хунну Монголии и Забайкалья (2-я половина I в. до н.э. – I в. н.э.), «тесинцев» Среднего Енисея (2-я половина I в. до н.э. – начало II в. н.э.), в могильнике Аймырлыг-XXXI (конец I – III в.) и захоронениях кокзальской культуры Тувы (III–V вв.), в сяньбийских погребениях Приаргунья*, Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии (конец I – начало III в.), в памятниках Средней Азии (I в. до н.э. – начало новой эры), в материалах саргатской культуры Приишимья (I – начало III в.) [Пшеницына, 1975, рис. 5, 7; Коновалов, 1976, табл. XI, 15, 16, 20; Стамбульник, 1983, рис. 2; Субботин, 1983, рис. 1, 5; Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 10, 2; Седых, 1985, рис. 4, 4; Кузьмин, 1988, рис. 13, 19, 20; 2008, с. 85; Матвеева, 1994, рис. 24, 1; Маслов, Яблонский, 1996, с. 175–176; Erdelyi, 2000, fig. 38, 57, 54; Подушкин, 2000, с. 82, вкл., рис. 51; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 180, зураг 2, 5, т. 205, зураг 5, т. 251, зураг 5; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 18, 7; Предварительное изучение сяньбийских погребений..., 2004, рис. 7, 6; Яремчук, 2005, рис. 93, 3, 102, 1, 2; Савинов, 2009, табл. XXIII, 2, XXV, 9, 10, 17, XXVII, 5, 6; Дуурлиг Нарсны..., 2009, т. 41; Кузьмин, 2011, табл. 56, 35, рис. 43; Хүннүгийн, 2011, зураг 297]. Опираясь на имеющиеся вещественные источники, можно сделать вывод, что ранний этап распространения пряжек типов 8, 9 на территории Алтая приходится на 2-ю половину I в. до н.э. – начало I в. н.э. Не древнее указанного хронологического интервала стоит рассматривать появление данного типа пряжек у населения Верхнего Приобья [Фролов, Шамшин, 1999]. Верхняя хронологическая граница бытования пряжек типов 8, 9 у булан-кобинского населения определяется пока условно в рамках III–IV вв. Находки таких пряжек известны в разновременных памятниках Алтая раннего и развитого средневековья [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, рис. 10, 3; Илюшин, 2000, рис. 2, 1; Тишкин, 2006, рис. 38, 11, 39, 9, 50, 29; и др.]. Впрочем, они часто встречаются в древностях 2-й половины I тыс. н.э. – начала II тыс. н.э. других регионов Евразии.

Булан-кобинские т-образные пряжки (в терминологии других исследователей – «фигурные», «овально-трапецивидные», «дугоконечные») с подвижным язычком на основании рамки без щитка (тип 10) происходят в основном из погребений Центрального Алтая. В ближайших регионах Азии похожие модификации найдены в разновременных комплексах: Тува – могильник Бай-Даг-II (периферийное погребение улуг-земской культуры I – начала III в.); Средний Енисей – грунтовый могильник таштыкской культуры Абакано-Перевоз (не ранее 2-й половины III в.); предгорья Кузнецкого Алатау – Усть-Абинский некрополь (2-я половина III – IV в.); красноярская лесостепь – могильник Боровое (IV–VII вв.) [Мандрыка, Макаров, 1994, рис. 3, 36; Тетерин, 1999, рис. 2, 7, 9; Николаев, 2000; Ширин, 2003, с. 67, рис. 4, 7, табл. LX, 6]. Конечно, география распространения поясных пряжек типа 10 намного шире. Например, они пользовались популярностью у населения центральноевропейского Барбарикума

* Автор выражает признательность Е. В. Ковычеву за предоставленную возможность познакомиться с материалами сяньбийского времени могильника Дурой-I, занимающими хронологическую лауну между комплексами зоргольской (конец I – начало III в.) и бурхотуйской (IV–IX вв.) культур Юго-Восточного Забайкалья.

в I – начале III в., а также у кочевых народов Восточной Европы в среднесарматское время (рубеж эр – 1-я половина II в. н.э.) [Арсеньева, 1977, с. 104, табл. XXXV, 12, CLV, 4; Абрамова, 1989, табл. 111, 29; Дашевская, 1989, табл. 55, 48; 1991, с. 36, табл. 63, 13; Малашев, 2000, с. 208; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182–183, рис. 8, 39; Медведев, 2004, с. 89, рис. 1, 22; Труфанов, 2004, с. 164–167, 169, рис. 3, 3, 5, 6, 7, 8, 9]. В Прикамье единичные находки таких изделий известны в памятниках II–III и V вв. [Агеев, 1992, табл. 12, 19; Голдина, Бернц, 2010, табл. 228, 3, 264]. Можно предположить, что пряжки с т-образной рамкой были разработаны на основе подвижноязычковых пряжек с арочно-вогнутой рамкой или по образцу арочно-вогнутых и восьмеркообразных застёжек-блоков, известных у хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э. – I в. н.э., у сяньби Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии в конце I – IV в., у кочевников Тувы в I – начале III в., у населения тесинской и таштыкской культур Среднего Енисея в I в. до н.э. – II в. н.э., а также у носителей булан-кобинской культуры во 2-й половине I в. до н.э. – III в. н.э. [Руденко, 1962, табл. XVI, 2, 3; Коновалов, 1976, табл. XI, 15; Стамбульник, 1983, рис. 2; Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 10, 2; Кузьмин, 1988, рис. 13, 9, 19, 20; Вадецкая, 1999, рис. 65, 70, 3; 84; Тетерин, 1999, рис. 2, 7, 9; Худяков, 1999, рис. 3, 20; Цэвэндорж, 2000, зураг 12; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 205, зураг 5; Яремчук, 2005, рис. 96, 3, 102, 1; Савинов, 2009, табл. XXIII, 2, XXV, 9, 10, 11, 17, XXVII, 5, б]. Сначала, вероятно, появились модификации с округлой дужкой. Начальный этап использования пряжек типа 10 кочевниками Алтая определяется нами предварительно концом II – началом III в. [Матренин, 2013, с. 233; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014]. Говорить о продолжительности использования таких пряжек, а тем более о верхней хронологической границе, пока сложно ввиду немногочисленности находок.

Железные пряжки с подвижным язычком на основании рамки, имеющие четко выделенный щиток в виде подвижной пластины-полуобоймы (отдел II), которая фиксируется к ремню с помощью вставных шпеньков (подотдел а), представлены типами 11–17. Пряжки данной конструкции ранее всего стали использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э., но особенно часто – в I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XI, 13, 17; Цэвэндорж, 1990, рис. 4, 5; 2000, зураг 12; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, зураг. 3; Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш, 2003, зураг 18, 4, 5, б; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2010, т. 289, зураг 7]. С хуннуским влиянием связаны находки подобных изделий в польцевской культуре Приамурья [Дервянко, 1976, табл. XVIII, 9, 10, 11]. Такие пряжки представлены в снаряжении сяньби конца I – начала III в. Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5, 11, 10, 1; Яремчук, 2005, рис. 99, 3, 101, 1, 8; Archaeological Study..., 2005, p. 311]. Ранние экземпляры железных подвижноязычковых пряжек с подвижным щитком обнаружены в Туве в погребениях могильников Аймырлыг-XX, XXXI, датирующихся предварительно концом I – началом III в.

В дальнейшем пряжки разряда I, раздела I, отдела IIa представлены в кокзельской культуре III–V вв. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 20; Дьяконова, 1970, табл. XI, 25, 27, 32, 45, 46; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 34]. Удивительно мало таких изделий на Среднем Енисее, где они известны в таштыкских склепах не ранее середины IV в. [Вадецкая, 1999, табл. 113, 2, 115]. В Средней Азии пряжки с подвижными щитками датируются не ранее 2-й половины II в. или начала III в. и представляют собой новацию, отражающую новую волну проникновения центральноазиатских кочевников после окончательного разгрома северных хунну [Бернштам, 1952, вкл. 4, 173; Сорокин, 1956, с. 13; Кожомбердиев, 1963, с. 71, рис. 4, 14, 19–21; Заднепровский, 1992, с. 105, табл. 39, 12; Подушкин, 2000, вкл., рис. 109, 112]. На юге Западной Сибири пряжки с подвижными язычком и щитком появляются в конце II – начале III в., а в предгорьях Кузнецкого Алатау еще позже – не ранее 2-й половины III в. [Ширин, 2003, с. 66–67, 102–104, 114]. Для Западной Сибири эта дата подтверждается отсутствием пряжек с подвижными щитками в саргатской культуре I–

II вв., носители которой имели тесные контакты с сарматами и кочевыми племенами Средней и Центральной Азии.

Сарматы Восточной Европы стали использовать пряжки с подвижным щитковым креплением в 1-й половине – середине II в., особенно широко – со 2-й половины столетия. Такие пряжки выступают одним из индикаторов предметного комплекса позднесарматской общности, сложившегося в ходе миграции «восточных» кочевников [Малашев, 2000, с. 198–199, 209; Симоненко, 2004, с. 153–155; Медведев, 2004, с. 91, рис. 1, 52; Мошкова, 2004, с. 32; Кривошеев, 2004, с. 112, 119]. Во 2-й половине II в. пряжки с подвижным щитком появляются на Кавказе, став особенно популярными в III–V вв. [Абрамова, 1997, рис. 2, 10, 11, 13, 2, 15, 12, 14, 70, 74]. В Западном Приуралье пряжки с такими морфологическими характеристиками имеются в памятниках пьяноборской общности рубежа II – начала III в., но массово они представлены в материалах конца III – начала VI в. [Генинг, 1979, рис. А–Н; 1988, с. 82, рис. 19, 24, 25; Агеев, 1992, с. 42, 69, табл. 12, 18; Голдина, Бернц, 2010]. В Центральной Европе железные пряжки с подвижными язычком и щитком известны с середины – 3-й четверти I в. [Труфанов, 2004, с. 162].

Современное состояние археологических источников дает основание считать, что железные пряжки с подвижным язычком и щитком-полуобоймой распространяются у кочевников Алтая во II в. н.э. под влиянием позднехуннской – раннесяньбийской материальной культуры. Широкую популярность они получают во 2-й половине II в. (ближе к концу периода) и будут существовать до финала развития булан-кобинской общности (V или начало VI в.). Как массовое явление, такие пряжки исчезают у тюрок 2-й половины V – XI в. [Гаврилова, 1965, табл. VI, 8; Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, рис. 48, 29, 53, 16, 18; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. 7, 14, 8, 15; Худяков, Борисенко, 1997, рис. 2, 4, с. 372; Кубарев, 2005, табл. 99, 12, 13; Тишкин, Горбунов, 2005б, рис. 31, 8, 74, 20].

Пряжка с подвижным язычком раздела I, отдела IIa, имеющая округлую рамку и прямоугольный длинный щиток (тип 11a), обнаруживает наиболее близкие датированные аналогии на территории Тувы в могильнике Аймырлыг-XXXI (конец I – начало III в.) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 40].

Пряжки с овальной рамкой, оснащенные щитками-полуобоймами разной формы и длины (тип 12a–u), находят параллели с экземплярами из разных регионов степной и лесостепной Евразии*. Они являются самой многочисленной модификацией пряжек с подвижным щитком-полуобоймой населения булан-кобинской культуры Алтая. Принимая во внимание это обстоятельство, круг актуальных сравнений мы намеренно ограничили археологическими материалами Северной, Центральной и Средней Азии.

Овально-рамчатые пряжки с щитками-полуобоймами прямоугольной формы средних пропорций (тип 12б) имеют аналогию в материалах кокзельской культуры Тувы из могильника Часкал-II, датирующегося не ранее III в. [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 34]. На территории Среднего Енисея пряжка типа 12б зафиксирована в могильнике Джесос, склеп № 3, относящемся к IV–V вв. В Алтайской лесостепи пряжки типа 12б обнаружены в погребении фоминской культуры на могильнике Ближние Елбаны-VII не ранее рубежа II–III вв. и в захоронении одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. из Ближних Елбанов-XIV [Грязнов, 1956, табл. XLI, 19, XLII, 15; Ширин, 2003, с. 66, табл. XXXVII, 3]. В предгорьях Кузнецкого Алатау пряжка типа 12б происходит из Усть-Абинского могильника 2-й половины III – IV в. [Ширин, 2003, табл. LX, 5]. Экземпляры с длинными щитком прямоугольной и трапециевидной формы обнаруживают сходство с находками: из Тувы – могильник Бай-Даг-II, насыпь ритуального кургана (тип 12з) 3-й четверти I тыс. н.э.; Верхнего Приобья – ТМК-II, курган № 98 (тип 12в) – VI–VIII вв.; Прикамья – III–IV вв. (тип 12г,д) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70, 3; с. 79; Останина, 1997, рис. 14, 3, 6; Голдина, Бернц, 2010, табл. 229].

* В свое время В. Б. Ковалевская [1979, с. 27] не рассматривала Сибирь в качестве региона распространения пряжек данной конструкции.

К данному перечню сопоставлений следует добавить аналогичные бронзовые пряжки таштыкской культуры из склепов № 2 и 7 Уйбатского чаатаса, входящих в хронологическую группу объектов конца IV – V в., а также из азелинских древностей Прикамья III – середины IV в. и памятников бакальской культуры Тоболо-Ишимья рубежа III–IV вв. – 1-й половины IV в. [Вадецкая, 1999, с. 122, табл. 87, 1, 2, 113, 2, 115, рис. 64; Малашев, 2000, с. 209; Матвеева, 2016, с. 155–156, рис. 89, 18].

Пряжки с прямоугольно-овальным щитком укороченных пропорций (тип 12e) обнаружены в памятниках кенкольской культуры Тянь-Шаня III–IV вв., в могильнике Шаушукум из Ташкентского оазиса, датирующегося II–IV или III–V вв., в некрополях арысской культуры Южного Казахстана конца II – IV в. [Кожомбердиев, 1963, рис. 4, 19–21; Абрамова, 1989, с. 13; Заднепровский, 1992, табл. 39, 12; Подушкин, 2000, с. 70, вкл.; 2006, с. 226]. Пряжка с прямоугольно-овальным щитком средних пропорций (тип 12ж) имеет аналогии в некрополе Кокэль (КЭ-11, п. XXXVIII) в Западной Туве, археологический возраст которого определяется концом III – IV в., а также в склепе таштыкской культуры из могильника Усть-Тесь (Хакасия) 2-й половины IV – V в. [Дьяконова, 1970, табл. XI, 25; Вадецкая, 1999, табл. 115]. С территории Восточного Казахстана известна находка пряжки типа 12ж из погребения 2-й половины IV – V в. в кургане с «усами» № 1 Зевакинского могильника [Арсланова, 1975, табл. I, 14]. В продолжение приведенного обзора сравнений следует добавить, что овально-рамчатые пряжки с щитками-полуобоймами обнаруживают сходство с бронзовыми экземплярами из погребений кенкольской культуры Тянь-Шаня III–IV вв. (тип 12ж), захоронений чаатинского типа Тувы 2-й половины IV – начала V в. (тип 12ж), раннесредневековых памятников верхнеобской культуры Томского Приобья VI–VIII вв. (тип 12з) [Кызласов, 1969, рис. 22, 5, 11; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70, 4]. В Восточном Туркестане пряжка из цветного металла, похожая на тип 12ж, зафиксирована в могильнике Чаохугоу-3, который датируется II–IV вв. [Zhang Minghua, Wang Huiju, 1990, fig. 8, 1].

В рамках хронологической схемы культур Восточной Европы и Северного Кавказа позднесарматского времени редкие находки железных овально-рамчатых пряжек со щитком типа 12 относятся к комплексам 2-й половины II в. – начала IV в. (тип 12б) и 2-й половины III в. (тип 12e,ж) [Малашев, 2000, с. 209; Малашев, Яблонский, 2008, с. 51]. Обобщение массового материала показывает, что прямоугольные вытянутые щитки характерны для II в. В 1-й половине III в. они становятся короче и в количественном отношении их потесняют щитки округлой и овальной форм [Малашев, 2000, с. 209]. Отдельный регион производства пряжек с прямоугольными щитками отдела Ia представляет Прикамье, где данные модификации в цветном металле появились в конце II в. [Генинг, 1988, рис. 19, 24; Агеев, 1992, табл. 12, 18].

Пряжка с пятиугольным щитком средних пропорций (тип 12и) имеет территориально отдаленные аналогии в конском снаряжении поздних сяньби IV в. Северного Китая, племен Кореи IV–V вв., а также в погребальном инвентаре джетыясарской культуры Восточного Приаралья IV в. [Dong Gao, 1995, fig. 2; Левина, 1996, рис. 124, 18, 22, 23; Wang Wei, 1997, fig. 9, 1]. На Алтае пряжка типа 12и обнаружена в могильнике Улуг-Чолтух-I, датированном автором раскопок предварительно 2-й четвертью I тыс. н.э. [Худяков, 2002, с. 79; 2015, с. 119].

Таким образом, период бытования пряжек типа 12 в снаряжении населения Алтая булан-кобинской культуры определяется в широких рамках 2-й половины II – V в. Устойчивые различия между экземплярами из датированных закрытых комплексов пока не выявлены. Изучение археологических материалов Северной и Центральной Азии дает основание считать, что пряжки с прямоугольными и прямоугольно-овальными щитками средних и удлиненных пропорций появляются позже укороченных. Пряжки с длинными щитками широко распространяются со 2-й половины III в.*

* Данное замечание справедливо также в отношении щитков-полуобойм, совмещенных с рамками других форм.

Следует отметить, что булан-кобинские экземпляры с короткими щитками (тип 12*a*), существующие в III–V вв., заметно отличаются от хуннских и раннесяньбийских пряжек.

Пряжки с прямоугольной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольной (тип 13*a*) и треугольной форм средней длины (тип 13*б*) разрабатываются на основе пряжек типа 5. Опираясь на приведенные ранее выкладки по хронологии щитков-полуобойм и абрисов рамок, известные нам экземпляры пряжек типа 13 предварительно можно датировать 2-й половиной II – IV в. У народов западной части степной и лесостепной полосы Евразии щитки-полуобоймы данной формы часто встречаются среди ременных гарнитур IV–V вв. [Генинг, 1979, рис. Б, 4, 3, 20, Ж, 5, 8, К, 5; Ковалевская, 1979, табл. 1, 15, 16, с. 16; Бажан, Каргапольцев, 1989, рис. 1, 13, 14, 15; Малашев, 2000, с. 204–205].

Пряжки с трапециевидной короткой рамкой и трапециевидным щитком-полуобоймой удлиненных пропорций (тип 14*a*) обнаруживают сходство с экземпляром из могильника Кокэль (КЭ-11, п. XL), имеющим щиток средней длины [Kenk, 1984, Abb. 41, D-1]. Близкий по оформлению экземпляр из цветного металла найден на могильнике Тепсей-III в склепе № 2 таштыкской культуры IV–VI вв. [Грязнов, 1979, рис. 67, 29]. Принимая во внимание немногочисленные датированные аналогии, можно допустить относительную хронологию известных пряжек булан-кобинской культуры типа 14 в рамках 2-й половины III – V в.

Пряжки отдела II*a* с рамками арочной формы сочетаются со щитками, имеющими различный абрис: прямоугольный укороченных пропорций (тип 15*a*), прямоугольный удлиненных пропорций (тип 15*б*), прямоугольно-овальный средней длины (тип 15*в*). Они являются производными от пряжек типов 8, 9. Экземпляры типа 15*a* известны у хунну Монголии и Забайкалья в I в. и сяньби Юго-Восточного Забайкалья в конце I – начале III в. [Коновалов, 1976, табл. XI, 13, 36, рис. 4, 5; Цэвэндорж, 2000, зураг 12; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 18, 6; Яремчук, 2005, рис. 101, 8]. Подобные пряжки в цветном металле (тип 15*б,в*) встречаются в экипировке верхового коня поздних сяньби Северного Китая конца III – начала IV в. и у когурё в IV–VI вв. [Дун Гао, 1997, рис. 1, 1]. Похожий железный экземпляр типа 15*б* найден в позднекокэльском комплексе V в. Усть-Хадынских-III (курган № 21) в Западной Туве [Панкова, 2003, рис. 4, 11]. Близкая по оформлению уздечная пряжка обнаружена на Алтае в тюркской ограде 2-й половины V – 1-й половины VI в. на могильнике Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. II, 1]. Среди бронзовых изделий можно назвать пряжку из погребения фоминской культуры Усть-Абинского могильника (предгорья Кузнецкого Алатау) конца III – IV в., а также находку в кургане верхнеобской культуры VI–VII вв. Тимирязевского могильника-II (Томская область) [Ширин, 2003, табл. LXVIII, 15; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 70, 4]. Располагая этими аналогиями и сделанными ранее наблюдениями о типологии подвижных щитков-полуобойм, период существования пряжек типа 15 у населения булан-кобинской культуры определяется нами предварительно III–V вв. Для экземпляров с длинными щитками (тип 15*б,в*) наиболее предпочтительна датировка в рамках 2-й половины III – IV в.

Восьмеркообразные пряжки представлены вариантом с прямоугольным щитком из одной или двух пластин (тип 16*a*). Они являются производными от пряжек типов 6, 8, 9, 15. В бесщитковом исполнении пряжки с восьмеркообразной рамкой известны в памятниках Среднего Енисея I в. до н.э. – II в. н.э. и сяньбийских погребениях Юго-Восточного Забайкалья конца I – начала IV в. [Вадецкая, 1999, рис. 65; Яремчук, 2005, рис. 96, 3; Кузьмин, 2011, табл. 40, 19–20]. Нижнюю дату возможного появления типа 16 у кочевников Алтая можно определить предварительно в рамках III в. Верхняя временная граница бытования пряжек данного типа для булан-кобинской культуры соотносится с V в., что подтверждает находка из могильника Яломан-II [Матренин, Тишкин, 2016*a*, с. 53, рис. 2, 9].

Пряжки с т-образной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольной формы средних и удлиненных пропорций (тип 17*a,б*), по-видимому, разрабатываются на осно-

ве пряжек типа 10. Совмещение т-образных рамок и подвижных зажимных щитков у кочевников Алтая могло произойти в III в., скорее всего во второй половине столетия. Анализируемые экземпляры пряжек типа 17 булан-кобинской культуры происходят из погребений 2-й половины IV – V в.

Железные подвижноязычковые пряжки с неподвижным щитком, выделенным от рамки, фиксирующимся к ремню с помощью вставных шпеньков (отдел IIIa), представлены двумя экземплярами из могильника Яломан-II (тип 18a). Они имеют округлую рамку и прямоугольно-овальный щиток удлинённых пропорций (тип 18a). У народов Евразии данные модификации поясных пряжек представляют самобытные образцы снаряжения, сформировавшиеся на основе разных исходных прототипов. Пряжки такой конструкции известны у носителей кенкольской культуры Тянь-Шаня в III–IV вв. [Заднепровский, 1992, табл. 31, 20, 21]. Единичные находки железных «догеральдических» пряжек со щельными щитками с территории Северного Кавказа датируются V–VI вв. [Абрамова, 1997, рис. 19, 23, с. 27–28, рис. 28, 4, с. 29]. В западном лесном Поволжье известна «гибридная» пряжка такой конструкции в памятнике писаральско-андреевского типа, датирующегося II – началом III в. [Зубов, Михеев, 2006, рис. 4, 9, с. 211]. В Прикамье железные цельнощитковые пряжки распространяются с VI в. н.э. [Генинг, Мырсина, 1967, табл. IV, 15]. У кочевников Алтая пряжки типа 18a носят экспериментальный характер и не имеют точных аналогий в снаряжении народов Северной и Центральной Азии II–V вв. Их изготовление населением булан-кобинской культуры основано на развитой местной традиции производства подвижнощитковых пряжек типа 12ж,з. Наиболее вероятный период появления пряжек типа 18 относится к концу IV – 1-й половине V в. Пряжки данного типа происходят из закрытого комплекса жужанского времени могильника Яломан-II.

Железные пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге в прорези рамки (раздел II) из памятников Алтая представлены модификациями без щитка (отдел I) и с подвижным щитком-полуобоймой (отдел IIa), имеющими рамку т-образной формы (типы 19, 20a–в). Поскольку типология пластинчатых щитков в основном уже была рассмотрена, считаем целесообразным анализировать типы 19 и 20 совместно. Такие пряжки уже давно привлекают внимание исследователей. Для их хронологической интерпретации используются «западные» и «восточные» материалы, в рамках которых они имеют разный археологический возраст. У кочевников восточноевропейских степей данные пряжки встречаются в среднесарматское время во 2-й половине I – начале II в. (тип 19) и на начальной фазе позднесарматского периода во 2-й половине II – 1-й половине III в. (типы 19, 20). При этом ранние экземпляры имеют длинные, а поздние – короткие рамки, часто с декором в виде завитков [Малашев, 2000, рис. 3Б, 2, 3, 5А, 3; Симоненко, 2004, с. 145; Медведев, 2004, с. 91–92, рис. 1, 53; Труфанов, 2004, рис. 4, 1, 3–10, 5; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182, рис. 8, 37, 38; и др.]. Они рассматриваются как подражания «провинциально-римским» («маркоманским») пряжкам, распространённым в Центрально-Европейском «Барбарикуме» в I – начале III в. У позднесарматского населения Подунавья похожие пряжки, в том числе с длинными щитками, сохраняются до 2-й половины III в. [Малашев, 2000, с. 208; Боталов, 2009, рис. 65, 257, 289, 291, 292, 316, 317]. Важно подчеркнуть, что экземпляры из европейской части России отличаются от пряжек, найденных на Алтае, тем, что часто снабжены вставной вертлюгой, которая у моделей с длинной рамкой подвижная и представляет собой одно целое с язычком. Кроме того, пряжки с подвижным щитком-полуобоймой из западных комплексов имеют короткие рамки с закругленной дужкой, которые лишь условно можно называть т-образными.

В Центральной Азии самая представительная коллекция т-образных пряжек с подвижным язычком на вертлюге, аналогичных находкам из памятников Алтая, происходит из Тувы. Они обнаружены в погребении улуг-хемской культуры на некрополе Аймырлыг-XXXI, погребение № 7 (тип 19), а также в памятниках кокзальской культу-

ры III–V вв.: Темир-Суг-I, курган 2 (тип 19); Аймырлыг-VIII, курган № 15, впускное погребение (тип 19); Кокэль, курган № 37, погребение № 16 (тип 20), курган № 39, погребения № 29 (тип 20), № 45 (тип 19) [Дьяконова, 1970, табл. XII, 24, 33, 47; Николаев, 2000, рис. 3, 2, 4, 2, 5]. В Монголии т-образная пряжка с язычком на вертлюге и длинным щитком типа 20б найдена во впускном погребении из местности Хад Узуур Сагил сомона, археологический возраст которого авторы раскопок определяют гипотетически жужанским временем, ссылаясь на материалы с территории Алтая [Худяков, Цэвэндорж, 1986, рис. 1]. Пряжка типа 19 обнаружена в таштыкской культуре Минусинской котловины [Николаев, 2000, рис. 3, 8]. В Средней Азии пряжка, схожая по своим морфологическим характеристикам с типом 19, выполненная из цветного металла, зафиксирована в Орлатском могильнике [Горбунова, 2001, рис. 5, 26]*. В Алтайской лесостепи т-образная пряжка плохой сохранности найдена в погребении одинцовской культуры 2-й половины IV – V в. в урочище Татарские могилки [Уманский, 1974, с. 141, рис. 3, 3].

Определенно стоит говорить, что основной ареал применения пряжек типов 19 и 20 связан с Саяно-Алтаем. Размещение фиксатора ремня на цельной вертлюге в приемной прорези рамки могло быть заимствовано из конструкции оригинальных металлических пряжек, известных в поздних памятниках хунну Монголии I в. Среди них арочно-вогнутые пряжки с подвижным язычком на цельной вертлюге, происхождение которых связано с традициями ременных гарнитур ханьцев [Пань Лин, 2007, с. 139; Archaeological Study..., 2005, p. 269; Wang Renxiang, 2009, fig. 24, 2, 5, 6; Xiongnu Tombs..., 2009, p. 40]. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать вывод о том, что начальный период использования пряжек типов 19 и 20 кочевниками Алтая приходится на III в. (судя по их обнаружению в датированных закрытых комплексах не ранее середины обозначенного столетия). Т-образные пряжки с подвижным щитком (тип 20) могли повлиять на генезис одного из типов таштыкских пряжек с неподвижным шпеньком [Азбелев, 1992; 2008].

Железные пряжки с неподвижным шпеньком-язычком (разряд II) на лицевой стороне дужки (раздел III), расположенным под тупым углом относительно плоскости рамки, представлены бесщитковыми модификациями (отдел I) и экземплярами с подвижным пластинчатым щитком-полуобоймой, фиксирующимся к ремню с помощью шпеньков (отдел IIa). Для выяснения генезиса железных неподвижношпеньковых пряжек у булан-кобинского населения Алтая сначала рассмотрим данные о распространении металлических модификаций без щитков.

В Центральной Азии единичные находки железных неподвижношпеньковых пряжек без щитков известны у хунну Монголии и Забайкалья. Они происходят из могильников, датирующихся I в. [Коновалов, 1976, табл. XII, 6; Төрбат, Амартүшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 217, зураг 5]. Для хуннуской среды металлические бесщитковые пряжки с неподвижным фиксатором ремня выглядят «инородными» и не связаны с традицией производства бронзовых неподвижношпеньковых пряжек**. Несколько железных пряжек с неподвижным шпеньком без щитка обнаружено в погребениях сяньюби конца I – начала III в. Юго-Восточного Забайкалья и Северо-Западной Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5, 8; Яремчук, 2005, рис. 96, 7, табл. 5, с. 135]. Железные модификации пряжек с неподвижным шпеньком достаточно часто встречаются в погребальных комплексах кокэльской культуры Тувы 2-й половины III – V в. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 13–16; Дьяконова, 1970, табл. XII, 11, 12; Kenk, 1984, Abb. 21, B-1, 22, M-2, 34, C-3, 35, E-5, 50, E-2, 51, C-3; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 26, 29; Памятники кокэльской культуры Тувы, 2010, с. 68, рис. 22, 12]. В Северной Азии больше всего железных пряжек с неподвижным шпеньком без

* Датировка данного памятника по-прежнему вызывает дискуссии, что отчасти обусловлено выборочной публикацией материалов. Скорее всего, мы не ошибемся, если отнесем погребальный комплекс, содержащий т-образную пряжку, к III в.

** В кургане № 20 могильника Ноин-Ула обнаружена бронзовая подпружная пряжка с неподвижным щитком китайского производства [Полосьмак, Богданов, Цэвэндорж, 2011, с. 161].

щитка найдено на Среднем Енисее, где они известны в памятниках позднеатагарского времени (конец II – начало I в. до н.э.), но массово представлены в тесинских (середина I в. до н.э. – середина II в. н.э.), раннеташтыкских (2-я половина II – III в.) и позднеатагарских погребениях (IV–VI вв.) [Кызласов, 1969, рис. 8, 2; Грязнов, 1979, рис. 50, 3, 4, 6, 56, 29, 70, 11; Пшеницына, 1992, табл. 93, 52, 94, 56, 61, 62; Вадецкая, 1999, рис. 15, 26, 64, 77, 80, 84, табл. 66, 3, 71, 88, 93, 104, 115, 135, с. 122, 123; Тетерин, 1999, рис. 2, 4, 5; Кузьмин, 2011, рис. 39, 40, 41; табл. 40, 1–3, 67, 1, 74, 21, 25, 99, 15]. Генезис таких пряжек у населения Среднего и Верхнего Енисея до сих пор не выяснен. На юге Средней Азии металлические, преимущественно бронзовые, пряжки с неподвижным шпеньком без щитков датируются в основном концом II – I в. до н.э., хотя могли существовать и в I в. н.э. [Горбунова, 2001, с. 128, 142–143]. Появление их в данном регионе связано, по-видимому, с продвижением на восток небольших групп сарматских племен, принявших участие в разгроме Греко-Бактрии [Скрипкин, 1990, с. 201–202]*. Присутствие аналогичных изделий в Верхнем Приобье [Троицкая, 1979, табл. XIV, 6; Полосьмак, 1987, рис. 32, 7; Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XLVI, 23; Дураков, Мжельская, 1995, с. 54–55, рис. 6, 1, 2; Меженова, Мжельская, 2000, с. 197] является результатом взаимодействия с западными соседями, скорее всего с племенами саргатской культуры, к которым данные пряжки могли попасть от сарматов Приуралья или от кочевников Средней Азии в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э.**

В степной полосе Восточной Европы металлические бесщитковые пряжки с неподвижным шпеньком выступают одним из маркеров раннесарматских комплексов III–I вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 110; Смирнов, 1989, с. 174, табл. 71, 48, 51, 52; Дашевская, 1991, табл. 63, 5, 21; Скрипкин, 1990, с. 97–98; Клепиков, Скрипкин, 2002, рис. 6, Б-27; Зайцев, Мордвинцева, 2004, рис. 8, 10, 11]. Они выходят из употребления в среднесарматское время (рубеж эр – начало II в. н.э.) и никогда не сочетаются с подвижными щитками-полуобоймами, распространившимися в позднесарматский период (со 2-й половины II в.). В культурах лесного Приуралья железные пряжки с неподвижным шпеньком без щитков обнаружены в пьяноборских памятниках I в. до н.э. – II в. н.э., а также в азелинских древностях IV в. [Генинг, 1988, рис. 4, 39, 107; Агеев, 1992, табл. 12, 10, 11, 12, с. 64].

Результаты поиска аналогий пряжкам с неподвижным шпеньком без щитка (типы 21–25) с территории Алтая продемонстрировали наибольшее их сходство с ременными гарнитурами из погребений кокзальской культуры (Тува), а также поздних тесинских (Средний Енисей и Ачинско-Мариинская лесостепь) и таштыкских (Минусинская котловина) памятников: овальные, вытянутые по вертикали (тип 21) – Бай-Даг-II, курган № 1, впускное погребение (конец III – IV в.); Шугур, курган № 2 (IV–V в.); Красная грива, погребение № 14 (1-я половина IV в.) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 26; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, рис. 22, 12; Вадецкая, 1999, рис. 15, 26]; прямоугольные (тип 22) – Кокзаль (КЭ-37, погребение XI) – 2-я половина III – IV в. [Kenk, 1984, Abb. 50, L-1]; трапециевидные (тип 23) – Кокзаль (КЭ-26, п. XXXII – 2-я половина III – IV в.); Ташебинский чаатас, склепы № 1 и 2; Уйбатский чаатас-II, склеп № 1; Кривинское, склеп № 1; Тепсей-III, склеп № 3 – IV–VI вв. [Грязнов, 1979, рис. 70, 11; Kenk, 1984, Abb. 35, E-5; Вадецкая, 1999, табл. 66, 71, 88, с. 122]; арочные (тип 24) – Калы (середина I в. до н.э. – I в. н.э.), Каменка-III (II в. н.э.), Кокзаль (КЭ-7, погребение IV, КЭ-37, погребение V – 2-я половина III – IV в.); Кара-Тал-IV, курган № 11; Бай-Даг-II, курган № 15, впускное погребение – конец III – IV в. [Kenk, 1984, Abb. 21, B-1, 50, E-2; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 68; Кузьмин, 2011, рис. 41, табл. 40, 1]; т-образные (тип 25) – Шестаково, курган № 6 – I – начало II в.; Кокзаль

* В концепции С. Г. Боталова [2009, с. 116–123] среднеазиатские и южно-казахстанские комплексы входят в единый «сармато-юэчжийский» (лявандакский) историко-культурный комплекс, в рамках которого происходило постоянное перемещение сарматского населения.

** Известные нам материалы саргатской культуры демонстрируют хронологический разрыв периодов активного использования пряжек с неподвижным шпеньком и подвижными щитками-полуобоймами.

(КЭ-37, погребение XXXI) – 2-я половина III – IV в.; Бай-Даг-II, курган № 1, впускное погребение – конец III – IV в.; Староозначенская переправа-I – III в. [Мартынов, 1979, табл. 23, 6; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 29; Kenk, 1984, Abb. 51, C-3; Тетерин, 1999, рис. 2, 5].

Представленные выкладки дают основание полагать, что у носителей булан-кобинской культуры поясные пряжки типов 21–25 появились в результате контактов с племенами Тувы в 1-й половине IV в. Данные типы популярны у локальных групп населения Центрального и Восточного Алтая в IV–V вв. [Матренин, 2013; Матренин, Тишкин, 2016а, с. 52]. Они пока неизвестны в ранних тюркских памятниках 2-й половины V – 1-й половины VI в., равно как и в археологических материалах, отражающих более поздние этапы развития культуры средневековых номадов Алтая.

Найденные на Алтае железные пряжки с неподвижным шпеньком-язычком, оснащенные четко выделенным щитком-полуобоймой (отдел IIa), представлены типами 26–29. Сравнительный анализ похожих изделий в археологических материалах разных регионов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, пластинчатые щитки-полуобоймы у пряжек с неподвижным шпеньком были заимствованы от подвижноязычковых модификаций после их массового распространения в III в. Во-вторых, данные пряжки генетически не связаны с железными бесщитковыми пряжками с неподвижным шпеньком, представленными у населения Северной и Центральной Азии на рубеже эр и в I–II вв. В-третьих, в генезисе данной модификации поясных застежек не отразилось влияние снаряжения хунну и сяньби [Матренин, 2013].

Пряжки типов 26–29 имеют ограниченный ареал распространения, связанный с Саяно-Алтайской горной страной. Центром их широкого применения была Тува, где они известны в погребальных памятниках кокзельской культуры (Кокзель, Бай-Даг-II, Алды-Бель-I, Аймырлыг-VI, Темир-Суг-I) со 2-й половины – конца III в. и, по-видимому, не связаны с традициями ременных гарнитур улуг-хемской культуры [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 17; Дьяконова, 1970, табл. XI, 35–38, 41, 58, XII, 30, 32, 48; Вайнштейн, 1970, рис. 100, 1; Памятники кокзельской культуры Тувы, 2010, с. 34]. На Среднем Енисее пряжка типа 29 найдена в грунтовом могильнике таштыкской культуры Староозначенская переправа-I [Тетерин, 1999, рис. 2, 12]. Она может указывать на датировку данного комплекса в пределах конца III в. Близкие в морфологическом отношении пряжки в цветном металле имеются в таштыкском склепе № 1 Изыхского чаатаса, который относится к более позднему времени (не ранее VI в.) [Вадецкая, 1999, с. 122, рис. 64, табл. 90].

Населением Алтая пряжки с неподвижным шпеньком-язычком, совмещенные с подвижным пластинчатым щитком, скорее всего, были заимствованы из Тувы в начале IV в., в период нестабильной военно-политической ситуации в Центральной Азии после развала кочевой империи сяньби, когда имелись реальные условия для взаимодействия с племенами кокзельской культуры. Такие пряжки со щитками разной длины можно рассматривать в качестве хроноидикаторов погребальных комплексов булан-кобинской культуры IV–V вв. При участии «булан-кобинцев» или «таштыкцев» пряжки с неподвижным шпеньком и подвижным щитком могли попасть в Верхнее Приобье к носителям одинцовской культуры, о чем свидетельствуют материалы V–VI вв. Тимирязевского курганного могильника-I (курган № 60) [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 13, 7, с. 18, 95]. У тюрков Саяно-Алтая пряжки типов 26–29 пока не обнаружены.

В исследуемой коллекции поясных пряжек булан-кобинской культуры изделия из цветного металла (группа II) насчитывают 16 экземпляров*. Несмотря на свою немно-

* На сегодняшний день мы располагаем информацией о составе бронзового сплава пряжек хуннского времени из могильника Яломан-II [Тишкин, Хаврин, 2004]. Имеющиеся выкладки однозначно говорят об их производстве на местной сырьевой базе с использованием передового опыта металлургии того времени.

гочисленность, бронзовые пряжки отличаются большой вариативностью конструктивного решения.

У большинства народов Северной и Центральной Азии хуннуско-сяньбийско-жужанского времени не выявляется четкой тенденции преобладания цветного металла для производства пряжек в какой-то определенный хронологический период. В качестве исключения можно назвать хунну Монголии и Забайкалья, использовавших бронзовые поясные пряжки преимущественно во II–I вв. до н.э., а также племена Среднего Енисея, у которых традиция серийного производства пряжек из цветного металла характерна для таштыкской культуры с IV в. У населения булан-кобинской культуры Алтая бронзовые поясные пряжки фиксируются с хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Анализируемые пряжки из цветного металла с подвижным язычком (разряд I) из железа на основании рамки (раздел I), имеющие бесщитковое соединение с ремнем (отдел I), представлены округлыми (тип 30) и прямоугольными (тип 31) экземплярами. Данные пряжки, надо полагать, являются производными от модификаций из черного металла типов 1 и 5. Самые ранние аналогии им известны в памятниках хунну Забайкалья II–I вв. до н.э. [Давыдова, 1996, табл. 30, 24; Миняев, 1998, табл. 60, 9], а также в комплексах Северной Бактрии конца II – I в. до н.э. [Мандельштам, 1966, табл. XLIV, 10, 11]. Использование таких пряжек булан-кобинским населением Алтая, возможно, не выходит за период после рубежа эр.

Начальная дата появления пряжек с подвижным щитком-полуобоймой отдела IIa должна быть определена не ранее момента широкого распространения аналогичных пряжек из железа во 2-й половине II в. Период возможного бытования пряжек с овальной рамкой и прямоугольным щитком средней длины (тип 32a) в целом совпадает с относительной хронологией типа 12б (2-я половина II – V в.). Пряжка типа 32б с округлым щитком не имеет аналогий среди местных модификаций в железном материале. Щитки округлой формы являются отличительной особенностью пряжек народов степной полосы Восточной Европы, Северного Кавказа и Приуралья в позднесарматское (2-я половина II – 3-я четверть IV в.) и гуннское (последняя четверть IV – V в.) время [Малашев, 2000, с. 209; Кривошеев, 2004, с. 121; Мошкова, 2004, рис. 4, 48; Безуглов, 1988, рис. 2, 20, 21, с. 111; Арсеньева, 1977, с. 110, 145, табл. XXXV, 4; Дашевская, 1991, с. 36, 55; Абрамова, 1989, табл. 111, 63; 1997, рис. 70, 15, с. 115–117, 127–128; Ковалевская, 2005, рис. 17, 123, 2, 3, 5]. Похожие экземпляры встречаются среди ременных гарнитур кочевого населения Восточного Приаралья III–IV вв. В памятниках лесного Зауралья находки пряжек с округлыми щитками относятся к двум хронологическим этапам: рубеж III – IV вв. н.э. – 1-я половина IV в. н.э. и 2-я половина IV – начало V в. н.э. [Матвеева, 2016, с. 191, рис. 89, 3, 91, 13]. Аналогии пряжкам типа 32б в памятниках Северной и Центральной Азии нам неизвестны. Пока трудно сказать, можно ли рассматривать находку пряжки данного типа из могильника Булан-Кобы-IV как подражание «западным» гарнитурам, отражающее контакты с кочевниками Средней Азии, вероятнее всего, выходцами из ареала джетыясарской и кенкольской культур. Относительная хронология экземпляра пряжки типа 32б в булан-кобинской культуре предварительно определяется нами в рамках 2-й половины III – начала V в.

Пряжка с подквадратной рамкой и прямоугольным щитком средней длины (тип 33a) имеет многочисленные аналогии в позднесарматских древностях Восточной Европы 2-й половины II – 1-й половины III в. В Центральной Европе такие пряжки существуют до конца III в. [Малашев, 2000, рис. 1, 2, с. 208]. Булан-кобинский экземпляр типа 33a датируется нами предварительно III–IV вв.

Единственная бронзовая т-образная пряжка с подвижным язычком на основании рамки и подвижным щитком-полуобоймой подквадратной формы (тип 34a) из могильника Балыктыюль (курган № 227) датируется с учетом похожих железных модификаций III в. н.э. Это подтверждает облик остального инвентаря данного закрытого комплекса.

Бронзовая пряжка с подвижным язычком на основании рамки с неподвижным, выделенным от рамки щитком, фиксирующимся к ремню с помощью металлических шпеньков (отдел IIIa), представлена экземпляром с овальной рамкой и рамчатым экземпляром с округлым щитком (тип 35a). В западной части Евразии наиболее ранние подвижноязычковые пряжки с цельным щитком отдела IIIa известны в составе уздечных наборов из позднесарматских памятников Восточной Европы 2-й половины II – середины III в. [Безуглов, 1988, с. 111, рис. 3, 29, 30; Дашевская, 1991, с. 55, табл. 63, 25; Малашев, 2000, рис. 1, с. 208–209]. Из лесного Приуралья происходит гибридная подвижноязычковая пряжка с цельным, выделенным от рамки щитком с петельчатым креплением, датирующаяся позднепьяноборским временем (II – начало III в.) [Генинг, 1971, табл. XX, 17]. Массовое производство пряжек с цельными щитками отдела IIIa зафиксировано в ареале азелинской археологической культуры Прикамья в IV в., где они восходят к центральноевропейским (подунавским) аналогам [Генинг, 1979, с. 98–99, табл. 1, 4, Д-9–12]. В древностях гуннского времени южнорусских степей металлические пряжки с подвижным язычком и цельным щитком относятся к V – началу VI в. [Засецкая, 1994, табл. 17, 11, 28, 6, 7, 40, 3, 42, 6, с. 125–131]. К этому же времени принадлежат находки в могильниках Северного Кавказа и Восточного Приуралья [Левина, 1996, рис. 125, 17–20, 126, 4–8; Абрамова, 1997, с. 66, 127, рис. 19, 23, 20, 4, 45, 8, 47, 2]. Ранняя находка бронзовой подвижноязычковой пряжки отдела IIIa с территории Верхнего Приобья найдена в погребении 2-й половины III – начала IV в. на могильнике Ближние Елбаны-VII (погребение № 107) и является производной от подвижнощитковых «шарнирных» модификаций [Ширин, 2003, с. 68, рис. 4, 10, табл. XXXVIII, 4].

Пряжка типа 35a с территории Алтая более всего напоминает позднесарматские ременные гарнитуры и относится, по-видимому, к III в. Сходство с «западными» образцами дополняет присутствие в булан-кобинском погребении, где была найдена данная пряжка (могильник Айрыдаш-I, курган № 146), бронзовых поясных блях звездчовидной формы, встречающихся в составе уздечных наборов поздних сарматов конца II – середины III в. [Мошкова, 1989, табл. 81, 46; Малашев, 2000, 4A].

Бронзовая пряжка с подвижным язычком на цельной вертлюге в проеме приемной прорези рамки (раздел II), снабженная подвижным щитком-полуобоймой отдела IIa, представлена экземпляром с т-образной рамкой и подквадратным коротким щитком (тип 36a) из могильника Балыктыюль (курган № 227). Рамка изделия фасетирована. Указанный прием декорирования, вероятно, имеет «западное» происхождение и фиксируется на ременных гарнитурах сарматов Восточной Европы не ранее конца II – начала III в. [Малашев, 2000, с. 208; Малашев, Яблонский, 2008, с. 54]. Орнаментальный стиль фасетированных изделий представлен также в древностях Прикамья III–IV вв., но отражает иной этнокультурный контекст формирования [Генинг, 1979, рис. А–Д; Малашев, Яблонский, 2008, с. 53]. Художественное оформление балыктыюльской пряжки диссонирует с удлиненным абрисом рамки, популярным в Восточной и Центральной Европе не позже 1-й половины II в. Экземпляр из Восточного Алтая демонстрирует, на наш взгляд, не «долгое шествие провинциально-римской моды по кочевому миру на восток» [Малашев, 2007], а импорт редких («антикварных») образцов пряжек провинциально-римского круга, отвечающих современным вкусам населения булан-кобинской культуры. Сочетание датирующихся категорий инвентаря из кургана № 227 могильника Балыктыюль свидетельствует об археологическом возрасте этого закрытого комплекса в рамках III в. ближе к середине столетия.

Бронзовая пряжка с подвижным язычком на вставной вертлюге, выступающей над основанием рамки (раздел III), снабжена цельным, не выделенным от рамки щитком, фиксирующимся к ремню с помощью отдельной прорези (отдел IVb). Металлические пряжки с таким способом крепления язычка известны в китайском снаряжении с периода, называемого ранняя Западная Хань [Xuzhou Muzeum..., 2006, fig. 7, 6]. Они представляют собой модификацию металлических пряжек, являющихся первым

опытом совмещения изобретенного подвижного фиксатора ремня со старой традицией производства пластинчатых пряжек с неподвижным шпеньком на дужке*. Появление таких пряжек в составе предметного комплекса хунну [Коновалов, 1976, рис. 102, табл. XII, 26; У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, рис. 11, 11, 14; Миняев, 1998, табл. 12, 18, 53, 2; Худяков, 1999, рис. 3, 1, 2; Давыдова, Миняев, 2003, табл. 14, 29; Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идерхангай, 2011, рис. 5, с. 337; Kovalev, Erddenebaatar, Iderkhangai, 2011] произошло, скорее всего, в период активного контакта с ханьцами в конце II – 1-й половине I в. до н.э. и может быть результатом «даров» из «Поднебесной» империи**. На основе данных пряжек во 2-й половине I в. до н.э. появились экземпляры с подвижным язычком на цельной вертлюге в приемном отверстии рамки, характерные для периода поздней Западной Хань – Восточной Хань: Ноин-Ула, Дуурлинг-нарс, Лицзязцы, Тулхарский могильник [Мандельштам, 1966, табл. XLIV, 7; Дуурлиг Нарсны..., 2009, т. 40; Pan Ling, 2011, fig. 6, 10; Хүннүгийн, 2011, зураг 296]***.

Экземпляр с подвижным язычком раздела III, отдела IVб из могильника Усть-Эдиган, выделенный в нашей классификации в тип 37а, по форме рамки и щитка обнаруживает наибольшее сходство с пряжками из хорошо датированных хуннских некрополей: Дырестуйского – II – середина I в. до н.э. [Коновалов, 1976, рис. 102, табл. XII, 26; Миняев, 1998, табл. 12, 18, 53, 2]; Даодуньцзы – II – начало I в. до н.э. [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, рис. 11, 14; Pan Ling, 2011], Хух-Удзурийн-дугуй – конец II – начало I в. до н.э. [Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идерхангай, 2011, рис. 5]. Пряжка типа 37 на территории Алтая, скорее всего, является импортом из метрополии державы Хунну. Хочется надеяться, что это подтвердят результаты химического анализа бронзового сплава данного уникального изделия. Наиболее вероятное время попадания этой пряжки к носителям булан-кобинской культуры приходится на конец II – 1-ю половину I в. до н.э. Период использования ее, судя по всему, не выходит за время после рубежа эр.

Бронзовая пряжка с неподвижным шпеньком-язычком (разряд II) на дужке рамки (раздел IV) с неподвижным, выделенным от рамки щитком, фиксирующимся к ремню с помощью отдельной прорези (отдел IIIб), представлена типом 38а. Бронзовые пряжки разряда II, раздела IV, отдела IIIб известны у разных народов Евразии в скифо-сакское время. В большинстве культур Северной Азии конца VI – III в. до н.э. они связаны со снаряжением верхового коня [Уманский, Шульга, 2005, рис. 1, 2]. У кочевников Тувы в V–III вв. до н.э. такие пряжки входили в основном в состав поясных гарнитур. Использование пряжек с неподвижным шпеньком-язычком и цельным щитком, выделенным от рамки, в качестве застежек поясов зафиксировано в материальной

* Упрощенную схему крепления подвижного язычка демонстрирует пряжка в «братской могиле» ханьского времени, раскопанной в 2009 г. в окрестностях Баян Булага в Номгон сомоне Южно-Гобийского аймака Монголии. У обнаруженного экземпляра железный язычок фиксировался к пластинчатой бронзовой рамке посредством загиба. По оформлению корпуса данная пряжка аналогична серебряной пряжке из ванского захоронения конца II в. до н.э. в Мэн Чэнэ [Ковалев, Эрдэнэбаатар, Матренин, Гребенников, 2011, с. 88]. Конечно, есть все основания считать, что изделие из памятника Баян Булаг отражает вынужденный подход к креплению язычка (учитывая экстремальные условия жизни ее владельца), возможно, даже переиспользование пряжки с неподвижным шпеньком. В данном случае важно то, что техническая мысль шла по пути облегчения крепления фиксатора ремня в условиях все более возрастающей роли железа как главного материала для производства ремненных гарнитур.

** В исследованном Д. Эрдэнэбаатаром элитном кургане хунну Гол-Мод-2, относящемся к I в., обнаружены металлические пряжки с подвижным язычком на вставной вертлюге, выступающей над корпусом (выражаем признательность нашему монгольскому коллеге за знакомство с такими изделиями). Конструктивно схожие пряжки с вертлюгой, не выступающей над лицевой поверхностью рамки, представлены в снаряжении кочевников позднесяньбийской культурной общности Северного Китая и у населения Корейского полуострова в III–V вв. [Воробьев, 1961, рис. XXIII, 2; Дун Гао, 1995, табл. 1, 2].

*** В 2010 г. при раскопках кургана № 2 на могильнике Хух-Узурийн-дугуй (Булган сомон Ховдского аймака Монголии) была найдена железная круглорамчатая пряжка с подвижным язычком на вертлюге (автор благодарит А. А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара за возможность ссылки на данный материал). Наличие пластинчатого щитка-полуобоймы указывает в пользу датировки этого экземпляра концом I в. до н.э. – I в. н.э.

культуре хунну Забайкалья II–I вв. до н.э. [Давыдова, 1996, табл. 1, 8, 12, 18, 36, 3, 4, 37, 1а,б, 47, 10; Миняев, 1998, табл. 81, 7]. Под влиянием хунну такие пряжки появились в снаряжении тесинских племен Среднего Енисея (I в. до н.э.), сяньби Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии (конец I – III в.), носителей саргатской культуры Зауралья (I–II вв.) [Матвеева, 1994, рис. 29, 3, 4; Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, с. 169–170]. Свою линию развития пряжек рассматриваемой конструкции демонстрируют археологические материалы пьяноборского населения лесного Приуралья I в. до н.э. – II в. н.э. В обширных коллекциях пряжек данного региона имеются экземпляры «среднеазиатского» происхождения [Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 5, 19, с. 51; Пшеничнюк, 1968, рис. 15, 8, с. 80]. Пряжка типа 38 с овальной рамкой и прямоугольным длинным щитком, найденная на Алтае в могильнике Айрыдаш-I, по-видимому, является производной от сяньбийских пряжек с «волютообразным» декором [Ван Синьцзы, Вэй Цзянь, 2004, с. 169, рис. 35, 13; Нин Пэйцзэ, Вэй Цзянь, 2004, рис. 3; Варенов, Митько А. О., Митько О. А., 2007] и датируется нами предварительно не ранее конца II – начала III в.

Генезис пряжек из цветного металла с неподвижным шпеньком-язычком и цельным, не выделенным от рамки щитком, фиксирующимся к ремню с помощью отдельной прорези (отдел IVб), у многих народов Евразии конца I тыс. до н.э. основывался на традициях бронзолитейного производства скифо-сакского периода. У хунну Монголии и Забайкалья пряжки с такими морфологическими особенностями корпуса (обычно со сложнофигурным ажурным изображением в зверином стиле) были наиболее популярны во II–I вв. до н.э. Около рубежа эр их существенно потеснят железные пряжки с подвижным язычком и неподвижным шпеньком, однако из обихода они полностью не исчезнут. В аналогичном хронологическом контексте следует интерпретировать находку пряжки с неподвижным шпеньком и невыделенным щитком в Верхнем Приобье из погребального комплекса Ордынское-1 [Троицкая, 1979, табл. XXIV, 6, 15]. Преимущественно этим же временем датируются находки пряжек с неподвижным шпеньком на юге Средней Азии, где они, возможно, доживают до I–II вв. [Горбунова, 2001, рис. 5, 5–8, с. 142–144]. Более поздние находки бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком и не выделенным от рамки щитком зафиксированы в Центральной Азии в памятниках II – начала III в. сяньби и кочевников Тувы [Стамбульник, 1983, рисунок; Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 7, 1–2; Brosse-der, 2011, fig. 42]. Поздний образец пряжки с цельным невыделенным щитком обнаружен в Минусинской котловине в погребальном комплексе Салбык (II – начало III в.) [Вадецкая, 1999, рис. 15, 13].

У кочевников степной полосы Восточной Европы традиция производства бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком-язычком и цельным, не выделенным от рамки щитком исчезла в среднесарматское время (I – начало II в.). Единичные находки таких изделий отражают связи с материальной культурой «азиатских» кочевников [Brosseder, 2011, fig. 47, 2, 50, 21–22, 29–30]. Регионом длительного использования неподвижношпеньковых пряжек с цельным щитком вплоть до начала III в. являлось Прикамье [Генинг, 1988; Агеев, 1992].

Приведенные выкладки демонстрируют факт наибольшей популярности бронзовых пряжек разряда II, раздела IV, отдела IV в Азиатском регионе во II–I вв. до н.э., а также сохранение одиночных модификаций до начала III в. Среди анализируемых бронзовых пряжек булан-кобинской культуры с неподвижным шпеньком и цельным, не выделенным от рамки щитком отдела IVб наиболее архаично выглядит экземпляр с трапециевидным абрисом из могильника Усть-Эдиган (тип 39а). Близкие аналогии данному типу на уровне конструкции рамки и щитка (но с иным оформлением ременных прорезей) представлены в хуннском некрополе Дырестуй (II – середина I в. до н.э.) в Бурятии [Миняев, 1998, табл. 113, 3] и в погребальном комплексе елгинской культуры Цаган-Хушун-II (II–I вв. до н.э.) в Прибайкалье [Харинский, Коростелев, 2011, рис. 7, 2]. Похожая пряжка с декоративным корпусом зафиксирована в коллекции ордосских бронз [Wang Renxiang, 2009, p. 446]. Пряжка типа 39а обнаружива-

ет сходство с экземплярами, которые имеют боковые вырезы, отделяющие рамку от щитка, в хуннском некрополе Дырестуй (II – середина I в. до н.э.), в составе Ююско-го клада (II–I вв. до н.э.), в могильнике БМ-VI в Северной Бактрии (конец II – I в. до н.э.) [Миняев, 1998, табл. 80, 8, 9; Горбунова, 2001, рис. 5, 20; Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 47]. С учетом приведенных сравнений с большой долей уверенности можно утверждать, что пряжки типа 39a у ранних «булан-кобинцев» Алтая имеют своим исходным прототипом хуннские образцы и датируются II–I вв. до н.э.

Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком, имеющие цельный, не выделенный от рамки щиток, фиксирующиеся к ремню с помощью одной или двух петель на тыльной стороне корпуса (отдел IVв), выделены в тип 40. Два экземпляра с описываемыми параметрами обнаружены в могильнике Яломан-II. Они характеризуются сочетанием сегментовидной рамки и овального щитка в виде ажурного изображения ящерицы, кусающей собственный хвост. Данные пряжки являются производными от ажурных блях с фасиальным изображением дракона [Азбелев, 2008, с. 70], представленных большим количеством образцов в составе Ююско-го и Косогольского кладов, а также случайными находками с территории Среднего Енисея, датирующихся в широких хронологических рамках II–I вв. до н.э. [Дэвлэт, 1980, с. 12–13, рис. 6, 1, 2, табл. 19–27, 28, 104; Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 33; и др.]. Появление таких блях в Южной Сибири исследователи справедливо связывают с влиянием традиций цветной металлургии хунну. При этом стоит заметить, что в памятниках северных хунну точные аналогии данным образцам звериного стиля пока не обнаружены. С изображением ящериц на яломанских пряжках сходство обнаруживает образ извивающегося дракона, зафиксированный на китайских каменных бляхах из аристократического погребения южных хунну в могильнике Сигоупань (Внутренняя Монголия), относящегося к периоду Восточной Хань [Pan Ling, 2011, p. 470, fig. 7, 4, 5].

В отношении пряжек типа 40 установлено, что они были сделаны на Алтае [Тишкин, Хаврин, 2004]. Стилистика зооморфных изображений на данных предметах в целом сопоставима с хуннскими бронзами II–I вв. до н.э. при явно выраженном местном осмыслении фантастического образа дракона посредством его редукции к ящерице. При хронологической атрибуции булан-кобинских находок важно обратить внимание на оригинальный способ крепления пряжек к кожаному ремню с помощью петель на тыльной стороне корпуса. У хуннских пряжек и блях петельчатое крепление появляется, видимо, уже во II в. до н.э. (судя по датированным комплексам могильника Даодуньцзы) [У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990; Pan Ling, 2011], но получает широкое распространение со 2-й половины I в. до н.э. В дальнейшем такой способ крепления пряжек и блях известен в позднихуннских (конец I в. до н.э. – I в. н.э.) и раннесяньбийской (конец I – начало III в.) культурах [Дэвлэт, 1980, рис. 5, 1; Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985; Brosseder, 2011, fig. 43, 2]. Сочетание морфологических и декоративных характеристик дает основание предполагать датировку известных нам пряжек типа 40 в памятниках булан-кобинской культуры в рамках I в. до н.э.

Биметаллические поясные пряжки (группа III) представлены экземпляром с железной рамкой и бронзовым щитком. Изделие имеет подвижный язычок (разряд I), присоединяющийся к основанию рамки (раздел I), и подвижный щиток-полуобойму, фиксирующийся к ремню с помощью шпеньков (отдел IIa). Форма рамки восьмеркообразная, щитка – прямоугольно-овальная, удлинённых пропорций (тип 41). Точные аналогии нам неизвестны. На уровне формы рамки и щитка можно указать сходство с железной пряжкой из погребения бурхотуйской культуры V в. Дарасунского комплекса в Восточном Забайкалье [Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 81, б]. Принимая во внимание сочетание морфологических признаков, характерных для железных поясных пряжек булан-кобинской культуры, тип 41 можно рассматривать как опыт совмещения пряжек с подвижным язычком и подвижным щитком-полуобоймой в III–IV вв.

Группа IV включает в себя пряжки из рога (кости). В погребальных памятниках булан-кобинской культуры роговые (костяные) пряжки, применявшиеся в качестве поясных застежек, представлены тремя экземплярами из могильников Берель и Дялян. Все они имели подвижный язычок (разряд I) на вставной металлической вертлюге в основании рамки (раздел III) и неподвижный щиток с отдельной прорезью, четко выделенный от рамки (отдел IIIa) или без выраженного перехода одной части корпуса в другую (отдел IVa). Типология похожих модификаций пряжек нами подробно разбиралась на примере образцов, входящих в состав седельной гарнитуры из памятников Яломан-II и Степушка-I. Поэтому приводимые ниже результаты исследования уже введены в научный оборот [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, Тишкин, 2015б; 2016а].

Наиболее ранние известные на сегодняшний день роговые (костяные) пряжки с подвижным язычком на металлической вертлюге происходят с территории Бурятии из памятников II-I вв. до н.э., близких и более поздних по времени комплексов Восточного Забайкалья (степной Даурии), связываемых с археологической культурой хунну* [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 77–78, 124, табл. XI, 16, XXIV, 7; Давыдова, 1995, табл. 185, 20; 1996, табл. 58, 13; Ковычев, 2006, с. 255]. На генезис пряжек такой технологической схемы у хунну могли повлиять китайские бронзовые пластинчатые пряжки с подвижным язычком на вертлюге, выступающей над рамкой [Коновалов, 1976, табл. XII, 26; У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцэн, 1990, рис. 11, 11, 14; Тетерин, 1995, рис. 5; Миняев, 1998, табл. 12, 18, 53, 2; Худяков, 1999, рис. 3, 1, 2].

Широкое применение костяных пряжек с подвижным язычком в Восточном Забайкалье, а также в соседних Внутренней Монголии и Маньчжурии связано с сяньби, начиная с периода военно-политического господства созданной ими кочевой империи на рубеже I-II вв. [Гришин, 1981, с. 89, рис. 5; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XVI, 23; Могильник Сандаовань..., 2004, с. 35; Члены бюро охраны памятников..., 2004, рис. 16, 17; Ковычев, 2006, рис. 7]. Известна находка такой пряжки в Северной Монголии в захоронении сяньбийского времени на могильнике Бурхан-толгой [Эрдэнэбаатар и др., 1998, зураг 5, 4]. Имеющиеся археологические источники, однако, пока не дают однозначного ответа на вопрос о том, какая именно культурная среда (хуннуская или сяньбийская) сыграла определяющую роль в изобретении роговых пряжек описываемой конструкции. В этой связи не следует забывать об активном взаимодействии племен Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Например, не лишена смысла точка зрения, что сами хунну могли заимствовать такие роговые (костяные) пряжки у сяньби, будучи в постоянных контактах с ними [Ковычев, 2006, с. 255]. От центральноазиатских номадов, находившихся под влиянием традиций материальной культуры сяньби, единичные экземпляры роговых (костяных) пряжек с подвижным язычком на вертлюге попадают в Южную Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию, Западное Приуралье и на более отдаленные европейские территории. Они найдены в Восточном Приаралье в слоях городищ и погребениях, датирующихся не позднее III–IV вв., в мохэских памятниках IV–V вв. Среднего Амура, в Урало-Казахстанских степях в комплексе Канаттас конца IV – 1-й половины V в.

* Все факты обнаружения костяных пряжек с подвижным язычком в памятниках хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) требуют внимательного изучения. Так, в погребении № 32 из с. Агинского (Восточное Забайкалье) найден сопроводительный инвентарь (бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с втульчатой насадкой, бронзовый трехгранный черешковый наконечник стрелы, железный двухлопастной наконечник с треугольной формой пера и черешковым креплением, бронзовая бляха-подвеска со скобой), датирующийся II–I вв. до н.э., ближе ко II в. до н.э. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XIII, 6, 10, 12, 14]. Пряжка из погребения № 191 Иволгинского могильника (Бурятия) [Давыдова, 1996, табл. 58, 11] зафиксирована в одном комплексе с китайскими бронзовыми трехгранными наконечниками стрел с железными черешками, доживающими в Центральной Азии до середины I в. до н.э. Фрагментированный экземпляр найден в культурном слое Иволгинского городища II–I вв. до н.э. Хронологическая атрибуция других погребений Забайкалья, содержащих ранние образцы костяных пряжек с подвижным язычком (Сырая Сосновая, погребение № 23; Кунга, погребение № 21), осложнена неполной публикацией археологических данных.

[Деревянко, 1975, табл. XLIII, 6, 7, LIV, 1; Матвеева, 1994, рис. 42, 3; Левина, 1996, рис. 96, 7, 8, 9; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006, рис. 31, 1]. Еще более удаленные на запад одиночные находки интересующих нас пряжек обнаружены в азелинских древностях Прикамья IV в. и в погребении конца IV – 1-й половины V в. в Крыму [Генинг, 1963, табл. XXIII, 14; Дашевская, 1995, рис. 3, 8].

Булан-кобинские роговые (костяные) пряжки с подвижным язычком на вертлюге своим происхождением восходят к сяньбийской культурной традиции. Производство их кочевниками Алтая могло быть освоено в конце III или начале IV в. [Тишкин, Матренин, 2010; Матренин, Тишкин, 2015б; 2016а]. Использование роговых пряжек такой конструкции в качестве поясных застежек должно было быть подготовлено практикой применения их в снаряжении верхового коня.

Пряжки с выделенным от рамки щитком (отдел IIIa) были достаточно распространенными в раннем средневековье. Однако точные аналогии пряжке типа 42 нам неизвестны, несмотря на то, что все характерные для нее признаки по отдельности фиксируются в снаряжении сяньби, тюрков и других кочевых народов раннего средневековья. Относительная хронология типа 42 в рамках булан-кобинской культуры определяется пока условно 2-й половиной IV – V в. по обнаружению данного предмета в могильнике Берель (курган № 2).

Пряжки с не выделенным от рамки щитком (отдел IVa) типов 43, 44 имеют ранние аналогии в сяньбийских материалах конца I – начала III в. Восточного Забайкалья [Ковычев, 2006, рис. 7, 8, 9, 11, 12]. Многочисленные соответствия им, в том числе точные подобию, известны у тюрков во 2-й половине VII – 1-й половине IX в. на Алтае и в VIII–X вв. на Среднем Енисее, у населения верхнеобской культуры Новосибирского Приобья в VII–VIII вв., у носителей сrostкинской культуры во 2-й половине VIII – 1-й половине XII в. в предгорьях Алтая и Алтайской лесостепи, а в X–XII вв. – в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине, у кимаков Восточного Казахстана в IX–X вв., у кочевых племен Южного Урала в XII – 1-й половине XIII в. [Могильников, 1981, рис. 26, 32; Мажитов, 1981 табл. 90, 39; Неверов, 1985, рис. 1, 6, с. 196; Бараба в тюркское время, 1988, рис. 5, 3, с. 67; Троицкая, Новиков, 1998, рис. 20, 9; Савинов, 1998, рис. 7, 2; Худяков, 2004, рис. 74, 2; Илюшин, 2005, табл. 14, 31, 18, 48; Кубарев, 2005, табл. 66, 6, 98, V]. Пряжки типов 43 и 44 появляются в результате переработки сяньбийских прототипов посредством придания контурам дужки, боковых сторон рамки и абриса щитка более изогнутых, плавных очертаний. Начальный этап применения таких модификаций населением булан-кобинской культуры приходится, по-видимому, на 2-ю половину IV – 1-ю половину V в.

Пряжки, выполненные из сочетания органического материала и разных металлов (группа V), включают экземпляр из могильника Яломан-II. Данное изделие имеет деревянный корпус с рельефным изображением головы рогатого дракона в анфас, покрытого сверху золотой фольгой, с инкрустацией глаз вставками из черного агата (?). Несмотря на плохую сохранность, есть основания полагать, что неподвижный шпенек-язычок (разряд II) первоначально располагался на лицевой стороне дужки (раздел III). Цельный, не выделенный от рамки щиток фиксировался к ремню с помощью железных шпеньков (отдел IVa). Абрис рамки – арочный, форма щитка – трапециевидная (тип 45a). Пряжка данного типа является уникальным высокохудожественным образцом импортных поясных гарнитур, попавших к носителям булан-кобинской культуры Алтая в результате контактов с хунну. Не исключено, что она была выполнена китайскими мастерами и направлена в качестве даров для знатных представителей хунну. Особенности декора позволяют сравнить данный экземпляр с металлической пряжкой с изображением головы сатира из захоронения хуннуской знати в некрополе Царам (2-я половина I в. до н.э. – начало I в. н.э.) и бронзовым навершием рукояти китайской колесницы из элитного хуннуского погребения в могильнике Гол-Мод (курган № 20) (начало I в.) [Миняев, Сахаровская, 2007, рис. 18; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2007, зураг 3, 6; Хүннүгийн, 2011, зураг 328]. Указанные изделия фиксируют новый этап китаизации культуры хунну во 2-й поло-

вине I в. до н.э. – I в. н.э. Стилистическое сходство яломанской пряжки с находками из Бурятии и Монголии может свидетельствовать об их принадлежности к одному хронологическому горизонту (в широких рамках это 2-я половина I в. до н.э. – I в. н.э.).

Изученные поясные пряжки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени характеризуются типологическим разнообразием. Комплексный анализ данных изделий позволил установить датировку разных модификаций. Обобщая полученные результаты, можно выделить несколько серий поясных пряжек с учетом «нижней» границы их бытования, а также ситуаций обнаружения в датированных погребальных комплексах данного региона:

– *раннюю* (типы 1, 30, 31, 37 – II – I в. до н.э.; тип 40 – I в. до н.э.; типы 5, 6 – I в. до н.э. – начало IV в. н.э.; типы 4, 45 – 2-я половина I в. до н.э. – I в. н.э.; типы 8, 9 – 2-я половина I в. до н.э. – III–IV вв. н.э.; тип 2 – 2-я половина I в. до н.э. – V в. н.э.);

– *среднюю* (тип 3 – II–IV вв.; тип 38 – III в.; тип 32а – 2-я половина II – начало IV в.; тип 12 – 2-я половина II – V в.; типы 10, 35а – конец II – начало III в.);

– *позднюю* (типы 34, 36 – середина III в.; типы 16, 41 – 2-я половина III – начало IV в.; типы 7, 13, 32б – 2-я половина III – IV в.; тип 14 – 2-я половина III – V в.; типы 19, 17, 20 – 2-я половина III – V в.; типы 21–29 – IV – V вв.);

– *финальную* (типы 18, 42–44 – 2-я половина IV – V в.).

Результаты сравнительного изучения доступных вещественных источников показали, что развитие поясных пряжек у кочевников Алтая происходило под влиянием центральноазиатской моды ременных гарнитур и имело определенное своеобразие по сравнению с эволюцией снаряжения народов Европы. Это получило отражение в разной длительности бытования морфологических признаков и несовпадении относительной хронологии похожих изделий. Проведенное типологическое изучение дает основание рассматривать пряжки в качестве важного хронологического индикатора при датировании памятников булан-кобинской культуры.

ГЛАВА 3 ПОЯСНЫЕ БЛЯХИ

Поясные бляхи являются отдельной категорией гарнитур населения Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени. Они представляют собой пластины декоративного или декоративно-функционального назначения, фиксирующиеся определенным способом к кожаному ремню. В количественном отношении это самые многочисленные и разнообразные предметы, входящие в состав наборных поясов. Обширная коллекция поясных блях, полученных из раскопок погребальных памятников данного региона II в. до н.э. – V в. н.э. еще не получила полноценного осмысления научного сообщества*. Так, в диссертации Ю. Т. Мамадакова [1990б], выделившего булан-кобинскую культуру Алтая, поясные бляхи вообще не упоминаются, при том что в проанализированных этим ученым материалах некрополей Булан-Кобы-IV и Белый-Бом-II (Центральный Алтай) они составляют представительное собрание хорошо идентифицируемых изделий. В известной монографии В. Н. Добжанского «Наборные пояса кочевников Азии» приведены только схематичные графические реконструкции двух поясов из могильников Балыктыюль и Кок-Паш (Восточный Алтай) [Добжанский, 1990, табл. XVII, 1, XIX, 1]. В монографии В. И. Соенова и А. В. Эбея «Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь» [1992] имеется выборочное описание отдельных поясных блях из могильника Верх-Уймон (Центральный Алтай). Опыт рассмотрения поясных блях кочевников Восточного Алтая предтюрокского времени А. С. Васютиным сводится к сравнительному изучению данных находок из погребального комплекса Кок-Паш [Васютин, 2000а; Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, с. 25–27, рис. 40]. Среди работ по указанной тематике можно назвать публикацию А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова [2004] «Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период», где продемонстрированы некоторые разновидности поясных блях из погребального комплекса Улуг-Чолтух-I (Северный Алтай). Последние по времени исследования обозначенной категории снаряжения населения булан-кобинской культуры предприняты археологами Алтайского государственного университета на материалах могильников Яломан-II и Степушка-I из Центрального Алтая [Тишкин, Матренин, 2011; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012б; Тишкин, Матренин, 2013б; Матренин, 2016].

В настоящей монографии выполнены классификация и типологический анализ обширного корпуса поясных блях из памятников Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени, в том числе неопубликованных археологических коллекций.

* Такая ситуация обусловлена, на наш взгляд, несколькими моментами. Во-первых, большинство поясных блях булан-кобинской культуры выполнены из железа и имеют, как правило, плохую сохранность. Во-вторых, из археологических памятников соседних с Алтаем регионов происходит нерепрезентативный круг аналогий, представленных небольшой серией полноценно введенных в научный оборот атрибутированных вещей (исключение составляют металлические бляхи из погребальных комплексов хунну Забайкалья и Монголии, а также коллекции художественного металла с территории Хакасии).

Перед классификацией данных предметов необходимо представить общие параметры их морфологического описания. В конструкции блях нами последовательно рассматривались такие составные части, как *корпус* (основа из одной или двух пластин, выполненных из металла или органических материалов), *крепежные элементы* в виде шпеньков-заклепок (металлические стерженьки, вставляемые в сквозные отверстия в корпусе бляхи либо цельноизготовленные с пластиной, загибающиеся на тыльной стороне ремня, имеющие в некоторых случаях шляпки), петель на тыльной поверхности блях, отверстий для пришивания к ремню, а также *дополнительные конструктивные детали*, к которым относятся *кольца* (цельные и подвижные) на нижней стороне корпуса и прорези.

Для морфологической классификации использовалось 1 087 поясных блях хорошей и удовлетворительной сохранности. Систематизация выполнялась на основе схемы иерархического структурирования таксонов со следующим наполнением признаков: *группа* – материал изготовления; *разряд* – способ крепления к ремню; *раздел* – конструкция корпуса; *отдел* – отсутствие или наличие одного-двух колец, прорезей; *подотдел* – особенности соединения блях с кольцами; *тип* – форма лицевой части корпуса; *вариант* – размеры изделий. Декоративное оформление предметов выносилось на уровень описательного рассмотрения.

В результате сочетания обозначенных показателей выделено по четыре группы, разряда, раздела, отдела и подотдела, 42 типа поясных блях булан-кобинской культуры, дополненных вариантами.

Группа I. Железные.

Разряд I. Бляхи-накладки, закрепляющиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 1. Подквадратные. **Вариант а** – малые (1,4–2,4 × 1,1–2,4 см). Всего 10 экз.: Карабан-I, курган № 11 (2)*; Улуг-Чолтух-I, курган № 11; Верх-Уймон, курганы № 1, 28; Кок-Паш, курганы № 12, 37; Степушка-II, курган № 48 (2); Дялян (рис. 14, 1, 2; 15, 1, 2, 3). **Вариант б** – средние (3 × 3 см). Всего 6 экз.: Улуг-Чолтух-I, курганы № 11, 22; Айрыдаш-I, курганы № 30, 107 (3) (рис. 14, 3). **Вариант в** – большие (7,5 × 6,5 см). Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 63 (курган № 26) (рис. 14, 4).

Тип 2. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (2,3–4,9 × 1,5–1,2–2,8 см). Всего 66 экз.: Карбан-I, курганы № 11, 27 (4); Улуг-Чолтух-I, курганы № 7, 9, 10, 11; Айрыдаш-I, курганы № 25, 53, 63 (2), 93, 94, 107, 110 (2), 113, 128 (2), 136, 138, 151, 160 (3), 165, 175 (2), 178 (2); Булан-Кобы-IV, погребения № 10 (р. 1, п. 6) (4), 19 (р. 2, п. 4) (3), р. 2, погребение без номера; Верх-Уймон, курганы № 5 (10), 12 (3), 13 (3), 28; Кок-Паш, курганы № 2 (2), 12, 33 (2); Яломан-II, курган № 30; Степушка-I, курган № 13 (4) (рис. 14, 5, 6; 15, 4, 7–14). **Вариант б** – средние (5–6,5 × 2,3–4,8 см). Всего 7 экз.: Белый-Бом-II, погребение № 5 (курган № 26); Айрыдаш-I, курган № 168; Улуг-Чолтух-I, курганы № 8, 11, 22; Кок-Паш, курган № 28 (2) (рис. 14, 7; 15, 16, 17). **Вариант в** – большие (6,6–10 × 4,8 см). Всего 3 экз.: Белый-Бом-II, погребения № 5 (курган № 26), 10 (курган № 31); Яломан-II, курган № 33, погребение № 1 (рис. 14, 8, 9; 15, 18).

Тип 3. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – малые (3,2–5,2 × 0,9–1,5 см). Всего 36 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 95, 99, 109, 128 (2), 136 (2), 158, 168, 178 (2); Булан-Кобы-IV, р. 2, погребение без номера (2); Кок-Паш, курганы № 33, 35, 38, 39; Дялян; Верх-Уймон, курганы № 5 (3), 12; Яломан-II, курган № 31; Степушка-I, курган № 13 (11); Степушка-II, курган № 48 (2) (рис. 14, 11; 15, 19–21, 23–26). **Вариант б** – большие (6,5–6,8 × 1,1–2 см). Всего 5 экз.: Булан-Кобы-IV, погребения № 6 (р. 1, п. 2), 10 (р. 1, п. 6); Кок-Паш, курган № 39; Яломан-II, курганы № 30, 33, погребение № 1 (рис. 14, 10).

* Здесь и далее после обозначения номера погребального объекта в скобках указано количество предметов, если их больше одного экземпляра.

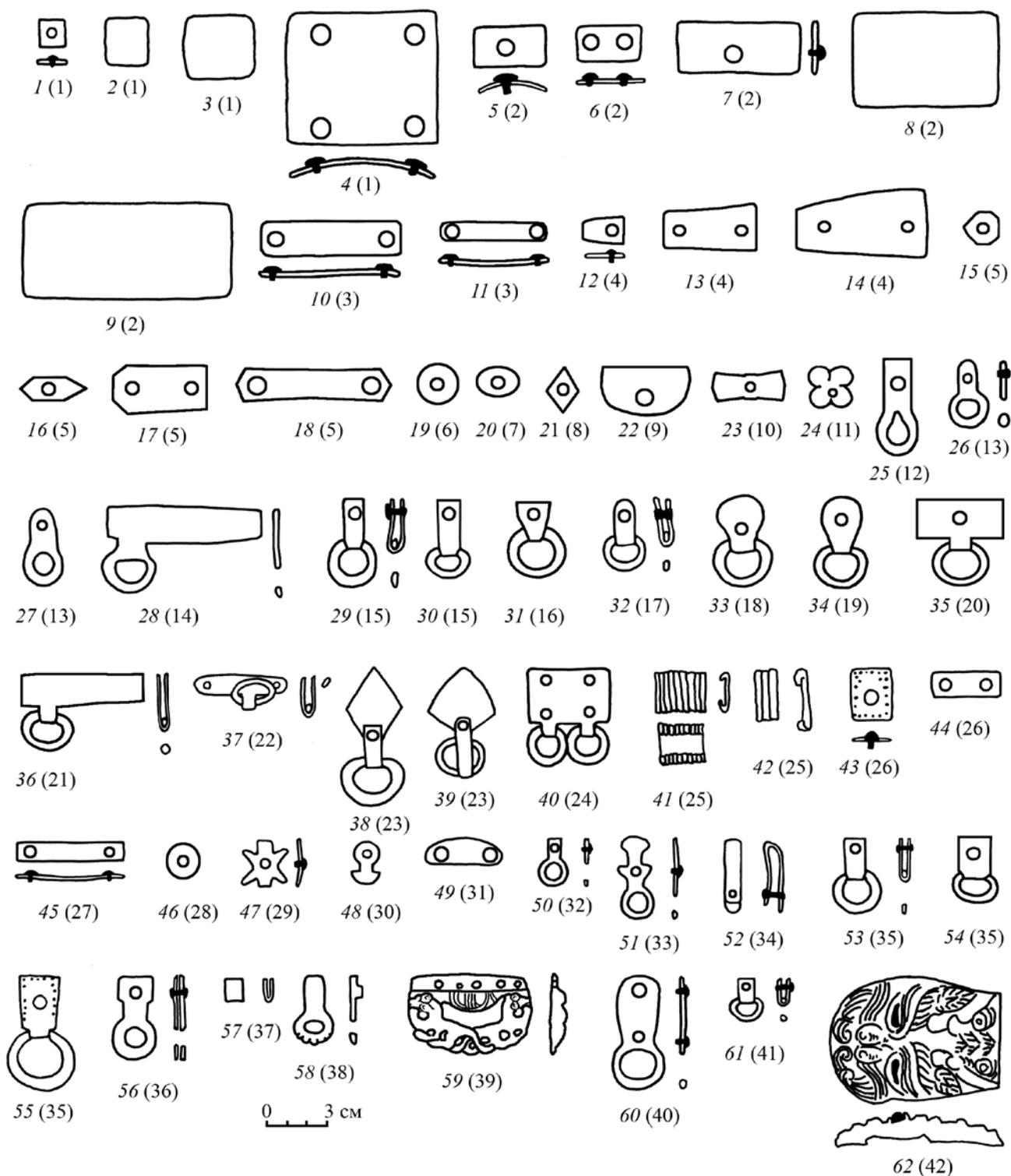

Рис. 14. Типы поясных блях кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (на рисунке в скобках указаны номера типов):

1, 23, 37 – Верх-Уймон; 2, 7, 25, 31, 33, 35 – Кок-Паш; 3, 28, 36 – Улуг-Чолтух-I; 4, 14 – Булан-Кобы-IV; 5, 6, 10, 11, 13, 17, 26, 29, 32, 41, 44, 45, 49, 51, 52 – Степушка-I; 8 – Белый-Бом-II; 9, 30, 40, 59, 62 – Яломан-II; 12, 15, 18, 22, 42, 46, 47, 50, 53, 54, 61 – Айрыдаш-I; 16, 21, 38, 39 – Дялян; 19, 20, 24, 27, 34, 57 – Карбан-I; 43, 55 – Балыктьюль; 48, 60 – Бике-I; 56 – Улита; 58 – экспозиция МАЭА АлтГУ; 1–42 – железо; 43–59 – бронза; 60–61 – железо, бронза; 62 – дерево, золото

Тип 4. Трапециевидные. **Вариант а** – малые (2 × 1–1,4 см). Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 162 (рис. 14, 12). **Вариант б** – средние (4,6–2,3 см). Всего 2 экз.:

Степушка-I, курган № 13; Яломан-II, курган № 20 (рис. 14, 13; 15, 27). **Вариант в** – большие (6,5 × 2,7–3,2 см). Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 33 (р. 5, п. 5) (рис. 14, 14).

Тип 5. Шестиугольные. **Вариант а** – малые (1,7–3,1 × 1,1–1,5 см). Всего 4 экз.: Айрыдаш-I, курган № 23, Улуг-Чолтух-I, курган № 10, Дялян, Айрыдаш-I, курган № 168 (рис. 14, 15, 16). **Вариант б** – средние (5 × 3,5 см). Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 17; 15, 28). **Вариант в** – большие (7–7,3 × 1,5–2 см). Всего 6 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 101 (4), 146 (2) (рис. 14, 18).

Тип 6. Округлые. **Вариант а** – малые (диаметр 1,5–3,5 см). Всего 3 экз.: Карбан-I, курган № 10; Айрыдаш-I, курганы № 19, 20 (рис. 14, 19).

Тип 7. Овальные. **Вариант а** – малые (1,6–1,8 × 1–1,4 см). Всего 2 экз.: Карбан-I, курган № 39; Айрыдаш-I, курган № 107 (рис. 14, 20).

Тип 8. Ромбовидные. **Вариант а** – малые (1,1–2,2 × 1–1,6 см). Всего 8 экз.: Дялян, курганы № 5 (3), 9. Еще 4 экз. происходят из погребений, номера которых нам неизвестны (рис. 14, 21; 15, 30).

Тип 9. Сегментовидные. Нижняя сторона бляхи представляет собой дугу, плавно переходящую в короткие стороны корпуса. **Вариант а** – средние (4,3–4,4 × 2,5–2,9 см). Всего 7 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 55, 81, 128; Верх-Уймон, курган № 13 (4) (рис. 14, 22).

Тип 10. Пропеллеровидные. Абрис корпуса представляет собой четырехугольную фигуру с вогнутыми длинными сторонами. **Вариант а** – малые (3,3 × 1,1 см). Всего 3 экз.: Верх-Уймон, курган № 28 (2); Булан-Кобы-IV, погребение № 66 (курган № 34) (рис. 14, 23; 15, 31).

Тип 11. Розетковидные. Корпус напоминает собой четырехлепестковую розетку. **Вариант а** – малые (2 × 2 см). Всего 1 экз.: Карбан-I, курган № 27 (рис. 14, 24; 15, 32).

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел а – неподвижное кольцо на короткой стороне пластины. Пластина и кольцо представляют собой единое целое.

Тип 12. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (1,1–3,4 × 0,6–1 см). Всего 3 экз.: Кок-Паш, курганы № 39, 40; Степушка-I, курган № 6 (рис. 14, 25; 15, 36, 37).

Тип 13. Овально-прямоугольные. **Вариант а** – малые (1,7 × 1,4 см). Всего 2 экз.: Карбан-I, курган № 39; Степушка-I, курган № 19 (рис. 14, 26; 15, 35).

Подотдел б – неподвижное кольцо на длинной стороне пластины.

Тип 14. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – большие (6–9,5 × 1,5–1,7 см). Всего 2 экз.: Улуг-Чолтух-I, курган № 11; Степушка-I, курган № 21 (рис. 14, 28; 15, 40).

Раздел II. Пластина с сильно загнутой короткой стороной или сложенная пополам в полюбойму.

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел в – подвижное кольцо на короткой (нижней) стороне пластины, на ее загнутом конце. Пластина охватывает кольцо в месте своего перегиба.

Тип 15. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (2,3–3,2 × 0,9–1,2 см). Всего 185 экз.: Карбан-I, курганы № 7, 10, 27, 39; Тьткескен-VI, курган № 1; Улита, р. 6, п. 2 (3); Айрыдаш-I, курганы № 17 (10), 25 (3), 26 (3), 52 (2), 56 (2), 63 (6), 95 (2), 98, 108, 117 (2), 142, 143, 158 (2), 160 (5), 165 (4); Улуг-Чолтух-I, курган № 8 (2); Белый-Бом-II, погребения № 8, 22, курган № 12, погребение № 3 (2), курган № 25, погребения № 1 (р. 1, п. 1) (6), 2 (р. 1, п. 2) (18), 4 (р. 1, п. 4) (16); Булан-Кобы-IV, погребения № 18 (р. 2, п. 3), 55 (курган № 24, погребение № 2) (3), 63 (курган № 26) (2); Яломан-II, курганы № 20 (10), 32, 33, погребение № 1; Верх-Уймон, курган № 13 (4); Кок-Паш, курганы № 28, 29 (2), 31 (2), 33 (5), 34 (5), 35 (8), 38, 39 (2), 40 (2); Степушка-I, курганы № 5 (3), 6 (2), 17 (13), 19 (7), 21, Степушка-II, курганы № 30 (2), 40 (6) (рис. 14, 29, 30; 16, 2, 9, 11–23).

Тип 16. Трапециевидные. **Вариант а** – малые (1,7–2,9 × 1,3–2,4 см). Всего 3 экз.: Кок-Паш, курганы № 29, 35; Улуг-Чолтух-I, курган № 11 (рис. 14, 31; 16, 7, 24).

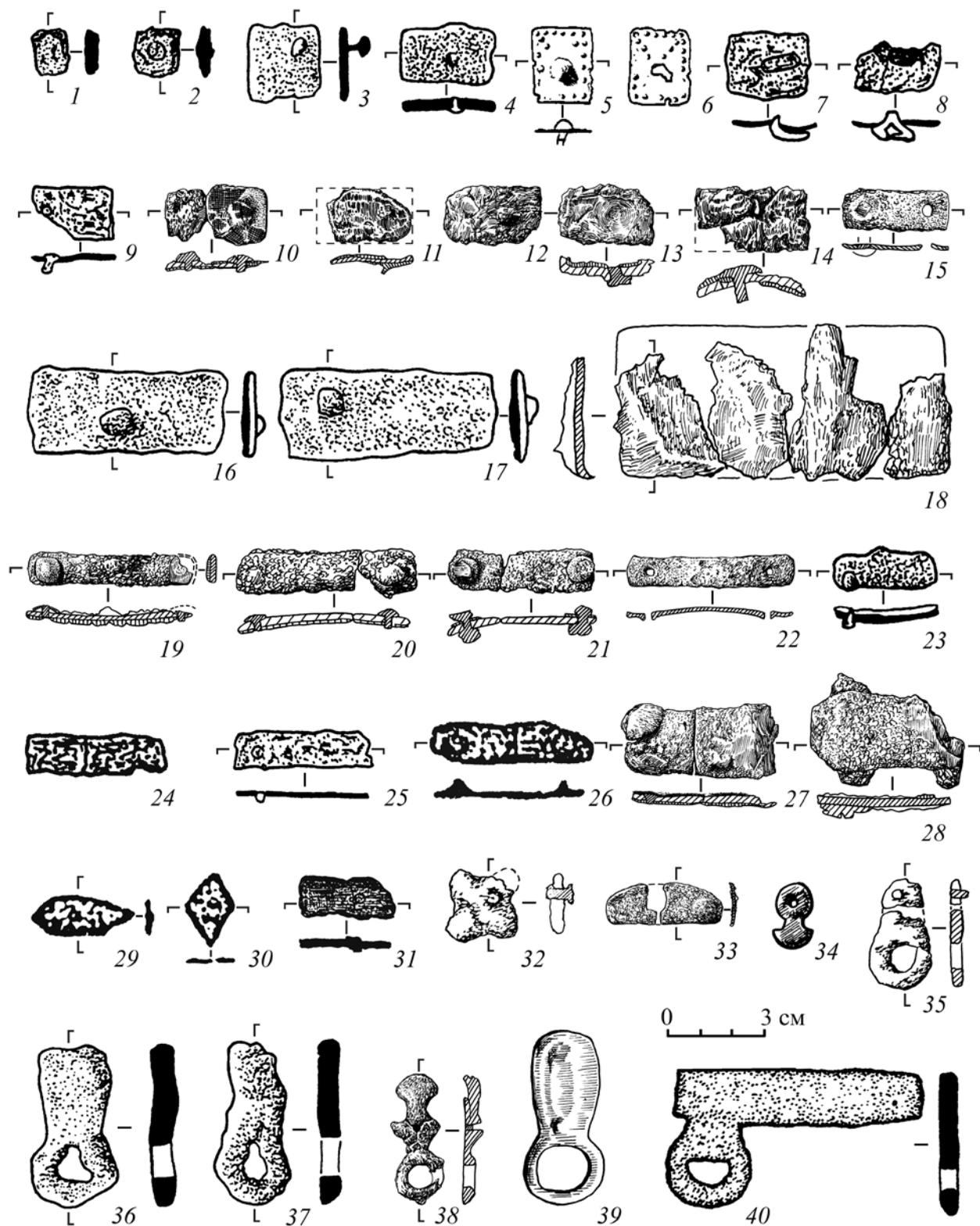

Рис. 15. Поясные бляхи из памятников булан-кобинской культуры:

1, 2, 7-9, 24, 25, 31 – Верх-Уймон, курганы № 1 (1, 2), 5 (24), 12 (7, 8, 9, 25), № 28 (31) (по: [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2000]); 3, 4, 16, 17, 23, 36, 37 – Кок-Паш, курганы 28 (16, 17), 33 (4, 23), 37 (3), 39 (37), 40 (36) (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 5, 6 – Балыктыюль, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]); 10-15, 19-22, 27, 28, 33, 38 – Степушка-I, курган № 13 (по: [Тишкин, Матренин, 2013б]); 18 – Яломан-II, курган № 33, погребение № 1 (по: [Тишкин, 2005а]); 26-30 – Дялян, курган без номера (по: [Тетерин, 1995]); 32, 35 – Карбан-I, курганы № 27, 39 (по: [Демин, 1991]); 34, 39 – Бике-I, курганы № 11 (39), 27 (34) (по: [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990]); 40 – Улуг-Чолтух-I, курган № 11 (по: [Борисенко, Худяков, 2004]); 1-4, 7-14, 16-21, 23-32, 35-37 – железо; 5, 6, 15, 22, 33, 34, 38 – бронза; 39 – бронза, железо

Тип 17. Прямоугольно-овальные. **Вариант а** – малые (2,7–3,5 × 1,1–1,6 см). Всего 15 экз.: Бике-I, курган № 27; Айрыдаш-I, курган № 151; Улуг-Чолтух-I, курган № 11; Булан-Кобы-IV, погребение № 33 (р. 5, п. 5); Степушка-I, курганы № 6 (4), 9 (3), 15 (3); Дялян (рис. 14, 32; 16, 8, 10).

Тип 18. Округлые. **Вариант а** – малые (2,4 × 2,4 см). Всего 1 экз.: Карбан-I, курган № 7 (рис. 14, 33).

Тип 19. Овальные. **Вариант а** – малые (2,1–2,8 × 2,1–1,9 см). Всего 4 экз.: Карбан-I, курган № 39; Айрыдаш-I, курганы № 116, 122 (2) (рис. 14, 34).

Раздел III. Пластина с «выступом-загибом» на длинной стороне или на углу.

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел г – подвижное кольцо на длинной стороне или на углу пластины.

Тип 20. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (3–5,5 × 1,5–2 см). Всего 9 экз.: Кок-Паш, курган № 40 (8); Айрыдаш-I, курган № 158 (рис. 14, 35; 16, 25).

Тип 21. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – большие (6–9,5 × 1,5–1,7 см). Всего 3 экз.: Улуг-Чолтух-I, курган № 11; Булан-Кобы-IV, погребения № 18 (р. 2, п. 3), 26 (р. 2, п. 11) (рис. 14, 36; 17, 1).

Тип 22. Вытянуто-овальные. **Вариант а** – малые (4,5 × 1 см). Всего 2 экз.: Верх-Уймон, курган № 9; Булан-Кобы-IV, погребение № 3 (р. 7, п. 2) (рис. 14, 37; 17, 2).

Тип 23. Ромбические. **Вариант а** – малые (3,1–3,6 × 2,6–3 см). Всего 2 экз. из могильника Дялян, курган без номера (рис. 14, 38, 39; 17, 3, 4).

Отдел III. С двумя кольцами.

Подотдел г – подвижные кольца на длинной стороне или на углу пластины.

Тип 24. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (4–5 × 2,4–3,4 см). Всего 8 экз.: Яломан-II, курган № 33, погребения № 1 (2), 2 (2); Кок-Паш, курганы № 28 (2), 31, 35 (рис. 14, 40; 17, 5, 6).

Разряд II. Бляхи-зажимы. Фиксируются на ремне за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса без шпеньков.

Раздел IV. Пластина с сильно загнутыми на тыльную поверхность, короткими (верхним и нижним) сторонами. Корпус напоминает собой скобу.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 25. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – малые (2–2,5 × 0,3–0,4 см). Всего 625 экз.: Кок-Паш, курганы № 39 (65), 40; Айрыдаш-I, курган № 63 (30); Булан-Кобы-IV, погребение № 56 (курган № 24, погребение № 3) (40); Белый-Бом-II, курган № 12, погребение № 3 (40), № 25, погребения № 1 (р. 1, п. 1) (80 экз.), 2 (р. 1, п. 2) (90 экз.); Степушка-I, курганы № 17 (53), 19 (168), 21 (60) (рис. 14, 41, 42; 17, 7–13).

Группа II. Бронзовые.

Разряд I. Бляхи-накладки. Фиксируются на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 26. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (3,3–4 × 1,7–1,9 см). Всего 3 экз. Балыктыюль, курган № 227 (2); Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 43, 44; 15, 5, 6, 15).

Тип 27. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – малые (5,2 × 0,9 см). Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 45; 15, 22).

Тип 28. Округлые. **Вариант а** – малые (диаметр 1,5–1,9 см). Всего 5 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 19 (3), 43 (2) (рис. 14, 46).

Тип 29. Звездчочковидные. **Вариант а** – малые (2,1 × 1,8 см). Всего 5 экз.: Айрыдаш-I, курган № 146 (рис. 14, 47).

Тип 30. «Якорные». Абрис бляхи на ассоциативном уровне напоминает якорь. **Вариант а** – малые (2 × 1,4 см). Всего 1 экз.: Бике-I, курган № 27 (рис. 14, 48; 15, 34).

Тип 31. Вытянуто-овальные. **Вариант а** – малые (3,6 × 0,8–1,3 см). Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 49; 15, 33).

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел а – неподвижное кольцо на короткой стороне пластины.

Рис. 16. Поясные бляхи из памятников булан-кобинской культуры:

1, 9-11 – Степушка-I, курганы № 6 (10), 13 (1), 17 (9, 11) (по: [Тишкин, Матренин, 2013б]);
 2 – Карабан-I, курган № 27 (по: [Демин, 1991]); 3-6 – Балыктыюль, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]);
 7, 8 – Улуг-Чолтух-I, курган № 11 (по: [Борисенко, Худяков, 2004]); 12-15 – Степушка-II, курган № 40
 (по: [Соенов, Константинов, Трифанова, 2016]); 16 – Яломан-II, курган № 29 [Тишкин, 2009]),
 16-23 – Яломан-II, курганы № 20 (17-23), № 29 (16) (по: [Тишкин, 2008; 2009]); 24, 25 – Кок-Паш,
 курганы № 35, № 40 (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 1-6 – бронза; 7-25 – железо

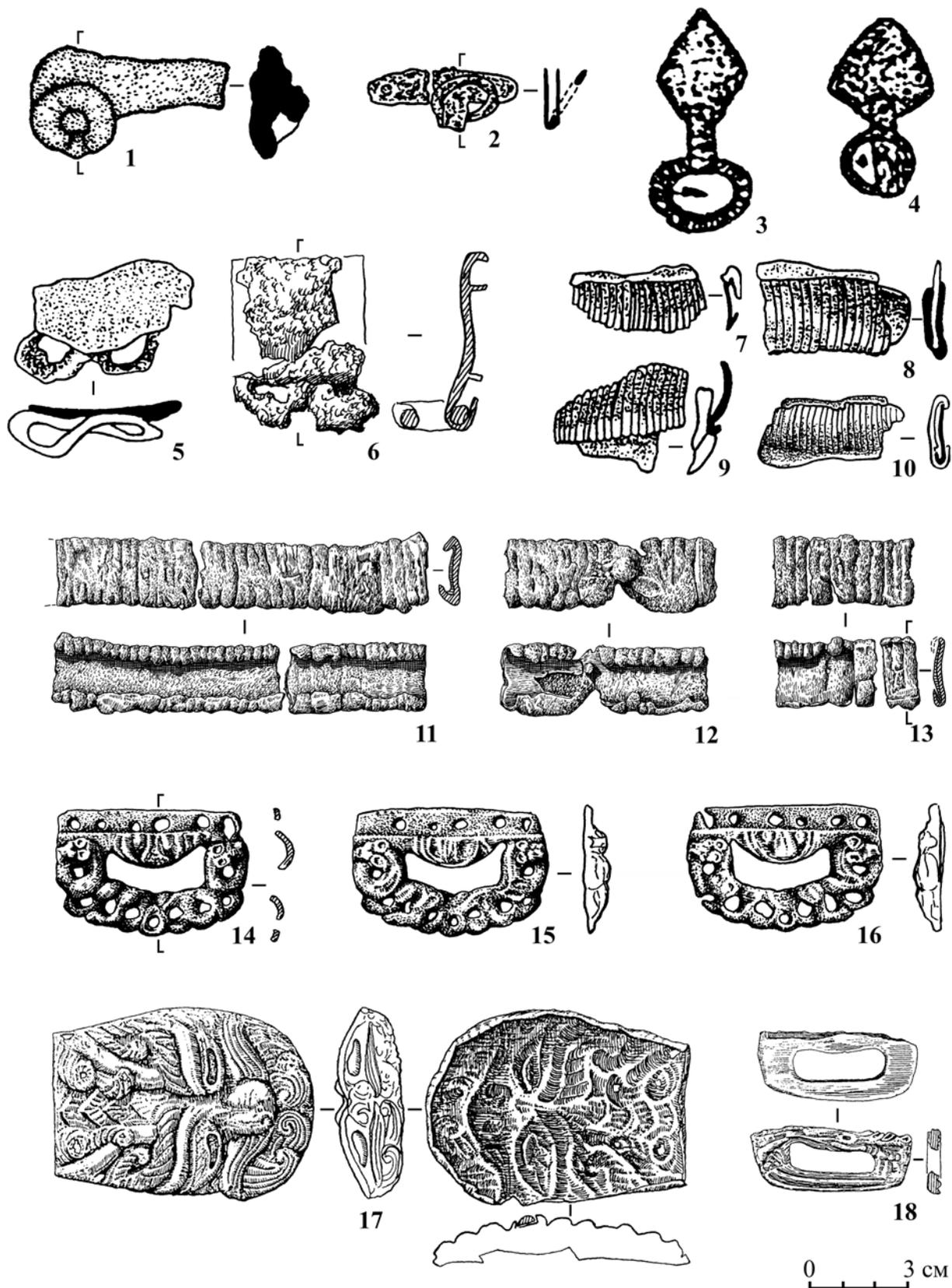

Рис. 17. Поясные бляхи из памятников булан-кобинской культуры:

1 – Удуг-Чолтух-I, курган № 11 (по: [Борисенко, Худяков, 2004]); 2 – Верх-Уймон, курган № 9 (по: [Соенов, Эбель, 1992]); 3, 4 – Дялян (по: [Тетерин, 1995]); 5, 7-10 – Кок-Паш, курганы № 35 (5), 39 (7, 10), 40 (8, 9) (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 6, 14-18 – Яломан-II, курганы № 43 (17, 18), 33, погребения № 2 (6), 60 (14-16) (по: [Тишкин, 2005а; Tishkin, 2011; Тишкин, Матренин, 2011]); 11-13 – Степушка-I, курган № 19 (по: [Тишкин, Матренин, 2013а; 2013б]); 1-13 – железо; 14-16 – бронза с позолотой; 17 – дерево, золото; 18 – дерево

Тип 32. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (2,4 × 1,4 см). Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 146 (рис. 14, 50).

Тип 33. Секировидные. **Вариант а** – малые (4,1 × 1,1,5 см). Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 51; 15, 38).

Раздел II. Пластина с сильно загнутой короткой стороной или сложенная пополам в полуобойму.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 34. Вытянуто-прямоугольные. **Вариант а** – малые (3,4 × 0,8 см). 1 экз. Степушка-I, курган № 13 (рис. 14, 52; 16, 1).

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел в – подвижное кольцо на короткой стороне пластины, на ее загнутом нижнем крае.

Тип 35. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (2–2,5 × 1–1,8 см). Всего 7 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (4); Айрыдаш-I, курганы № 80, 171; Улита, курган № 32 (курган № 7) (рис. 14, 55; 16, 3–6).

Раздел III. Две прямые равновеликие пластины, накладываемые друг на друга.

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел а – неподвижное кольцо на короткой стороне пластины.

Тип 36. Подквадратные. **Вариант а** – малые (2 × 1,5–1,2 см). Всего 2 экз.: Улита, курган № 33 (курган № 8) (рис. 14, 56).

Разряд II. Бляхи-зажимы, фиксирующиеся к ремню за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса без шпеньков.

Раздел II. Пластина с сильно загнутой короткой стороной или сложенная пополам в полуобойму.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 37. Подквадратные. **Вариант а** – малые (1,5 × 1–1,5 см). Всего 15 экз.: Карбан-I, курган № 11 (рис. 14, 57).

Разряд III. Бляхи-обоймы, фиксирующиеся с помощью петли на тыльной поверхности, через которую продевается ремень.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел II. Бляхи с одним кольцом.

Подотдел а – неподвижное, цельноизготовленное кольцо на короткой стороне пластины.

Тип 38. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (1,5 × 1 см). Всего 1 экз. из экспозиции МАЭА АлтГУ (рис. 14, 58)*.

Разряд IV. Бляхи-нашивки, фиксирующиеся к ремню путем пришивания через небольшие отверстия, расположенные у верхнего края корпуса.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел IV. С прорезью.

Тип 39. Сегментовидные. **Вариант а** – большие (5,6 × 3,8 см). Всего 3 экз.: Яломан-II, курган № 60 (рис. 14, 59; 17, 14–16).

Группа III. Биметаллические бляхи.

Разряд I. Бляхи-накладки. Крепятся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел II. С одним кольцом.

Подотдел а – неподвижное кольцо на короткой стороне пластины.

Тип 40. Овальные. **Вариант а** – малые (3,3 × 2 см). Всего 1 экз.: Бике-I, курган № 17 (рис. 14, 60; 15, 39).

* Происхождение этого оригинального изделия из конкретного памятника булан-кобинской культуры нам неизвестно. В коллекционной описи предмет фигурирует как находка из могильника Булан-Кобы-IV без указания номера погребения. Однако в научных полевых отчетах и диссертации Ю. Т. Мамадакова по результатам изучения обозначенного некрополя такая бляха не упоминается.

Раздел II. Пластина с сильно загнутой короткой стороной или сложенная пополам в полюбойму.

Отдел II. Бляхи с одним кольцом.

Подотдел в – подвижное кольцо на короткой стороне пластины, на ее загнутом конце.

Тип 41. Прямоугольные. **Вариант а** – малые (1,5 × 1 см). Всего 1 экз.: Айрыдаш-I, курган № 146 (рис. 14, 61).

Группа IV. Сочетание органического материала и металла.

Разряд I. Накладные бляхи, фиксирующиеся на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Раздел I. Пластина прямая или слегка согнутая.

Отдел I. Без колец и прорезей.

Тип 42. Арочные. **Вариант а** – большие (8 × 5,9–4,5 см). Всего 1 экз.: Яломан-II, курган № 43 (рис. 14, 62; 17, 17)*.

Поясные бляхи как отдельная категория предметного комплекса впервые появляются на Алтае в аржано-майэмирское время, что в целом отражает начальный этап развития этих ременных гарнитур у населения Евразии в раннем железном веке [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 50–51; Шульга, 2008, рис. 79–82]. В дальнейшем они известны у многих кочевых народов данного региона вплоть до позднего средневековья и обладают специфическим обликом в рамках культурно-хронологических комплексов скифо-сакского, хуннуско-сяньбийско-жужанского, тюркского, кыргызского, монгольского времени.

Деление поясных блях по материалу изготовления является признаком самого высокого порядка, который демонстрирует технологические приемы их изготовления, имеющие особенности на разных территориях, в том числе хронологический контекст. У населения булан-кобинской культуры Алтая количественно преобладают поясные бляхи, сделанные из железа (группа I). Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники дают основание считать, что среди кочевников Центрально-Азиатского региона железные поясные бляхи впервые стали широко использовать хунну Монголии и Забайкалья в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. или около рубежа эр [Коновалов, 1976, табл. XIII, 1–5; 2008, рис. 45, 2, 4; Давыдова, 1996, табл. 5, 15; Баранов, 2002, с. 302; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 8, 16, 17, 18, 22, 24, 25, 10, 14, 13, 5, 17, 15; Миллер, Олард, Эрдэнэбаатар, Ли, 2008, рис. 8; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг. 9, 1; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 8; и др.]. Генезис железных поясных блях у хунну стал возможен благодаря высокому уровню развития черной металлургии и был подготовлен практикой широкого производства железных пряжек. Применение нового материала привело к существенным изменениям морфологии данной категории ременных гарнитур, которые коснулись конструкции корпуса, способов крепления, приемов декорирования. Массовый переход к железу в производстве поясных блях относится к концу I – II в. С этого времени такие изделия наиболее широко встречаются у сяньби Юго-Восточного Забайкалья и Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5, 4; Яремчук, 2005, рис. 96, 5, 100–103].

Имеющийся на сегодняшний день корпус вещественных материалов позволяет сделать вывод, что на Алтае железные поясные бляхи появляются в раннесяньбийское время (условно со II в.) и применяются до конца существования булан-кобинской культуры.

Одним из важнейших признаков при типологическом рассмотрении поясных блях выступает способ крепления к ремню. У населения булан-кобинской культуры доминировал накладной вариант фиксации с помощью металлических шпеньков,

* В кургане № 43 могильника Яломан-II обнаружена фрагментированная деревянная поясная бляха овально-прямоугольной формы с прорезью, облицованная золотой фольгой [Tishkin, 2011, fig. 14, 4]. Плохая сохранность не позволяет определить способ крепления данного предмета к ремню и делает невозможным использование ее для классификации и типологического анализа.

вставляемых в сквозные отверстия в корпусе и ремне (разряд I). На тыльной стороне ремня шпеньки расплющивались, а на лицевой части бляхи они держались за счет плоской или выпуклой шляпки. Пояса с железными бляхами-накладками, фиксирующимися при помощи шпеньков, известны у хунну Монголии и Забайкалья не ранее рубежа эр. Данный способ крепления, скорее всего, был заимствован из конструкции железных подвижноязычковых пряжек со щитками-полуобоймами. Шпеньки-фиксаторы встречаются также на других ременных гарнитурах хунну, среди которых распределители ремней с подвижными лопастями от суголовий верхового коня, металлические бляхи от конского снаряжения, железные пряжки с неподвижным шпеньком-язычком (в том числе экземпляры, декорированные заклепками), поясные бляхи из дерева [Коновалов, 1976, табл. X, 1, 2, 10, XI, 13, 17; Цэвэндорж, 1985, рис. 4, 16; Erdelyi, 2000, fig. 37; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 4, 22, 8, 17, 22, 10, 14, 11, 5, 13, 5, 11, 12; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 18, 4–6, 8, 9, 19, 8, 20, 1–3, 5, 6–11, 35, 3; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, 233, 235, 253, 257; Ковычев, 2006, рис. 3, 8, 10–16; Ереел-Эрдэнэ, 2007, т. 252–255]. Перечисленные предметы появляются в поздних комплексах хунну и отражают новый этап развития снаряжения в конце I в. до н.э. – I в. н.э. Железные поясные бляхи рассматриваемой схемы крепления активно используют сяньби Юго-Восточного Забайкалья в конце I – начале III в. [Яремчук, 2005, рис. 96, 5, 100–103]. Данные изделия встречаются в дуройских (III–IV вв.) и бурхотуйских памятниках (IV–VI вв.) степной Даурии [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXV, 7, 11, XXVI, 1, 3; Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 81, 4, 18–20, 29, 38, 7; Зюзин, 2008]. В Туве железные бляхи разряда I известны в погребальном комплексе Аймырлыг-XXXI (не ранее II в.), но более многочисленны они в кокзальской культуре в III–V вв. [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 12, 22; Дьяконова, 1970, табл. XI, 13–24, 47, XII, 5–7, 9, 23–28; Николаев, 2000, рис. 3, 4, 12; Панкова, 2003, рис. 4, 6–8, 10, 6, 7; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 44, 49–51, 53, 61, 65]. В Восточном Туркестане такая бляха происходит из комплекса Чаохутоу-3, который датируется периодом от династии Восточная Хань до династии Вэй-Цзинь (II–IV вв.) [Комиссаров, Поздняков, 2004, рис. 2, 8]. Известна находка железной бляхи со шпеньковым креплением из северо-бактрийского могильника Ксиров, датировка которого предполагается в широких рамках с конца II в. до н.э. по I в. н.э. [Горбунова, 2001, рис. 5, 11]. На юге Западной Сибири железные бляхи-накладки имеют более молодой возраст. В Барнаульском Приобье они датируются с конца II по III в., в Новосибирском Приобье – концом IV – V в. Наиболее ранние экземпляры из памятников Томского Приобья относятся к V – 1-й половине VI в. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10, 4, 15, 16, 19, 13, 11, 17, 3–5, 55, 4; Троицкая, 1996, рис. 1, 5, 6, 11, 13, 15, 16, 3, 1–5, 9, 10, 16–18; Троицкая, Новиков, 1998, с. 52–54, рис. 25, 44–46, 26, 42, 61, 65, 66; Ширин, 2003, табл. XI, 4, 5]. В предгорьях Кузнецкого Алатау такие находки появляются, видимо, не ранее III в. [Ширин, 2003, табл. LXIII, 4, 6, LXVII, 1, 2].

На территории Алтая начальная дата появления железных блях со шпеньковым креплением запаздывает по отношению к хуннским экземплярам и может быть определена не ранее II в. Распространителями моды на данные изделия могла стать одна из групп северных сяньби. Пояса с железными бляхами-накладками описываемой конструкции существуют до 2-й половины V – начала VI в., не получив широкого применения в тюркской культуре.

Население булан-кобинской культуры широко использовало пояса с бляхами-накладками разряда I, выполненными из одной прямой или слегка согнутой пластины (раздел I) без колец и прорезей (отдел I). В Центральной Азии такие бляхи известны впервые у хунну в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. [Erdelyi, 2000, fig. 37; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 4, 22, 8, 17, 22, 10, 14; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 209, 233, 235, 253, 257; Ковычев, 2006, рис. 3, 8]. Наиболее многочисленные находки происходят из северо-сяньбийских памятников Юго-Восточного Забайкалья конца I – IV в. [Яремчук, 2005, рис. 96, 6, 97, 4, 7, 99, 1, 2, 5–7, 10, 100, 2–4, 101, 2–7, 103, 1–4; Зюзин, 2008]. С сяньбийским наследием связано присутствие данных пред-

метов в снаряжении племен бурхотуйской культуры [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXV, 7, 11, XXVI, 3; Литвинцев, 2006, рис. 38, 7]. В Туве подобные бляхи-накладки встречаются сравнительно редко: в могильнике Аймырлыг-XXXI (конец I – начало III в.), а также в более поздних памятниках кокзальской культуры (2-я половина III – V в.) – в комплексах Кокзаль, Хара-Даг-Бажи, Усть-Хадынных-III, Кара-Тал-III, IV [Дьяконова, 1970, табл. XII, 9; Данченко, Нестеров, 1989, рис. 2, 11; Панкова, 2003, рис. 4, 10; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 61, 65]. Территориально удаленные немногочисленные западные аналогии рассматриваемым изделиям имеются в ареале мазунинской культуры Среднего Прикамья конца III – V в. [Останина, 1997, рис. 11, 19, 25, 2, 3, 30, 17]. Приведенные материалы демонстрируют факт предпочтительного распространения железных блях-накладок раздела I отдела I на землях Алтая под влиянием материальной культуры сяньби в период их максимального усиления в Центральной Азии во 2-й половине II – начале III в. Широкое использование железных поясных блях описываемой конструкции на Алтае прекращается с появлением памятников тюркской культуры, в рамках которой доминирующей становится традиция ношения поясов с бляхами из цветного металла иной конструкции. Тем не менее возможность «доживания» таких гарнитур в тюркской среде до 2-й половины V – начала VI в. демонстрирует факт обнаружения похожих изделий в ритуальной оградке № 104 могильника Кудыргэ [Илюшин, 2000, рис. V, 10].

Железные бляхи-накладки раздела I отдела I представлены типами 1–11. Наиболее многочисленными среди них были экземпляры подквадратной (тип 1), прямоугольной (тип 2) и вытянуто-прямоугольной (тип 3) формы. Прямоугольные и подквадратные большие бляхи (типы 1в, 2в) обнаруживают ранние датированные аналогии в памятниках хунну I в., сяньби конца I – начала III в., а поздние – в погребениях бурхотуйской культуры IV–VI вв. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXV, 7, 11; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 233; Яремчук, 2005; Коновалов, 2008, рис. 45, 2, 4]. Подквадратные и прямоугольные бляхи малых (типы 1а, 2а) и средних (типы 1б, 2б) пропорций имеют аналогии в Туве в памятниках Аймырлыг-XXXI и Кокзаль [Дьяконова, 1970, табл. XII, 9]. На Алтае они представляют собой продукты местного развития ременных гарнитур населения булан-кобинской культуры во II–V вв., имеющие в своей основе подражание сяньбийским образцам. «Запаздывающие» находки блях типа 1а обнаружены в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. [Илюшин, 2000, рис. V, 10].

Начальный хронологический рубеж появления блях типов 1 и 2 у кочевников Алтая можно определить только по результатам их корреляции с датирующимися категориями инвентаря из закрытых комплексов погребений булан-кобинской культуры. Учитывая тенденцию некоторого запаздывания археологических материалов Алтая по отношению к памятникам сяньби, искомую дату предпочтительнее будет отодвинуть во II в., а верхнюю – в V в.

Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малого размера (тип 3а) в Центральной Азии встречаются редко. С полной уверенностью можно назвать несколько экземпляров из Тувы, найденных в некрополе Аймырлыг-XXXI (I – начало III в.)*. Железные вытянуто-прямоугольные бляхи малых пропорций обнаружены в позднехуннском некрополе I в. Кия-13 в Юго-Восточном Забайкалье**. С другой стороны, бляхи с таким абрисом средних и крупных размеров достаточно широко представлены у сяньбийского населения зоргольской (конец I – начало III в.) и дуройской (III–IV вв.) культур Приаргуны. Они также известны в поздних комплексах кокзальской культуры Тувы (конец IV – V в.) из могильников Кара-Тал-III (курган № 3) и Усть-Хадынных-III, (кур-

* Автор благодарит Н. Н. Николаева, предоставившего возможность ознакомиться с частью археологической коллекции хуннско-сяньбийского времени могильника Аймырлыг-XXXI, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

** Выражаем признательность Е. В. Ковычеву за работу с неопубликованными материалами могильника Кия-13. К сожалению, данные погребения были потревожены грабителями, в связи с чем нет полной уверенности, что все эти железные предметы относятся к наборным поясам.

ган № 21, погребение № 1) [Панкова, 2003, рис. 4, 10; Яремчук, 2005, рис. 99, 1, 2, 5, 10, 103, 1–4; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 168–169]. На Алтае поясные бляхи типа 2а обнаружены в могильниках Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Дялян, Верх-Уймон, Яломан-II. Мы вправе высказать предположение о том, что у кочевников Алтая поясные бляхи типа 3а получают широкое распространение со 2-й половины III в., хотя появляются они раньше. Верхний хронологический горизонт их бытования в данном регионе соответствует V в. Данные наблюдения, вероятно, справедливы и в отношении трапециевидных (тип 4), шестиугольных (тип 5), сегментовидных (тип 9) поясных блях.

Округлые (тип 6) и овальные (тип 7) поясные бляхи представляют собой довольно редкие образцы изделий в булан-кобинских погребениях Алтая. Они идентифицированы среди ременных гарнитур из могильников Карбан-I и Айрыдаш-I. Железные округлые бляхи и производные от них экземпляры каплевидной формы со шпеньковым креплением известны в хуннских памятниках Монголии и Забайкалья I в. в составе уздечных наборов и, возможно, в качестве декоративного элемента наборных поясов [Коновалов, 1976, табл. XII, 11, 18; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 20, 6–11]*. Поясные бляхи типа 6 обнаружены в сяньбийских памятниках Юго-Восточного Забайкалья конца I – начала III в. (могильник Зоргол-I) и III–IV вв. (могильник Дурой-I)** [Яремчук, 2005]. При этом конкретное назначение таких блях в закрытых комплексах данного региона (использование их в качестве украшений пояса, узды или ножен) точно не установлено. Округлые бляхи типа 6 зафиксированы в саргатской культуре Приишимья в погребениях могильника Аббатский-I, относящихся к концу I в. до н.э. – I в. н.э. и I–II вв. н.э. [Матвеева, 1994, рис. 4, 5; 24, 2–4, с. 44, 45]. С учетом приведенных аналогий период бытования блях типов 6 и 7 у кочевников Алтая можно определить пока в широких рамках II–IV вв.

Поясные бляхи-накладки с ромбовидным абрисом (тип 8) не имеют себе подобных среди ременных гарнитур соседних территорий и в целом не характерны для Центрально-Азиатского региона. В этой связи мы вынуждены обратиться к далеким «западным» аналогиям, которые происходят из комплексов джетыясарской культуры Восточного Приаралья IV–V вв., а также из памятников Среднего Прикамья V – 3-й четверти VI в. [Генинг, 1979, рис. 13, 8, 28; Левина, 1996, рис. 129, 19; Останина, 1997, рис. 11, 35, 32, 2, 34, 6, 7, 36, 12, 29]. Редкость найденных в могильнике Дялян блях этого типа в булан-кобинской культуре дает основание считать, что данные изделия являются подражанием «неместным» поясным гарнитурам и имеют короткий период бытования. В качестве рабочей датировки поясных блях типа 8 можно пока принять конец IV – V в.

Пропеллеровидные бляхи (тип 10) датировать сложно ввиду единичного характера находки на могильнике Верх-Уймон. С учетом ближайшей аналогии, правда в цветном металле, из кургана с «усами» конца IV – V в. Зевакинского могильника в Восточном Казахстане [Арсланова, 1975, табл. I] поясные бляхи типа 10 у населения булан-кобинской культуры Алтая относятся нами предварительно ко 2-й половине IV – V в.

Розетковидные бляхи (тип 11) отдаленно напоминают полихромные металлические бляхи хунну Забайкалья и Монголии конца I в. до н.э. – I в. н.э. В булан-кобинской культуре бляха данного типа происходит из могильника Карбан-I и относится, по-видимому, ко II в.

Железные поясные бляхи-накладки со шпеньковым креплением и неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса (отдел IIa) известны впервые у хунну

* Отсутствие случаев обнаружения данных блях *in situ* в составе сопроводительного инвентаря не позволяет уверенно говорить об их использовании для декорирования поясов. Зафиксированы факты использования округлых металлических блях со шпеньковым и петельчатым креплениями в качестве набоек на матерчатую драпировку стенок деревянных погребальных камер.

** Принимаются во внимание не введенные в научный оборот материалы раскопок Верхне-Амурской археологической экспедиции (руководитель Е. В. Ковычев).

Забайкалья и Монголии. Наибольшую популярность у них они получают в конце I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XIII, 1, 2, 4–7; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 13, 5; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 19, 8; Миллер, Оллард, Эрдэнэбаатор, Ли, 2008, рис. 8; Амартүвшин, Хатанбаатар, 2008, зураг 9, 1; и др.]. К данным бляхам могли крепиться подвесные портупейные ремешки для фиксации различных предметов.

Бляхи отдела IIa с овальным корпусом (тип 13) имеют своими исходным прототипом хуннские экземпляры и обнаруживают сходство с предметами из могильников Черемуховая Падь, Ильмовая Падь, Худгийн Толгой и др. [Коновалов, 1976, табл. XIII, 1, 2, 6, 7; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 19, 8]. С учетом некоторого «запаздывания» экземпляров булан-кобинской культуры по отношению к центральноазиатским материалам ранние экземпляры блях типа 13 из памятников Алтая можно датировать концом I – II в. Поздние образцы блях типа 13 относятся к жужанскому времени (2-я половина IV – V в.). Пока трудно сказать, насколько близки им в плане генезиса прямоугольные бляхи типа 12, аналогии которым в железном материале нам неизвестны. В облике данных изделий фиксируются общие черты с бляхами, имеющими корпус в виде пластины с сильно загнутой короткой стороной или сложенной пополам в полуобойму (раздел II), совмещенной с подвижным кольцом (отдел IIб). Нельзя исключать, что данные бляхи произошли от близких по морфологии железных пряжек с подвижным язычком и неподвижным щитком прямоугольной формы. В данном случае следует указать, что контур колец блях типа 12 напоминает собой рамки пряжек с арочным абрисом. Если принять во внимание представленные выше типологические наблюдения, то тип 12 следует относить к более позднему времени (конец III – V в.).

Железные поясные бляхи-накладки из прямой пластины с неподвижным кольцом на длинной стороне корпуса (отдел IIб) представлены единственным экземпляром вытянуто-прямоугольной формы (тип 14) из могильника булан-кобинской культуры Улуг-Чолтух-I (курган № 11). Эта модификация ременных гарнитур отражает практику активного применения кочевниками Алтая поясов с бляхами вытянуто-прямоугольной формы, а также распределителей ремней с длинными лопастями. Нижняя хронологическая граница бытования поясных блях типа 14, скорее всего, не ранее середины III в.

Железные бляхи-накладки с корпусом в виде пластины, сложенной пополам в полуобойму (раздел II), имеющей на короткой стороне подвижное кольцо (отдел IIб), являются одной из самых многочисленных модификаций поясных блях населения булан-кобинской культуры. Они предназначались для фиксации подвесных портупейных ремешков и для крепления разных предметов. В Центральной Азии наиболее ранние, но в сущности единичные находки железных поясных блях раздела IIa отдела IIб известны у сяньби Юго-Восточного Забайкалья в погребениях конца I – начала III в. могильника Зоргол-I [Яремчук, 2005, рис. 96, 5]. Позднее в указанном регионе они встречаются в сяньбийских захоронениях могильника Дурой-I III–IV вв. и в погребениях бурхотуйской культуры IV–VI вв. [Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 81, 4, 18, 19, 20]. Если отступить от характера материала, то следует заметить, что пояса с бляхами-накладками, снабженными кольцами, были в широком обиходе у разных групп поздних сяньби и других кочевых народов Северного Китая в IV – третьей четверти VI в., а также у когурё Кореи в IV–VI вв. [Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 1, 1, 3, 10, 4, 1–5, 6, 7; Бобров, Худяков, 2005, с. 121; Гао Фэн, 2006, с. 62; Чжан Даньлин и др., 2005 рис. 4, 1, 6, 14, 1, 4; Xi'an Municipal Institute of Archaeology..., 2008, p. 34].

На территории Тувы наиболее ранние (II в.) находки блях раздела II отдела IIб происходят из могильников Бай-Даг-II и Аймырлыг-XXXI. Однако широкое распространение в этом регионе они получают в кокзальской культуре III–V вв. [Вайнштейн, Дяконова, 1966, табл. XIII, 12, 22; Дьяконова, 1970, табл. XI, 13–24, 47, XII, 5–7, 23–28; Николаев, 2000, рис. 3, 4, 12; Панкова, 2003, рис. 4, 6–8, 6, 6]. В предгорьях Кузнецко-

го Алатау аналогичные бляхи известны в Усть-Абинском могильнике фоминской культуры, археологический возраст которого – не ранее 2-й половины III в. [Ширин, 2003, LXIII, 4, 6, LXVII, 1, 2]. На юге Западной Сибири поясные бляхи-накладки с подвижными кольцами часто встречаются в верхнеобской культуре в V–VI вв., демонстрируя длительное сохранение местных поясов «дотюркского» облика в Новосибирском Приобье до VIII–IX вв. [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10, 15, 16, 19, 13, 11, 17, 3–5, 55, 4; Троицкая, 1996, рис. 1, 1–4, 11, 15; Троицкая, Новиков, 1998, с. 53–54, табл. 8].

У населения к западу от Урала поясные бляхи раздела II отдела II_в характерны для периода с III в. до 3-й четверти V – 1-й половины VI в. На этом фоне в степях Восточной Европы бляхи описываемой конструкции в комплексах позднесарматского (2-я половина II – IV в.) и гуннского (конец IV – V в.) времени представлены единичными экземплярами из цветного металла [Засецкая, 1994, табл. 15, 8, 47, 14, 16, 46, 4; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 6, 4–8; Малашев, 2000, рис. 6Д, 8В, 2; Кривошеев, 2004, рис. II, 24, с. 119].

Таким образом, на Алтае железные бляхи-накладки, имеющие корпус в виде пластины-полуобоймы, появляются во II в. н.э. Они пока не найдены в памятниках тюрок кызыл-ташского этапа (2-я половина V – 1-я половина VI в.), демонстрирующих формирование новой традиции производства поясных гарнитур на Алтае.

На уровне абриса железные поясные бляхи раздела II_а отдела II_в представлены экземплярами прямоугольной (тип 15), трапециевидной (тип 16), прямоугольно-овальной (тип 17), округлой (тип 18), овальной (тип 19) форм. За пределами Алтая аналогии им обнаружены у населения кокзальской культуры (типы 15–18 – III–V вв.), у сяньби (тип 15 – конец I – начало IV в.), у носителей бурхотуйской культуры (типы 15, 18 – IV–VI вв.), у племен фоминской (тип 15 – 2-я половина III – IV вв.) и верхнеобской (тип 15 – V – середина VI в. н.э., VIII–IX вв.; тип 16 – V – середина VI в.) культур, а также у народов Прикамья (тип 15 – V в.) [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, табл. XIII, 12, 21, 22; Дьяконова, 1970, табл. XI, 13–24, 74, XII, 23–28; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10, 15, 16, 19, 13, 11, 17, 3–5, 55, 4; Троицкая, 1996, рис. 3, 16–18, с. 160–161; Троицкая, Новиков, 1998, с. 53–54, рис. 26, 42, 61, 65, 66; Николаев, 2000; Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 81, 4, 18–20; Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 44; Голдина, Бернц, 2010, табл. 266, 57]. Имеющаяся выборка сравнительных материалов дает основание для хронологической атрибуции поясных блях типов 15–19 у кочевников Алтая в широких рамках II–V вв. Дифференциацию данных типов на «ранние» и «поздние» следует рассматривать в будущем в варианте частоты их встречаемости в датированных закрытых комплексах булан-кобинской культуры.

Железные поясные бляхи-накладки в виде плоской пластины с загибом-выступом на ее длинной стороне или на углу (раздел III) включают модификации с одним (отдел II_а) и двумя (отдел III_а) подвижными кольцами. Среди изделий с одним кольцом имеются экземпляры с прямоугольным (тип 20), вытянуто-прямоугольным (тип 21), вытянуто-овальным (тип 22), ромбическим (тип 23) корпусом. Конструктивно близкие бляхи с прямоугольным абрисом (тип 20) представлены в сяньбийском могильнике Дурой-I в Юго-Восточном Забайкалье, что может указывать на возможную начальную дату других морфологически похожих, но не идентичных на уровне формы типов в рамках III в., вероятно, ближе к середине – 2-й половине столетия. Типы 21 и 22 отражают существование у населения Алтая традиции ношения поясов с плотно расположенными бляхами в виде сплошной «металлической ленты», генезис которых по времени мог совпадать со временем широкого применения «булан-кобинцами» распределителей ремней с длинными лопастями в конце III – V в. Поздние территориально удаленные аналогии им зафиксированы среди бронзовых гарнитур ломоватовской культуры Прикамья [Голдина, 1985, табл. XII, 47]. Оригинальные бляхи ромбической формы (тип 23) сформировались, скорее всего, на основе блях типа 8, которые подражают неместным поясным гарнитурам, аналогичным тем, что известны в Восточном Приарале и Прикамье в IV–V вв. Поясные бляхи типа 23 предварительно отнесены нами к IV–V вв. Бляхи-накладки раздела III с двумя кольцами на длинной стороне

корпуса (отдел IIIa) прямоугольной формы типа 24 являются производной от модификаций типов 20 и 21 и датируются в рамках булан-кобинской культуры 2-й четвертью I тыс. н.э., с наибольшим предпочтением – IV–V вв.

Железные бляхи-зажимы (разряд II) представляют собой плоские пластины-скобы с сильно загнутыми на тыльную поверхность короткими сторонами (раздел IV) без дополнительных конструктивных деталей (отдел I). Они имеют вытянуто-прямоугольный корпус малого размера (тип 25). Такие бляхи идентифицированы в девяти погребениях с территории Алтая на могильниках Булан-Кобы-IV, Белый-Бом-II, Кок-Паш, Айрыдаш-I, Степушка-I. Точные аналогии поясам с бляхами-скобами представлены в Юго-Восточном Забайкалье в позднесяньбийском могильнике Дурой-1 2-й половины III – IV в., а также в погребальных комплексах IV–VI вв. бурхотуйской культуры Улан-Хода, Дворцы-I и др. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXI, 24; Зюзин, 2008, с. 168–169]*. Подобные изделия происходят из «запаздывающих» материалов верхнеобской культуры V – середины VI в. Темирязевского курганного могильника-I в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 10, 4, 11, 5, 13, 12]. Территориально отдаленные аналогии в бронзовом материале с рельефным корпусом известны в Прикамье в памятниках V в. [Останина, 1997, рис. 7, 24, рис. 73, 9]. Стоит отметить, что морфологически близкие бляхи из бронзы с корпусом меньшего размера применялись в конструкции браслетов «бурхотуйцами» Восточного Забайкалья (IV–VI вв.) и мохэ Среднего Амура (V в.), а также для украшения уздечных ремней ранними тюрками Алтая (2-я половина V – начало VI в.) и племенами дарасунской культуры Восточного Забайкалья (VI в.) [Деревянко, 1975, табл. L; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 23, 56, 5, 8; табл. XXVII, 12]. Имеющиеся археологические источники демонстрируют факт предпочтительного появления блях типа 25 в ареале позднесяньбийской общности. У кочевников Алтая они фиксируются с IV в. и существуют до V в. включительно.

Бронзовые (группа II) поясные бляхи у населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время встречаются редко. Важно заметить, что они представлены предметами, не связанными своим происхождением с бронзовыми поясными гарнитурами кочевников предшествующего аржано-маймирского и скифо-сакского времени. Данные изделия являются результатом самостоятельного генезиса или подражаниями железным поясным бляхам (на уровне способа крепления, конструкции и формы корпуса). Введенные в научный оборот результаты изучения состава металла некоторых таких изделий булан-кобинской культуры показывают их производство на местной ремесленно-металлургической базе [Тишкин, Хаврин, 2004].

Бронзовые бляхи-накладки (разряд I) фиксировались к ремню с помощью вставных шпеньков. Большинство бронзовых блях-накладок булан-кобинской культуры имеют корпус в виде прямой или слегка согнутой пластины (раздел I) без колец и прорезей (отдел I). Бронзовые экземпляры с такими морфологическими характеристиками (типы 26–31) пока неизвестны в памятниках хуннуского времени, что свидетельствует об их возрасте в погребениях кочевников Алтая не ранее II в. Большая часть таких поясных блях из цветного металла населения булан-кобинской культуры разрабатывается, по-видимому, на основе похожих железных модификаций, связанных с сяньбийской культурной традицией.

Поясные бляхи типа 26a появляются на Алтае значительно раньше, чем их более поздние аналоги конца IV – V в. из Верхнего Приобья, Восточного Приаралья и Прикамья. Такая позиция в хронологической атрибуции известных блях данного типа булан-кобинской культуры опирается в значительной степени на результаты их обнаружения в датирующихся закрытых комплексах могильников Балыктыюль и Степушка-I. Вопрос о нижней дате распространения таких изделий пока является открытым.

* Неопубликованные материалы бурхотуйской культуры, хранящиеся в лаборатории археологии Забайкалья при Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете (г. Чита), любезно показаны Е. В. Ковычевым.

Наиболее предпочтительной версией появления поясных блях типа 26а на территории Алтая, на наш взгляд, можно считать 1-ю половину III в.

Поясные бляхи типа 27 обнаруживают сходство с ременными гарнитурами из памятников разных регионов, среди которых когурёсские погребения Кореи IV–VI вв., курганы верхнеобской культуры в Томском Приобье конца IV – начала VI в., погребальные комплексы джетыясарской культуры Восточного Приаралья IV–V вв., кочевнические захоронения гуннского круга конца IV – V в. в степях Центрального Казахстана и Северного Причерноморья, погребения мазунинской культуры Среднего Прикамья 2-й половины III – V в. [Генинг, 1979, рис. А, 9, Б, 6, Ж, 17, 18; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 42, 7, с. 27, рис. 49, 5, с. 29–30; Левина, 1993б, рис. 83, 16; 1996, рис. 129, 9, 10, 14, 133, 1; Засецкая, 1994, табл. 34, 7, 46, 5; Останина, 1997, рис. 11, 18, 19, 21, 38, 23, 14–18, 24, 10, 25, 2, 28, 3, 30, 17; Zhang Xue-Yan, 2004, fig 1, 1, 55, рис. 25]. Похожие изделия встречаются в более раннее время (I–III вв.) у населения центральноевропейского «барбарикума» [Малашев, 2007, рис. 2, 4]. Приведенные сравнения дают основания полагать, что бляхи-накладки типа 27 на территории Алтая датируются 2-й четвертью I тыс. н.э. Важно обратить внимание, что на поясе из Степушки-I данные бляхи крепились как в вертикальном, так и в горизонтальном положении, что подчеркивает его самобытную, местную конструкцию.

Происхождение и хронологическая интерпретация поясных блях типа 28 должны совпадать с выкладками, полученными для типов 6 и 7. Они предварительно датируются нами в рамках II–V вв. Аналогичные предметы из цветного металла зафиксированы в погребениях 2-й половины IV – V в. одинцовской культуры Алтайской лесостепи в качестве поясных (Ближние Елбаны-XIV) и уздечных (Ераска) украшений, а также в более поздних комплексах VII в. верхнеобской культуры (Старобибеево-6) Новосибирского Приобья [Грязнов, 1956, табл. XLII, 3, 4; Егоров, 1993, рис. 2, 8, 11; Троицкая, Елагин, 1995, с. 202, рис. 4, 15–19].

Оригинальные звездчовидные бляхи типа 39, найденные на Алтае в могильнике Айрыдаш-I, имеют аналогии среди уздечных украшений поздних сарматов из памятников 1-й половины III в. Подонья (Котлубань, курган № 2) и Южного Приуралья (могильник Красногорский) [Мошкова, 1989, табл. 81, 46; Малашев, 2000, рис. 4А, 7]. Принимая во внимание большое сходство данных изделий, можно предположить, что бляхи типа 29 демонстрируют опосредованное «западное» направление контактов населения булан-кобинской культуры с позднесарматскими племенами. Тип 29 предварительно датируется III в.

Поясным бляхам типов 30 и 31 аналогии в археологических материалах Центральной и Северной Азии I тыс. н.э. нам неизвестны. По морфологическим признакам они могут относиться ко II–V вв. с большой вероятностью датировки в интервале III–IV вв.

Бронзовые бляхи-накладки из одной прямой пластины с неподвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIa) представлены экземплярами прямоугольной (тип 32) и секировидной (тип 33) форм. Конструктивно близкие, но не идентичные бляхам типа 32 экземпляры известны в Усть-Абинском могильнике фоминской культуры в предгорьях Кузнецкого Алатау, относящемся ко 2-й половине III – IV в., а также в более поздних памятниках ломоватовской культуры Прикамья [Голдина, 1985, табл. IX, 41, 43; Ширин, 2003, табл. LX, 8–10, 21]. Данный тип в рамках булан-кобинской культуры датируется, по-видимому, III – началом IV в.

Оригинальные поясные бляхи типа 33 имеют сходство с находками из комплекса кокзальской культуры Кожээлиг-Хову-58-V (погребение под задернованной западиной) в Западной Туве [Грач, 1960, рис. 35]. Стилистически они напоминают собой металлические бляхи-нашивки из памятников сяньби II–III вв. во Внутренней Монголии [Могильник Саньдаовань, 2004, рис. 11, 4]. Не исключено, что в булан-кобинской и кокзальской культурах данные бляхи являются поздними подражаниями сяньбийским образцам и датируются не ранее 2-й половины III в.

Бронзовые бляхи-накладки с корпусом из плоской пластины, сложенной в полубойму (раздел II) без колец и прорезей (отдел I), представлены изделием вытя-

нута-прямоугольной формы малых пропорций (тип 34a). Предмет зафиксирован *in situ* с остатками кожаного ремня в могильнике Степушка-I (курган № 13), благодаря чему удалось выяснить особенности его крепления. Бляха размещалась на поясе в вертикальном положении. Для этого около верхнего края ремня имелась небольшая горизонтальная прорезь, куда пропускалась согнутая пластина, фиксирующаяся в нижней части с помощью вставного шпенька. Рассматриваемое изделие обнаруживает конструктивное сходство с ременными наконечниками, популярными у поздних сарматов (2-я половина II – 1-я половина III в.), у племен Среднего Прикамья (с рубежа III–IV вв.) и редко встречающимися у населения Верхнего Приобья (не ранее II в.), у «кокэльцев» Тувы (не ранее III в.), у кочевых народов Северного Китая (конец IV – 1-я треть VI в.), у когурё в Корее (IV–V вв.) [Троицкая, 1979, табл. XXIV, 10; Данченко, Нестеров, 1989, рис. 3, 3; Останина, 1997, рис. 29, 13, 32, 1, 34, 17, 35, 20, 36, 19, 67, 24; Малашев, 2000, с. 210; Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 5, 2–5, 10; Чжан Даньлин и др., 2005, с. 62; Малашев, Яблонский, 2008, с. 57]. Опираясь на эти сопоставления, нижнюю дату поясных блях типа 34a в снаряжении населения Алтая можно определить не ранее III в. Вопрос о верхнем хронологическом рубеже бытования подобных изделий в рамках булан-кобинской культуры пока остается открытым. Важно заметить, что подобные изделия пока не найдены в данном регионе в памятниках тюрок 2-й половины V – XI в.

Бронзовые поясные бляхи из пластины-полуобоймы (раздел II) с подвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIв) имеют прямоугольный корпус малых пропорций (тип 35). Бляхи описываемой конструкции с корпусом разной формы известны в Центральной Азии у сяньбийских племен мужунов (2-я половина III – середина V в.) и тоба (последняя треть IV – 1-я половина VI в.), у когурё (2-я половина III – V в.), а также у кочевников периода северных династий Суй и Чжоу [Dong Gao, 1995, fig. 1, 1, 5, p. 35; Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 5, 2–5, 10; Чжан Даньлин и др., 2005, рис. 14, 4; Гао Фэн, 2006, с. 62]. В Центральной Европе похожие изделия появились в конце I – II в. и оставались популярными до середины I тыс. н.э. [Малашев, 2007]. В степях Восточной Европы их применяли поздние сарматы (2-я половина II – IV в.) и гунны (конец IV – V в.) [Засецкая, 1994, табл. 15, 8, 47, 14, 16; 46, 4; Боталов, Гудалов, 2000, рис. 6, 4–8; Малашев, 2000, рис. 6Д; 8В, 2; Кривошеев, 2004, рис. II, 24, с. 119]. Наиболее близкие в территориальном отношении аналогии бляхам типа 35 из памятников булан-кобинской культуры зафиксированы в Верхнем Приобье в погребальном комплексе Ближние Елбаны-VII (могила № 7), датирующемся не ранее конца II – начала III в. [Ширин, 2003, табл. XIV, 6]. Логично предположить, что у кочевников Алтая бляхи типа 35 разрабатываются на основе железных модификаций типа 15, известных со II в. Начальный этап использования блях типа 35, по-видимому, – конец II – III в.

Бронзовые бляхи-накладки булан-кобинской культуры, сделанные из двух равновеликих пластин (раздел III) с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса (отдел IIa), включают два экземпляра с подквадратным абрисом малого размера (тип 36a). У населения Евразии бляхи такой конструкции в 1-й половине I тыс. н.э. встречаются редко. В частности, они известны у поздних сарматов III в. в качестве функционально-декоративного элемента конского снаряжения [Малашев, 2000, рис. 4А, 7, 5А, 20, 21, 6Г, 1]. Формально наиболее близкие аналогии типу 36a – это серебряные предметы уздечной гарнитуры из позднесарматского памятника 1-й половины III в. Центральный-VI (курган № 16, погребение № 8) в Подонье [Малашев, 2000, рис. 5А, 20, 21]. В Восточно-Азиатском регионе пояса с бляхами из накладываемых друг на друга пластин обнаружены у кочевников Северного Китая периода династии Северная Чжоу (557–581 гг.). Булан-кобинские поясные бляхи типа 36, по-видимому, имеют своим исходным прототипом местные модификации с подвижными кольцами раздела II, отдела IIв. Имеющиеся на сегодняшний день экземпляры поясных блях типа 36a из могильника булан-кобинской культуры Улита датируются нами пока в широких рамках III – начала IV в.

Бронзовые бляхи-зажимы (разряд II), фиксирующиеся на ремне за счет плотного прижатия лицевой и тыльной частей корпуса, представляют собой пластины, сложенные в полуобойму (раздел II) без колец и прорезей (отдел I). На ремне они крепились путем продевания несомкнутого конца пластины-полуобоймы в небольшую горизонтальную прорезь, благодаря чему изделия прочно держались без шпеньков в вертикальном положении. Все такие бляхи имеют подквадратный абрис малых пропорций (тип 37а) и происходят из могильника Карбан-I. Аналогии им нам неизвестны. В типологическом отношении данные гарнитуры можно рассматривать как один из прототипов похожих по конструкции корпуса более поздних наконечников ремней (III в.) и поясных блях (2-я половина III – IV в.) со шпеньковым креплением. Бляхи типа 37а предварительно датированы II – началом III в.

Бронзовые поясные бляхи, фиксирующиеся на ремне с помощью петли на тыльной стороне корпуса, через которую продевался кожаный ремешок (разряд III), включают единственный экземпляр из памятников булан-кобинской культуры Алтая, выполненный из прямой пластины (раздел I), имеющей неподвижное кольцо на короткой стороне (отдел IIа) прямоугольного корпуса (тип 38а).

Разнообразные по конструкции поясные бляхи с петельчатым способом крепления известны у многих народов Евразии в скифо-сакское время. В снаряжении центральноазиатских хунну бляхи с петельчатым креплением происходят из погребальных памятников Монголии и Забайкалья 2-й половины I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XIII, 3; У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзи, 1990, рис. 9, 1, 6, 7, 11–13; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 17, 15; Миллер, Оллард, Эрдэнэбаатар, Ли, 2008, рис. 8, 3; Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 8, № 498]. Похожее крепление зафиксировано у золотых поясных блях, найденных в Северной Бактрии в могильнике Тилля-Тепе в погребении I–II вв. [Сарианиди, 1989]. Бляхи с фиксаторами в виде петель встречаются в снаряжении сяньби Маньчжурии и Внутренней Монголии II–III вв. [Могильник Саньдаовань, 2004, рис. 11, 1; Предварительное изучение сяньбийских погребений..., 2004, рис. 12, 1, 2], под влиянием которых похожие изделия попадают в Туву (Аймырлыг-XXXI, погребение № 57) [Стамбульник, 1983, рис. 2]. Находки поясных блях с петельчатым креплением из ареала фоминской культуры в предгорьях Кузнецкого Алатау относятся ко 2-й половине III – IV в. [Ширин, 2003, табл. LXXVIII, 119, LXXXVII, 4, 6–9, с. 71, рис. 5, 1, 2, табл. LXXXII, 3, с. 74, табл. XIV, 7, LX, 12, 13, LXXXII, 3]. Бляхи с петельчатым креплением представлены у населения тыштыкской культуры Среднего Енисея и племен бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья в IV–VI вв. [Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, табл. XXVI, 1; Вадецкая, 1999, табл. 71, 89, 91, 104, 106]. К западу от Урала регионом широкого использования поясов с бляхами-обоймами во II в. до н.э. – II в. н.э. было Прикамье [Генинг, 1988].

Поясная бляха типа 38а, найденная на территории Алтая, обнаруживает сходство с экземпляром из могильника Кокэль (КЭ-11, погребение № LXVI) в Туве конца III – IV в., а также с многочисленными пряжками и «псевдо-пряжками» таштыкской культуры Среднего Енисея IV–VI вв. [Дьяконова, 1970, табл. XI, 54; Вадецкая, 1999, рис. 15, 28, табл. 89, 1; и др.]. Конструктивно близкие изделия происходят из Усть-Абинского могильника (предгорья Кузнецкого Алатау) фоминской культуры 2-й половины III – IV в. [Ширин, 2003, табл. LXXVIII]*. Мы допускаем, что в булан-кобинской культуре поясная бляха типа 38а имеет, скорее всего, неместное происхождение. Она может быть импортным образцом IV–V вв. из Присаянья**.

Бронзовые поясные бляхи-нашивки (разряд IV) фиксировались к поясу с помощью небольших отверстий в верхней части корпуса, представляющего собой рельеф-

* Похожий способ крепления имели пряжки с неподвижным шпеньком, найденные в погребальных памятниках одиновской культуры Алтайской лесостепи (Троицкий Елбан, Татарские могилки). В более позднее время они обнаружены на Алтае в тюркской ритуальной ограде 2-й половины V – 1-й половины VI в. на могильнике Кок-Паш [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, рис. 61, 1, 2].

** Важно заметить, что поясная бляха типа 38а с территории Алтая имеет следы воздействия огня, что является особенностью похожих изделий таштыкской культуры Хакасии.

ную пластину (раздел I) с ажурным декором и большой прорезью в центре (отдел IV). Форма внешнего контура блях сегментовидная (тип 39), нижний край и короткие боковые стороны фигурные. На лицевой поверхности предметов выполнено рельефное изображение двух кошачьих хищников, стоящих на задних лапах спиной друг к другу. Имеется орнамент и между голов животных.

Нашивной способ фиксации ажурных бронзовых поясных блях широко встречается на западе Евразии в скифо-сакское и раннесарматское время. В Центральной Азии данные изделия часто встречаются у хунну Забайкалья и Монголии во II–I вв. до н.э. Идентичные в конструктивном и художественном отношении аналогии бляхам булан-кобинской культуры типа 39 найдены в погребении № 138 Иволгинского некрополя, относящегося ко II–I вв. до н.э. [Давыдова, 1996, табл. 39, 2]*. Похожие бляхи-нашивки, выполненные в иной художественной традиции, имеются в торевтике сяньби конца I – начала III в. в Маньчжурии (могильник Лаохэшэнь) [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 5, 4, 7, 3]. Вероятно, от сяньби такие ремешковые гарнитуры попадают к населению Тувы (могильник Аймырлыг-XXXI) и к племенам таштыкской общности (могильник Салбык) [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 58; Вадецкая, 1999, рис. 15, 12; Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, рис. 1, 2, с. 165, 168]. Принимая во внимание идентичные хуннские изделия, наиболее приемлемая широкая датировка поясных блях типа 39 на территории Алтая с учетом их некоторого запаздывания по отношению к центральноазиатским прототипам – это конец II – I в. до н.э.

Биметаллические бляхи из железа и бронзы (группа III) накладного крепления (разряд I) с корпусом в виде прямой плоской в сечении пластины (раздел I) и неподвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIa) представлены экземпляром овальной формы малых пропорций (тип 40a) из булан-кобинского могильника Бике-I. По сочетанию хронологически значимых морфологических признаков данное изделие можно датировать в рамках III–IV вв. Еще одна биметаллическая бляха, имеющая корпус из железной пластины раздела II с подвижным кольцом на короткой стороне (отдел IIв), представлена единственным экземпляром (тип 41), датирующимся не ранее III в. (принимая во внимание период массового использования блях с подвижными кольцами).

Поясная бляха, выполненная из сочетания органического материала и металла (группа IV), представлена единственным экземпляром в виде прямой деревянной пластины арочной формы (разряд I), обложенной сверху листком золотой фольги, фиксирующейся к ремню с помощью железных шпеньков (раздел I), не имеющей дополнительных деталей (отдел I). На лицевой стороне предмета выполнено рельефное изображение головы дракона в анфас. Глаза существа инкрустированы каменными (агатовыми?) вставками. Данное изделие выделено в тип 42. Определяющее значение для датировки предмета имеют центральноазиатские материалы. Так, бляхи из дерева или железа, обложенные золотой фольгой, известны в хуннских памятниках конца I в. до н.э. – I в. н.э. Однако близкие по иконографии, но не идентичные сюжеты встречаются на предметах торевтики, среди которых ближайшее сходство обнаруживают металлическая пряжка, найденная в элитном кургане Царам (курган № 7) в Бурятии, и деревянное «навершие» из могильника Гол-Мод-1 (курган № 20) в Монголии [Миняев, Сахаровская, 2007, рис. 18; Brosseder, 2011, fig. 43, 13; Хүннүгийн, 2011, зураг 328]. С учетом этих пока немногочисленных сопоставлений бляху типа 42 из раннего булан-кобинского комплекса могильника Яломан-II можно датировать последней третью I в. до н.э. – 1-й половиной I в. н.э.

Таким образом, проведенное классификационное и типологическое исследование археологических материалов из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского

* На основе таких блях разрабатываются прорезные бляхи-накладки из металла и дерева с орнаментом и без него, фиксирующиеся к ремню с помощью шпеньков-заклепок. Они известны в I в. у хунну Монголии (Гол Мод, курган № 20, Тэбш-уул, погребение № 8) и Восточного Забайкалья (Кия-13).

времени позволяет выделить несколько хронологических серий поясных блях с учетом «нижней» границы бытования их в данном регионе:

– *раннюю* (тип 39 – II в. до н.э.; тип 41 – последняя треть I в. до н.э. – 1-я половина I в. н.э.);

– *среднюю* (типы 1, 2, 6, 7, 15, 19, 28 – II–V вв.; тип 11 – II в.; типы 13, 37 – II – 1-я половина III в.; типы 34–36 – не ранее III в.; типы 26, 29 – III в.; тип 32 – III – начало IV в.; типы 21, 22, 31, 32, 34, 35, 36 – III–V вв.);

– *позднюю* (типы 3, 4, 12, 20, 24, 27, 30, 33 – 2-я половина III – V в.);

– *финальную* (типы 23, 25, 38 – IV–V вв.; типы 8, 10 – 2-я половина IV – V в.).

Для уточнения времени существования конкретных модификаций изделий необходимо учитывать контекст их нахождения с другими датирующимися категориями инвентаря во всех закрытых комплексах булан-кобинской культуры.

Важно отметить, что поясные бляхи населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. не имеют преемственности с местными ременными гарнитурами пазырыкской культуры и, судя по всему, не получают развития в снаряжении средневековых тюрок. Общей тенденцией генезиса поясных блях на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени следует считать переход к железу как основному материалу изготовления со II в., широкое использование блях-накладок из прямых пластин и пластин-полуобойм с подвижным кольцом во 2-й половине II – V в., а также сохранение большой вариативности оформления данной категории снаряжения на протяжении всего рассматриваемого периода.

ГЛАВА 4

НАКОНЕЧНИКИ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ РЕМНЕЙ, «БЛОКИ», ТРЕНЧИКИ, ЗАСТЕЖКИ, КРЕПЛЕНИЯ

Наконечники ремней

Наконечники ремней представляют собой функционально-декоративные предметы, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня, предохраняя его от стирания [Горбунова, 2004, с. 12; Тишкин, Горбунова, 2004, с. 115]. Эта разновидность гарнитур является весьма информативным источником при создании периодизаций культур сарматского времени Восточной Европы и Приуралья [Малашев, 2000; Симоненко, 2004]. Особенности конструкции и художественного оформления наконечников ремней учитывались при разработке дробной хронологии археологических памятников средневековья разных регионов Евразии [Кызласов, 1983; Богачев, 1992; Гавритухин, 1996; Амброз, 1971а; 1971б; Горбунова, 2004; и др.].

Перспективность хронологического изучения наконечников ремней хунно-сяньбийско-жужанского времени не вызывает сомнений. Однако полноценный анализ этой категории ременных гарнитур из памятников Северной и Центральной Азии обозначенного периода осложняют два момента. Во-первых, в опубликованных археологических материалах наконечники ремней составляют достаточно малочисленную коллекцию вещей. Во-вторых, большинство данных предметов выполнены из железа, имеют обычно плохую сохранность и лишены декоративных элементов, что существенно затрудняет их морфологическую атрибуцию в сравнении с экземплярами из цветного металла.

Морфологическое описание наконечника ремня включает в себя характеристику корпуса и дополнительных фиксирующих элементов, обычно в виде шпеньков.

Корпус – главный несущий элемент наконечника, выполненный обычно из одной или двух металлических пластин, реже имеющий иную конструкцию. Лицевая (внешняя) поверхность корпуса могла быть сплошной (моноконтурной), рельефной или фигурно прорезной. Последние два признака имеют декоративное значение. В составе корпуса выделяют *бортики* (длинные боковые стороны изделия), *носик* (передний край наконечника, образованный соединением бортиков под углом или по дуге), *основание* (противоположный носику край, на который опираются бортики, обычно под прямым углом) [Тишкин, Горбунова, 2004, с. 47, 115].

Шпенек – крепежный элемент, представляющий собой тонкий металлический стерженек, вставляемый в сквозное отверстие в корпусе или намертво прикрепленный к его тыльной поверхности. Шпенек продевался в соответствующие отверстия, пробитые в ремне. Для фиксации на тыльной стороне ремня шпенек загибается или расплющивается, а на лицевой поверхности наконечника имеет утолщение – шляпку, которая в некоторых случаях выполняла декоративную функцию. Наконечник мог

крепиться к ремню с помощью прорези (через нее пропускается ремень) или посредством петли на тыльной поверхности корпуса.

На сегодняшний день самая обширная коллекция ременных наконечников II в. до н.э. – V в. н.э. происходит из курганов булан-кобинской культуры Алтая. Ее изучение представляется актуальным не только для уточнения внутренней хронологии памятников данной общности, но и для получения новых сведений о генезисе снаряжения кочевников Алтае-Саянской горной страны в эпоху поздней древности и раннем средневековье.

Для классификации нами использовано 53 экземпляра хорошей и удовлетворительной сохранности, которые входили в состав поясов. При систематизации предметов применялась шестичленная схема со следующим наполнением таксонов: *группа* – материал изготовления; *разряд* – наличие или отсутствие декоративных прорезей в корпусе наконечника; *раздел* – способ крепления к ремню; *отдел* – конструкция корпуса; *тип* – абрис изделия [Матренин, 2012]. В результате сочетания обозначенных показателей нами выделено три группы, два разряда, три раздела, четыре отдела, 18 типов ременных наконечников булан-кобинской культуры Алтая.

Группа I. Наконечники из цветного металла.

Разряд I. Ажурные. Корпус наконечника имеет декоративные прорези.

Раздел I. Прорезные. Наконечники фиксировались к ремню с помощью прорези рядом с основанием.

Отдел I. Прямая или слегка согнутая пластина.

Тип 1. Овально-прямоугольные. Корпус имеет параллельные бортики почти по всей своей длине, закругленный носик, прямое основание. Всего 1 экз. средних пропорций – отношение длины к ширине не менее 1 : 2,5 (4,6 × 1,6 см): Яломан-II, курган № 60 (рис. 18, 1; 19, 1).

Разряд II. Сплошные. Наконечник имеет монолитный корпус без декоративных прорезей.

Раздел I. Прорезные.

Отдел I. Прямая или слегка согнутая пластина.

Тип 2. Овально-прямоугольные. Всего 1 экз. удлинённых пропорций – из могильника Усть-Эдиган (номер кургана нам неизвестен). Отношение длины к ширине не менее 1 : 4. Размер изделия по публикации точно не установлен (рис. 18, 2; 19, 2).

Раздел II. Накладные. Наконечники фиксируются на ремне с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Отдел I. Прямая или слегка согнутая пластина.

Тип 3. Овально-прямоугольные. Всего 1 экз. удлинённых пропорций – отношение длины к ширине 1 : 4 (8 × 1,7 см): Кок-Паш, курган № 2 (рис. 18, 3; 19, 3).

Тип 4. Овально-прямоугольные вогнутые. Всего 1 экз. удлинённых пропорций (5 × 1,1–0,9 см): Айрыдаш-I, курган № 146 (рис. 18, 4).

Отдел II. Пластина, сложенная пополам в полюбойму.

Тип 5. Прямоугольные. Корпус имеет четко выраженные прямые углы и длинные параллельные бортики. Всего 1 экз. удлинённых пропорций (4,3 × 0,87 см): Балык-тыюль, курган № 227 (рис. 18, 5; 19, 4).

Отдел III. Две пластины, наложенные одна на другую.

Тип 6. Овально-прямоугольные вогнутые. Всего 1 экз. удлинённых пропорций (8,3 × 1,1–1,5 см): Булан-Кобы-IV, погребение № 2 (р. 7, п. 2) (рис. 18, 6).

Раздел III. Вкладышевые. Ремень пропускается через втулку или петлю на тыльной стороне наконечника.

Отдел IV. Цельная или прорезная трубочка со срезанным ложечковидным передним краем.

Тип 7. Язычковидные. Всего 5 экз. средних пропорций (4–5,9 × 1,2–1,6 см): Яломан-II, курганы № 23а, 48, 62; Карбан-I, курган № 11; Айрыдаш-I, курган № 166 (рис. 18, 7; 19, 5–7).

Группа II. Железные наконечники.

Разряд II. Сплошные.

Раздел II. Накладные.

Отдел I. Прямая или слегка согнутая пластина.

Тип 8. Овально-прямоугольные. 13 экз. укороченных пропорций – соотношение длины к ширине не более 1 : 2 (2,1–2,4 × 0,9–1,6 см; 4,5–4,7 × 3,1 см): Верх-Уймон, курганы № 5, 13; Булан-Кобы-IV, погребение № 66 (курган № 34); Улут-Чолтух-I, курганы № 1, 27; Айрыдаш-I, курганы № 63, 98, 107, 165; Яломан-II, курган № 33, погребение № 1; Дялян; Айрыдаш-I, курганы № 110, 160; 1 экз. удлинённых пропорций (5,1 × 1,4 см) из могильника Дялян (номер кургана нам неизвестен) (рис. 18, 8–10; 19, 8–12).

Тип 9. Пятиугольные. Корпус имеет пять хорошо выраженных углов и параллельные бортики. Всего 3 экз. укороченных пропорций (1,9–3 × 1,5–1,9 см): Верх-Уймон, курган № 13; Улут-Чолтух-I, курганы № 15, 23 (рис. 18, 11, 12; 19, 13, 14).

Тип 10. Пятиугольные вогнутые. От предыдущего типа отличается тем, что бортики у основания почти параллельные, а в средней части длины вогнутые. 2 экз. укороченных пропорций (2,5–3,3 × 1,2–1,6 см): Улут-Чолтух-I, курган № 10; Булан-Кобы-IV, погребение № 26 (р. 2, п. 11). 1 экз. средних пропорций: Айрыдаш-I, курган № 25; 2 экз. удлинённых пропорций (5–15,4 × 1,5–2,4 см): Кок-Паш, курган № 40, Айрыдаш-I, курган № 25 (рис. 18, 13, 14; 19, 15, 16).

Тип 11. Язычковидные. Корпус на ассоциативном уровне напоминает язычок. Бортики у основания параллельные, а с середины длины или ближе к переднему краю значительно расширяются по дуге, образуя таким образом носик. 2 экз. укороченных пропорций (2,6–3,5 × 1–1,6 см): Айрыдаш-I, курганы № 20, 117. 1 экз. средних пропорций (4,1–4,5 × 1,5–2 см): Кок-Паш, курган № 28; 3 экз. удлинённых пропорций (6,2–9,6 × 1,3–2,1 см): Степушка-I, курган № 17; Айрыдаш-I, курган № 109; Белый-Бом-II, курган № 12, погребение № 3 (рис. 18, 15, 16; 19, 17, 18).

Отдел III. Две равновеликие пластины, наложенные одна на другую.

Тип 12. Овально-прямоугольные. Всего 1 экз. укороченных пропорций: Кок-Паш, курган № 31 (рис. 18, 17; 19, 19).

Тип 13. Язычковидные. Всего 1 экз. удлинённых пропорций из могильника Дялян (номер кургана нам неизвестен) (рис. 18, 18; 19, 20).

Раздел III. Вкладышевые. Ремень пропускается через втулку или петлю на тыльной стороне наконечника.

Отдел IV. Цельная или прорезная трубочка со срезанным ложечковидным передним краем.

Тип 14. Язычковидные. Всего 1 экз. средних пропорций (4,5 × 0,9–1,2 см): Яломан-II, курган № 47 (рис. 18, 19; 19, 21).

Тип 15. Овально-прямоугольные. Всего 2 экз. средних пропорций (4,1 × 1,1 см): Усть-Эдиган, курган № 32 (рис. 18, 20).

Группа III. Костяные (роговые) наконечники.

Разряд II. Сплошные.

Раздел III. Вкладышевые. Ремень пропускается через втулку или петлю на тыльной стороне наконечника.

Отдел IV. Цельная или прорезная трубочка со срезанным ложечковидным передним краем.

Тип 16. Овально-прямоугольные. Всего 1 экз. средних пропорций (3,8 × 1,1 см): Сары-Бел, курган № 250 (рис. 18, 21; 19, 24).

Тип 17. Килевидные. 5 экз. средних пропорций (3–5,9 × 1–1,5 см): Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 3; Чендек, курган № 30; Пазырык, курган № 24; Карбан-I, курган № 27; Бош-Туу-I, курган № 32. 2 экз. удлинённых пропорций (6,7–6,8 × 1,2–1,5 см): Яломан-II, курган № 43; Бош-Туу-I, курган № 54 (рис. 18, 22; 19, 22, 23, 25, 26).

Тип 18. Трапециевидные. Всего 1 экз. удлинённых пропорций (9 × 1,5–1,9 см): Бош-Туу-I, курган № 55 (рис. 18, 23).

Представим наиболее важные результаты типологического анализа систематизированных изделий, которые нами уже в основном опубликованы [Матренин, 2012].

В классификации наконечники из цветного металла (группа I) насчитывают всего 7 экз. В анализируемом собрании это предметы из бронзового сплава, химический состав которых определен пока только для изделий хуннуского времени из могильника Яломан-II [Тишкин, Хаврин, 2004, табл. 1].

Наиболее ранними являются ажурные наконечники (разряд I) с креплением в виде прорези (раздел I), выполненные из прямой металлической пластины (отдел I), и аналогичные им по конструкции и способу фиксации сплошные наконечники (разряд II). Они имеют овально-прямоугольную форму (типы 1 и 2). Похожие модификации в бронзовом и железном материале (с золотым покрытием) известны в памятниках хунну Забайкалья и Монголии конца I в. до н.э. – I в. н.э. [Коновалов, 1976, табл. XIV, 1–14; Могильников, 1992, табл. 106, 8; Давыдова, 1995, табл. 14, 11, 12; Цэвэндорж, 2000, зураг 12, 13; Миняев, Сахаровская, 2002, рис. 8, 19, 23, 13, 3; Дуурлиг Нарсны..., 2003, зураг 18, 1–3]. Аналогичные наконечники ремней в I–II вв. представлены в поясных гарнитурах кочевого населения Бактрии и Согда [Сарианиди, 1989, рис. 37, 2; Мандельштам, 1992, табл. 42, 21;

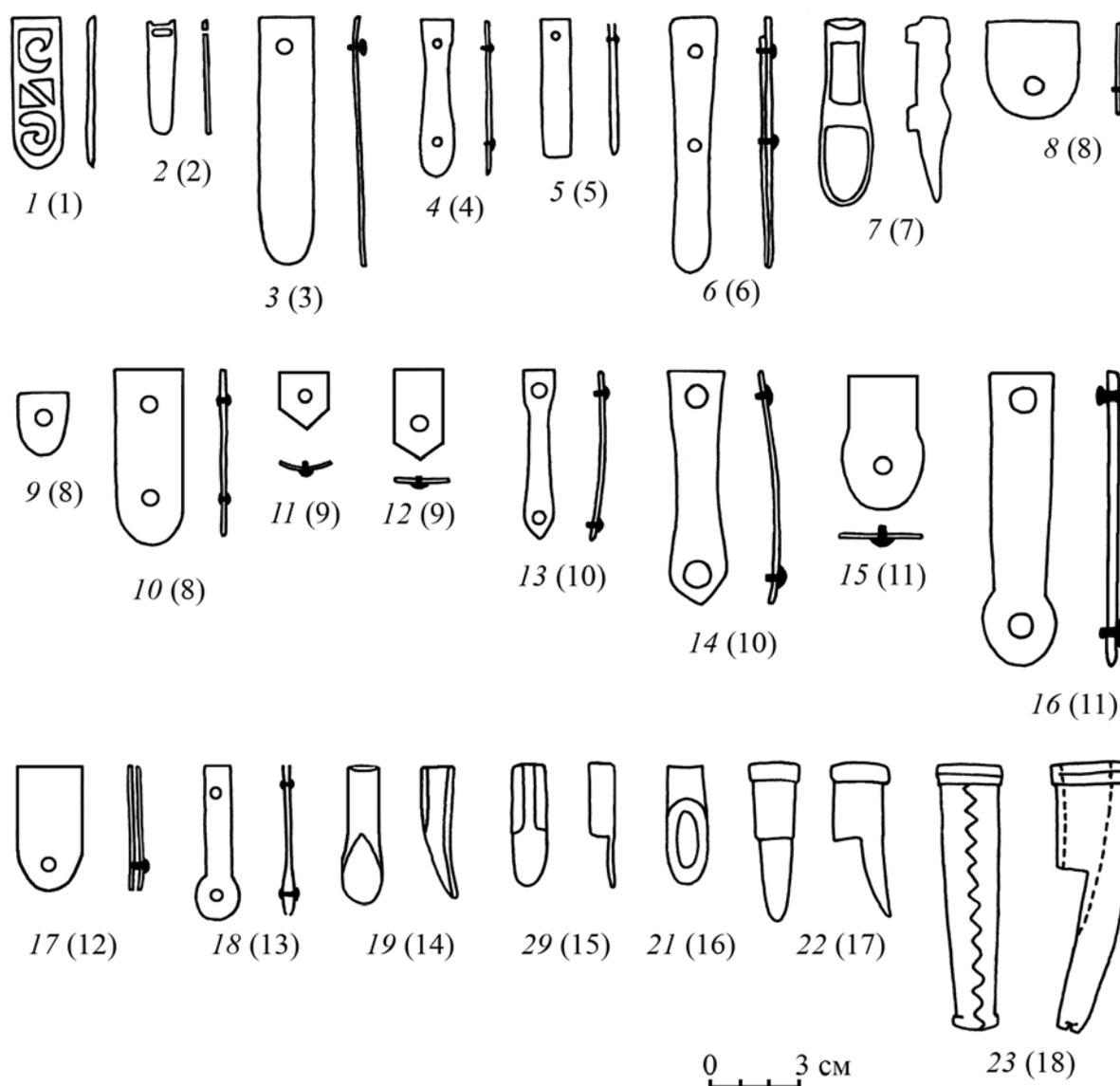

Рис. 18. Типы наконечников ремней кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (на рисунке в скобках указаны номера типов):

- 1, 7, 19 – Яломан-II; 2, 20 – Усть-Эдиган; 3, 14, 15, 17 – Кок-Паш; 4, 13 – Айрыдаш-I; 5 – Балыктыюль; 6 – Булан-Кобы-IV; 8, 10, 18 – Дялян; 9, 11 – Улуг-Чолтух-I; 12 – Верх-Уймон; 16 – Степушка-I; 21 – Сары-Бел; 22 – Пазырык; 23 – Бош-Туу-I; 1–7 – бронза; 8–20 – железо; 21–23 – рог

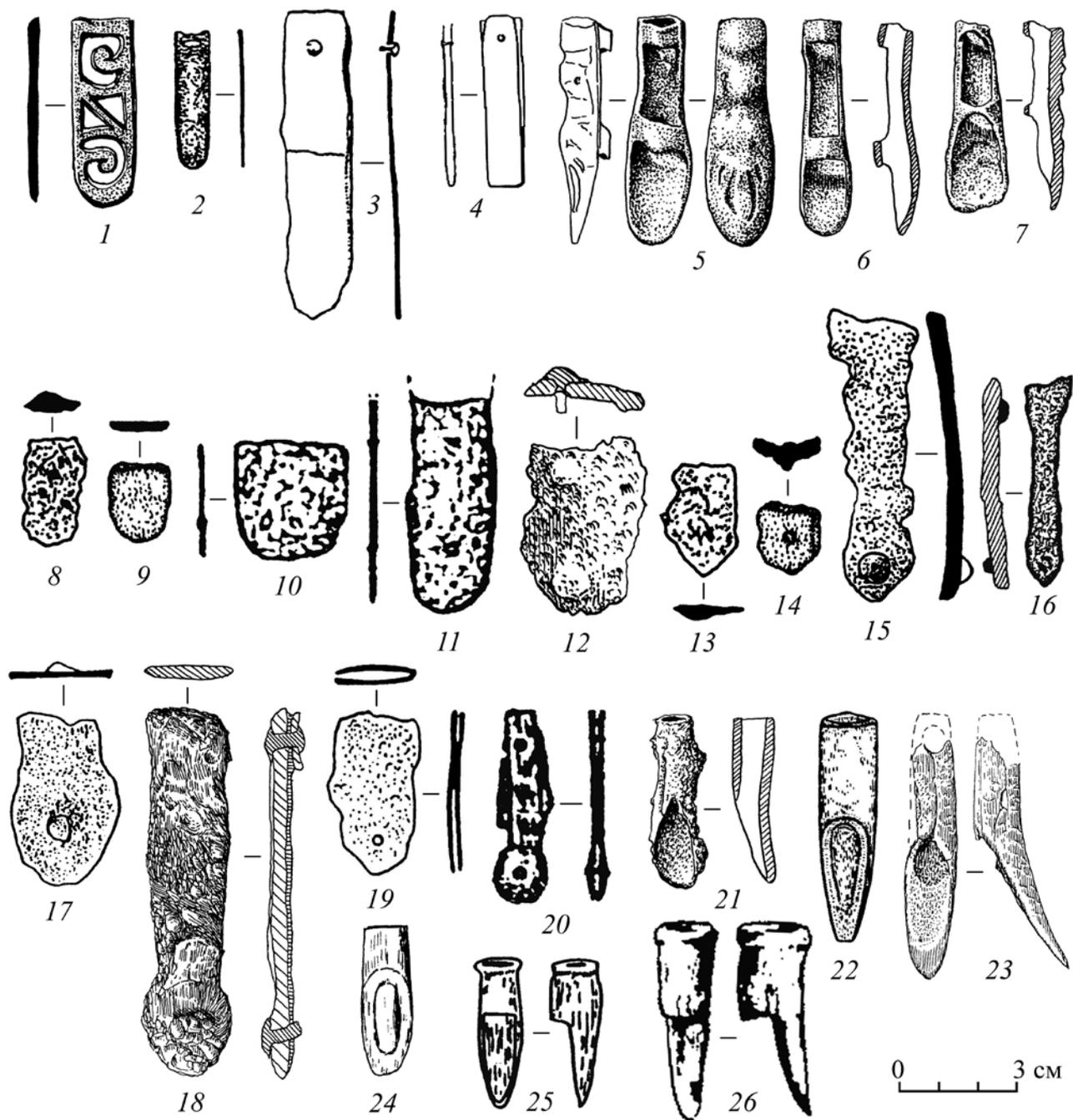

Рис. 19. Наконечники ремней из памятников булан-кобинской культуры:

1 – Яломан-II, курган № 60 (по: [Тишкин, Матренин, 2011]); 2 – Усть-Эдиган, курган без номера (по: [Тетерин, 1995]); 3 – Кок-Паш, курган № 2 (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2002]); 4 – Балыктыполь, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]); 5–7 – Яломан-II, курганы № 23а, 48, 62 (по: [Тишкин, 2005]); 8, 13 – Верх-Уймон, курган № 13 (по: [Соенов, Эбель, 1992]); 9, 14 – Улуг-Чолтух-I, курганы № 27, 23 (по: [Борисенко, Худяков, 2004]); 10, 11, 20 – Дялян, курган без номера (по: [Тетерин, 1995]); 12 – Яломан-II, курган № 33, погребение № 1 (по: [Матренин, 2012]); 15, 17, 19 – Кок-Паш, курганы № 40, 28, 31 (по: [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]); 16 – Айрыдаш-I, курган № 25 (по: [Суразаков, Соенов, 2010]); 18 – Степушка-I, курган № 17 (по: [Матренин, 2012]); 21, 23 – Яломан-II, курганы № 47, 43 (по: [Тишкин, 2005а; Tishkin, 2011]); 22 – Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 3 (по: [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990]); 24 – Сары-Бел, курган № 250 (по: [Соенов, 1999]); 25 – Чендек, курган № 30 (по: [Соенов, Эбель, 1992]); 26 – Пазырык, курган № 24 (по: [Сорокин, 1977]); 1–7 – бронза; 8–21 – железо; 22–26 – рог

Никаноров, Худяков, 1999, рис. 1, 10; Горбунова, 2001, рис. 5, 13, с. 143–144]. Примерно в это же время из Центральной или Средней Азии наконечники ремней типа 2 попадают в качестве импортов к племенам саргатской культуры Западной Сибири [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 22, рис. 16, 2, 3; Матвеева, 1993, рис. 10, 13, 14; 1994, рис. 30, 39,

36, 4; 2000, с. 70, рис. 17, 3; Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 57, рис. 45, 3, 4]. Под влиянием азиатских традиций наконечники ремней типа 2 получили применение у сарматов Приуралья и Восточной Европы во 2-й половине I – II в. [Малашев, 2000, с. 198–200, 209, 222, 223, рис. 2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 56–57, рис. 205, 11–17], от которых единичные экземпляры проникают к «пьяноборскому» населению Прикамья [Пшеничнюк, 1968, рис. 15, 10, с. 80]. Морфологически близкие предметы встречаются у фоминского населения предгорий Кузнецкого Алатау в III – начале IV в. [Ширин, 2003, табл. LXXVIII, 125–127]. В сарматском снаряжении 2-й половины II – 1-й половины III в. изделия данного типа выполняли функцию подвесок у наконечников, изготовленных из пластины-полуобоймы [Малашев, 2000, с. 209, рис. 2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 56–57]. Известны более поздние находки (IV–V вв.) таких изделий из Центрального Казахстана [Максимова, 1972, рис. 5, 2]. В Центрально-Азиатском регионе близкие по конструкции, но иные по форме и размерам «двусоставные» наконечники зафиксированы в конском снаряжении поздних хунну Юго-Восточного Забайкалья I в., сяньби Северо-Восточного Китая конца III – IV в., когурёсцев Кореи в IV–V вв. [Archaeological Team..., 1984, p. 35, 44; Dong Gao, 1995, tab. 1, 1–3; Wang Wei, 1997, fig. 2, 10, 3, 2, 5, 4, 1; Excavation of Tomb..., 1997, fig. 20, 4; Wang Renxiang, 2009, p. 458].

Для территории Алтая время бытования наконечников ремней типов 1 и 2 следует определить в рамках 2-й половины I в. до н.э. – I в. н.э. с возможностью «доживания» их до начала II в. Такие модификации генетически связаны с хуннуской культурной традицией, но произведены, скорее всего, уже на местной ремесленной базе. Для экземпляра, найденного в могильнике Яломан-II, данный вывод документируется результатами изучения состава бронзового сплава [Тишкин, Хаврин, 2004, с. 304]. Художественное оформление типа 1 воспроизводит элементы декора поясных ажурных блях, что может быть основанием для его более ранней датировки. Этому не противоречит обнаружение данного наконечника в закрытом комплексе (курган № 60) с ажурными бляхами-накладками, точные подобия которых имеются в Иволгинском могильнике II–I вв. до н.э. [Давыдова, 1996, табл. 39, 2]. Кроме прочего, следует указать в основном на «ранний» облик сопроводительного инвентаря многих расположенных по соседству с ним погребений некрополя Яломан-II [Тишкин, Горбунов, 2005a, с. 328–332, рис. 1; Тишкин, Матренин, 2011, с. 162–169]. Близкие по декору экземпляры встречаются в более поздних хуннуских памятниках Монголии [Цэвэндорж, 2000, зураг 13; Цэвэндорж, Баяр, Цэрэндагва, Очирхуяг, 2008, рис. 59, 12, 13]. Похожие в стилистическом отношении аналогии рассматриваемому изделию происходят из Бабашовского некрополя кушанского времени (Бактрия) и могильника Новый (Восточная Европа) [Малашев, Яблонский, 2008, с. 57, рис. 205, 9, 11, 12].

Бронзовые наконечники ремней со сплошным корпусом (разряд I) накладного крепления (раздел II) отличаются более разнообразной конструкцией. Изделия, выполненные из прямой пластины (отдел I), имеют овально-прямоугольную форму (тип 3). Их изобретение, по-видимому, связано с металлическими бляхами-накладками, фиксирующимися при помощи вставных шпеньков. Ранние экземпляры наконечников ремней с таким способом крепления могли появиться в Центральной Азии у хунну и сяньби в I–II вв. Несколько накладных наконечников ремней со шпеньковым креплением, имеющих овально-прямоугольную форму корпуса, обнаружено при раскопках элитного погребального комплекса хунну Гол-Мод-2 (конец I в. до н.э. – I в. н.э.) в Центральной Монголии*. На территории Саяно-Алтайской горной страны ближайшая аналогия наконечнику ремня типа 3, правда укороченных пропорций, представлена в могильнике Кокэль [Дьяконова, 1970, табл. XI, 51], который датируется концом III – IV в. [Николаев, 2000; 2001].

Наконечники типа 3 находят многочисленные аналогии в позднесарматских памятниках Приуралья и Восточной Европы. В рамках сарматской хронологии их появление

* Автор в очередной раз благодарит нашего монгольского коллегу Д. Эрдэнэбаатора за возможность познакомиться с неопубликованными коллекциями этого уникального памятника.

относят к 1-й половине III в. [Малашев, 2000, рис. 2]. Похожие наконечники ремней распространяются в Прикамье в начале IV в. [Останина, 1997, рис. 51]. Наконечники типа 3 встречаются у носителей саргатской культуры Притоболъя в III – начале IV в. [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 58, 19, табл. 10]. К этому же времени могут принадлежать экземпляры типа 3 из Новосибирского Приобья, а также из предгорий Кузнецкого Алатау [Меженова, Мжельская, 2000, с. 196–197; Ширин, 2003, табл. LXXIX, 139].

С учетом доступных археологических источников, к сожалению малочисленных для Северной и Центральной Азии, начальный период использования наконечников ремней типа 3 населением Алтая можно определить предварительно в рамках 2-й половины II – начала III в., что соответствует времени широкого распространения в данном регионе наборных поясов с бляхами-накладками шпенькового крепления. Верхняя хронологическая граница бытования ременных наконечников типа 3 определяется нами пока условно концом V в.

Единственный экземпляр ременного наконечника в виде овально-прямоугольной фигуры с вогнутыми боковыми сторонами (тип 4) происходит из могильника Айрыдаш-I. Он входил в состав наборного пояса с редкими типами бронзовых гарнитур (пряжка с подвижным язычком и неподвижным щитком, четко выделенным от рамки, звездчовидные бляхи-накладки), имеющими аналогии в позднесарматском снаряжении конца II – 1-й половины III в. (см. об этом главы 2, 3 монографии).

Бронзовые наконечники ремней накладного способа крепления (раздел II) из сложенной в полубойму пластины (отдел II) представлены одним экземпляром прямоугольной формы (тип 5). Происхождение данного типа можно рассматривать в контексте развития пряжек с подвижными щитками. Возможные прототипы рассматриваемых изделий (пряжки с прямоугольными щитками удлинённых пропорций) появляются во 2-й половине II в. Наиболее массово такие наконечники представлены у сарматов во 2-й половине II – 1-й половине III в. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 57]. В середине III в. данные изделия приобретают валикообразное расширение у носика, являющееся диагностирующим маркером заключительной стадии позднесарматской культуры (2-я половина III – 3-я четверть IV в.) и культуры степняков гуннского времени (конец IV – V в.) Нижней Сырдарьи, Приуралья, Восточной Европы [Левина, 1993б, рис. 49, 17; Засецкая, 1994, табл. 14, 10–12, 46, 7; Абрамова, 1997, рис. 70, 24–27; Малашев, 2000, с. 210; Малашев, Яблонский, 2008, с. 57; и др.]. Наконечники типа 5 были популярными в Прикамском регионе с рубежа III–IV вв. до 2-й половины V в. включительно, где их ранние экземпляры (до 2-й половины IV в.) не имели валикообразного расширения у носика [Генинг, 1979, рис. Б; Останина, 1997, рис. 29, 13, 32, 1, 34, 17, 35, 20, 36, 19, 67, 24].

Одной из наиболее ранних аналогий типу 5 с территории Западной Сибири является наконечник ремня (правда, укороченных пропорций), обнаруженный в погребальном памятнике кулайской культуры Ордынское-1 в Новосибирском Приобье [Троицкая, 1979, табл. XXIV, 10], датирующийся, по-видимому, концом I – II в. Похожий экземпляр удлинённых пропорций, но в железном исполнении, происходит из погребения кокзальской культуры в пункте Хара-Даг-Бажи (Западная Тува), датирующегося, судя по составу сопроводительного инвентаря, не ранее III в. [Данченко, Нестеров, 1989, рис. 3, 3]. Ременные наконечники рассматриваемой конструкции представлены в северо-вэйских погребениях Северного Китая (конец IV – 1-я треть VI в.) и у населения Корейского полуострова (IV–V вв.) [Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 5, 2–5, 10; Гао Фэн, 2006, с. 62].

Таким образом, начальный этап применения наконечников ремней типа 5 кочевниками Алтая приходится на конец II – 1-ю половину III в. Единственный экземпляр данного типа происходит из кургана № 227 могильника Балыктыюль, датирующегося серединой III в. Аналогичное по конструкции изделие, применявшееся в качестве поясной бляхи, найдено при раскопках булан-кобинского погребения IV в. на могильнике Степушка-I (курган № 13) [Тишкин, Матренин, 2013б]. Для установления верхней хронологической границы бытования таких наконечников ремней на Алтае

имеющихся материалов пока явно недостаточно, хотя можно допустить, что они существовали до конца булан-кобинской культуры.

Бронзовые наконечники ремней из двух сплошных равновеликих пластин, накладываемых одна на другую (отдел III), в нашей классификации имеют овально-прямоугольный абрис удлинённых пропорций (тип б). Похожие по конструкции и схеме крепления экземпляры с разной формой корпуса (прямоугольная, овально-прямоугольная, овальная, килевидная) представлены в снаряжении кочевников джетыясарской культуры Восточного Приаралья в IV– начале V в. [Левина, 1993а, рис. 52, 1–4, 8, 15; 1993б, рис. 49, 14, 15]. Ременные наконечники описываемой конструкции известны в когурёсской экипировке Кореи в IV–V вв. [Zhang Xue-Yan, 2004, fig. 5, 9]. На Северном Кавказе такие образцы датируются V в. [Абрамова, 1997, рис. 73, 15]. Аналогичные наконечники из Прикамья относятся ко 2-й половине IV – началу V в. [Генинг, 1979, рис. 3, 47]. Таким образом, наконечники ремней типа б в хронологическом отношении являются более поздними, чем изделия отделов I, II, и разрабатываются они, по-видимому, на основе типа 3. Начальный период бытования наконечников ремней типа б на территории Алтая предварительно можно ограничить концом III – IV в. Такую датировку подтверждает сопроводительный инвентарь погребения могильника Булан-Кобы-IV, содержащего наконечник данного типа, и в целом вещевого комплекса этого некрополя. Для решения вопроса о появлении ременных наконечников типа б посредством заимствования населением булан-кобинской культуры элементов поясных наборов «среднеазиатского» облика либо в результате их самостоятельного (следовательно, более раннего) изобретения на Алтае необходим более обширный корпус археологических источников.

Бронзовые вкладьшевые (раздел III) наконечники с основанием в виде цельной или прорезной трубочки-втулки и срезанным ложечковидным носиком (отдел IV) представлены предметами язычковидной формы (тип 7). Их прототипами можно считать конструктивно близкие металлические и костяные застёжки, встречающиеся иногда в составе поясов скифо-сакского времени [Семенов, 2003, табл. 92, 1–3; Шульга, 2003, с. 109–110]. Образцы наконечников типа 7 с прорезной втулкой, называемые часто «ложечковидными застёжками», выступают ярким маркером погребального инвентаря хунну Монголии и Забайкалья II–I вв. до н.э. [Лю Цзюинси, 1965, рис. 8, 1, 2; Давыдова, 1996, табл. 8, 3, 4, 7, 16, 2, 26, 2, 39, 6, 46, 15, 16, 51, 4–7; Миняев, 1998, табл. 8, 15, 64, 5–7, 57, 13, 63, 4, 5, 80, 4–7, 81, 4–6, 83, 29–31, 93, 3, 103, 8–13, 104, 8–13, 125, 7; и др.]*. С хуннуским влиянием связано присутствие данных наконечников в снаряжении населения Прибайкалья (II–I вв. до н.э.), племен тесинской культуры Среднего Енисея (середина I в. до н.э. – начало II в. н.э.), кочевников Тувы (I в. до н.э.), народов Ачинско-Мариинской лесостепи (не ранее I в. до н.э.), носителей саргатской культуры (не ранее I в. до н.э.) [Матвеева, 1994, рис. 58, 21; Савинов, 2009, табл. XXIV, 44, XXV, 3, 4, XLVII, 14, 15; Кузьмин, 2011, табл. 40, 22–24, 74, 3, 4, 24, 29, 89, 16, 17; Leus, 2011, fig. 20, 3; Харинский, Коростелев, 2011, рис. 5, 4, 6; Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 16, 1, 2, 31, 17, 18, 33, 8, 18, 38, 4, 8, с. 85, 95, 98]. На рубеже новой эры в Центральной Азии их потеснят металлические модификации с цельной втулкой [Ерөөл-Эрдэнэ, Гантулга, 2008, зураг 13; Brosseder, 2011, fig. 50, 36; Эрдэнэбаатар, Идерхангай, Мижидорж, Оргилбаяр, Батболд, Галбадрах, Маратхаан, 2015, т. 141]. Население булан-кобинской культуры стало использовать наконечники типа 7 с прорезной втулкой со 2-й половины II в. до н.э.** Верхняя хронологическая граница активного применения таких наконечников определяется II в., хотя нельзя исключить, что отдельные экземпляры могли существовать и позже. Модификации типа 7 с цельной втулкой относятся к концу I в. до н.э. – II в. н.э.

Железные наконечники ремней (группа II) все сплошные (разряд II), преимущественно накладные (раздел II), в основном из одной прямой или слегка согнутой пластины (от-

* Представительные археологические серии из могильников хунну на территории Бурятии показывают, что данные изделия использовались также в качестве подвесок на верхней одежде.

** К образцам наконечников типа 7 с территории Алтая принадлежит случайная находка у горы Иску [Суразаков, 1989, рис. 33, 21].

дел I), с овально-прямоугольным (тип 8), пятиугольным (тип 9), вогнуто-пятиугольным (тип 10), язычковидным (тип 11) абрисом. Датировка типа 8 в рамках булан-кобинской культуры, вероятно, совпадает с выкладками, полученными для типа 3, т. е. укладывается в хронологический интервал от 2-й половины II в. до V в. включительно. Наконечник ремня типа 8 обнаружен в Туве в памятнике кокзельской культуры Кара-Тал-IV (курган № 3, погребение № 8), археологический возраст которого не ранее рубежа II–III вв. [Памятники кокзельской культуры Тувы, 2010, с. 64]. Аналогия типу 9 имеется в сяньбийском могильнике Лаохэшэнь II – начала III в. из Маньчжурии [Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen, 1985, fig. 14, 7]. На Алтае наконечники ремней типов 9 и 10 появляются, видимо, немного позже. Они происходят из памятников, датирующихся преимущественно III в. и IV–V вв. Вопрос о «доживании» рассмотренных выше типов 8–10 в археологических культурах раннего средневековья требует самостоятельного исследования. В этой связи следует, например, отметить, что изделия типа 9 используются до VII в. включительно племенами Новосибирского Приобья [Троицкая, 1996, рис. 1, 12, 16].

Язычковидные наконечники ремней типа 11 обнаруживают сходство с бронзовыми подвесками ременных наконечников поздних сарматов, у которых они появляются в 1-й половине – середине III в. [Малашев, 2000, рис. 6Д, 1, с. 210]. Похожие наконечники и накладки из цветного металла имеются в памятниках Прикамья 2-й половины – конца III – V в. [Генинг, 1979, рис. А, 13, Г, 11, Д, 17, 22, 23; Останина, 1997, рис. 51, 34]. Бронзовые наконечники язычковидной формы, правда с креплением в виде прорези у основания, найдены в фоминском комплексе Усть-Абинского могильника и датируются по сопутствующим вещевым наборам 2-й половиной III – IV в. [Ширин, 2003, табл. LXXVIII, 126, 127]. С учетом этих немногочисленных сравнений можно допустить, что нижней датой типа 11 для территории Алтая является III в., вероятно, середина столетия. Самые поздние экземпляры в булан-кобинской культуре относятся к концу IV – V в.

Железные наконечники ремней разряда II накладного способа крепления (раздел II), состоящие из двух равновеликих пластин (отдел III), представлены изделиями овально-прямоугольной (тип 12) и язычковидной (тип 13) формы. Такая конструкция корпуса, правда с овально-прямоугольным абрисом удлинённых пропорций, широко встречается среди наконечников из благородных металлов и бронз джетысарской культуры Нижней Сырдарьи в погребальных комплексах IV – начала V в. [Левина, 1993а, рис. 52, 1–4, 8, 9]. Редкие находки похожих наконечников известны в Прикамье в материалах V в. [Останина, 1997, рис. 36, 10]. Вопрос о генезисе наконечников ремней типов 12 и 13 на территории Алтая должен решаться с учетом выкладок, полученных для типа 6 (конструкция корпуса) и типов 8, 11 (форма корпуса). Принимая во внимание данные сравнения, период бытования ременных наконечников типов 12 и 13 определяется нами предварительно в рамках IV–V вв.

Железные вкладышевые наконечники (раздел III) с основанием в виде цельной трубочки-втулки и срезанным ложечковидным носиком (отдел IV) объединяют экземпляры язычковидной (тип 14) и овально-прямоугольной (тип 15) формы. В материалах хуннской культуры II–I вв. до н.э. они встречаются редко [Кириллов И. И., Ковычев, Кириллов О. И., 2000, рис. 62, 1, 6]. Достаточно многочисленные аналогии им обнаружены в тесинской культуре Среднего Енисея середины I в. до н.э. – 1-й половины II в. н.э. [Пшеницина, 1975, с. 159, рис. 3, 13; Грязнов, 1979, с. 86, рис. 52, 13; Савинов, 2009, табл. XXV, 12; Кузьмин, 2011, табл. 40, 26–32, 74, 54, 76, 2, 3]. Образцы ременных наконечников типа 14 происходят с территории Тувы из погребений конца I – II в. некрополя Аймырлыг-XXXI [Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81, 3, 4]*. Поздние реплики таких изделий известны в фоминских памятниках Верхнего Приобья II–III вв. [Ширин, 2003, табл. XXX, 4, LII, 8]. Основываясь на сделанных типологических наблюдениях, известные наконечники типов 14 и 15 из памятников булан-кобинской

* Часть неопубликованной коллекции данного могильника любезно показана Н. Н. Николаевым, за что выражаем ему глубокую признательность.

культуры предпочтительно датировать 2-й половиной I в. до н.э. – началом II в. н.э. Они, по-видимому, являются производными от бронзовых наконечников типа 7.

Костяные (роговые) наконечники ремней (группа III) со сплошным корпусом (разряд II), вкладышевым креплением (раздел III), имеющие основание в виде цельной трубочки и срезанный ложечковидный передний край (отдел IV), включают экземпляры овально-прямоугольной (тип 16), килевидной (тип 17), трапецевидной (тип 18) формы. Основная проблема в изучении генезиса данных типов у булан-кобинского населения Алтая заключается в том, что мы не имеем прочных оснований связать их происхождение с аналогичными костяными образцами центральноазиатских хунну II–I вв. до н.э. [У Энь, Чжунь Кань, Ли Цзяньцзэн, 1990, с. 99, рис. 15, 2; Давыдова, 1995, табл. 23, 16, 46, 17, 18; 1996, табл. 185, 36–38]* либо с похожими местными бронзовыми наконечниками типа 7. Принимая во внимание выводы, сделанные для металлических ложечковидных модификаций, наконечники типов 16–18 можно датировать пока только в широких рамках II в. до н.э. – II в. н.э.

Таким образом, проведенное исследование дает основание рассматривать ременные наконечники в качестве одного из хронологических индикаторов предметного комплекса населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Типологический анализ данных предметов позволил определить их относительную датировку и генезис. Обобщая полученные результаты с учетом корреляции «нижних» временных границ бытования изделий, можно выделить несколько хронологических серий наконечников ремней булан-кобинской культуры Алтая:

- *раннюю* (типы 16–18 – II в. до н.э. – II в. н.э.; тип 7 – 2-я половина II в. до н.э. – II в. н.э.; типы 1, 2, 14, 15 – 2-я половина I в. до н.э. – начало II в. н.э.);
- *среднюю* (типы 3, 8 – 2-я половина II в. – V в.; тип 4 – II – 1-я половина III в.; тип 5 – конец II – середина III в.; типы 9, 10 – III–V вв.);
- *позднюю* (тип 11 – середина III – V в.; тип 6 – конец III – IV в.);
- *финальную* (типы 12, 13 – IV–V вв.).

Распределители ремней

Распределители ремней являются разновидностью функционально-декоративной гарнитуры, предназначенной для сочленения (пересечения) ремней. Данные предметы состоят из центральной части и лопастей. *Центральная часть* – это середина изделия (место перекрестья ремней). *Лопастни* – части распределителя, отходящие от центра [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 12–13].

В погребальных памятниках Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени нами учтено 33 изделия данного функционального назначения хорошей и удовлетворительной сохранности. Для классификации ременных наконечников применялась шестичленная схема таксономического группирования со следующим набором морфологических признаков: *группа* – материал предмета; *разряд* – конструкция лопастей; *раздел* – количество лопастей; *отдел* – способ соединения лопастей с ремнем; *тип* – форма центральной части**. В результате систематизации выделены две группы, один разряд, два раздела, два отдела, девять типов распределителей ремней.

Группа I. Железные.

Разряд I. С подвижными лопастями в виде пластины с загнутым на тыльную сторону одним краем либо согнутой пополам в полуобойму.

* Вопрос о том, могут ли хуннуские костяные ложечковидные наконечники продолжать линию развития аналогичных предметов скифо-сакского времени, требует отдельного изучения, выходящего за рамки настоящего исследования.

** Опираясь на положительный опыт классификации и типологии распределителей ремней эпохи средневековья, при таксономическом группировании данных изделий было бы вполне логичным рассматривать такой признак, как форма (абрис) лопастей [Кызласов, 1983; Овчинникова, 1990; Григоров, 1998; Горбунова, 2004]. Отказ учитывать данный параметр обусловлен плохой сохранностью большинства железных экземпляров, анализируемых в нашем исследовании.

Раздел I. Одна лопасть.

Отдел I. Шпеньково-накладной и перекидной способ крепления. Один ремень фиксируется к лопасти с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков, другой – путем перекидывания конца через центральную часть распределителя с последующим прошиванием.

Тип 1. Четырехугольные (подквадратные, прямоугольные, трапециевидные). Всего 11 экз.: Кок-Паш, курганы № 33, 35; Яломан-II, курган № 31; Булан-Кобы-IV, погребения № 19 (р. 2, п. 4), 26 (р. 2, п. 11); Белый-Бом-II, курган № 25, погребение № 4 (р. 1, п. 4) (3); Айрыдаш-I, курганы № 142, 158; Степушка-I, курган № 9 (рис. 20, 1–3).

Тип 2. Округлые. Всего 2 экз.: Кок-Паш, курган № 45; Булан-Кобы-IV, погребение № 6 (р. 1, п. 2) (рис. 20, 4).

Тип 3. Т-образные. Всего 3 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 15 (р. 2, п. 11); Яломан-II, курганы № 31, 33, погребение № 1 (северный скелет) (рис. 20, 5, 6).

Раздел II. Две лопасти.

Отдел II. Шпеньково-накладной. Ремни фиксируются к лопастям с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Тип 4. Четырехугольные (подквадратные, прямоугольные). Всего 8 экз.: Кок-Паш, курганы № 33, 35, 42; Яломан-II, курган № 33, погребение № 1 (южный скелет) (2); Белый-Бом-II, курган № 25, погребение № 4 (р. 1, п. 4) (3) (рис. 20, 7, 8).

Тип 5. Округлые. Всего 5 экз.: Кок-Паш, курган № 31; Улуг-Чолтух-I, курган № 11 (3); Дялян, номер кургана неизвестен (рис. 20, 9–11).

Группа II. Бронзовые.

Разряд I. С подвижными лопастями в виде пластины с загнутым на тыльную сторону одним краем или согнутой пополам в полубойму.

Раздел I. Одна лопасть.

Отдел I. Шпеньково-накладной и перекидной способы крепления. Один ремень фиксируется к лопасти с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков, другой – путем перекидывания конца через центральную часть распределителя и последующего прошивания.

Тип 6. Четырехугольные (вытянуто-прямоугольные). Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 49 (р. 6, п. 9) (рис. 20, 12).

Тип 7. Фигурные. Всего 1 экз.: Булан-Кобы-IV, погребение № 29 (р. 6, п. 9) (рис. 20, 13).

Раздел II. Две лопасти.

Отдел II. Шпеньково-накладной. Ремни фиксируются к лопастям с помощью одного или нескольких вставных металлических шпеньков.

Тип 8. Четырехугольные (подквадратные). Всего 1 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 20, 14).

Тип 9. Т-образные. Всего 1 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 20, 15).

Распределители ремней у кочевников Алтая и многих других народов Евразии известны с раннескифского времени в амуниции верхового коня. Железные (группа I) распределители с подвижными лопастями (разряд I) впервые появляются у хунну Монголии и Забайкалья около рубежа эр и используются в конструкции узды [Коновалов, 1976, табл. IX, 10, X, 1, 2, 10; Худгийн толгойн..., 2003, зураг 20, 1–3]. В составе наборных поясов распределители этой конструкции стали применяться значительно позже. В Центральной Азии они зафиксированы в материалах кокэльской культуры Тувы III–IV в. [Дьяконова, 1970, табл. XI, 30, 31, 39, XII, 35]. Распределители с одним или двумя подвижными лопастями представлены в могильниках III–IV вв. Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау [Ширин, 2003, табл. XI, 4, 5, XII, 2, XXV, 2–4, LXVI, 3, 4]. Учитывая ранее проанализированные поясные гарнитур, железные распределители типов 1–5, обнаруженные на Алтае в погребениях некрополей Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш, Яломан-II, Степушка-I, Улуг-Чолтух-I, датируются концом III – V в. Распределители ремней типа 5 в эволюционном отношении могли стать прототипом для трехлопастных модификаций раннего средневековья, например применявшихся в снаряжении тюрок в качестве элемента стрелковых поясов

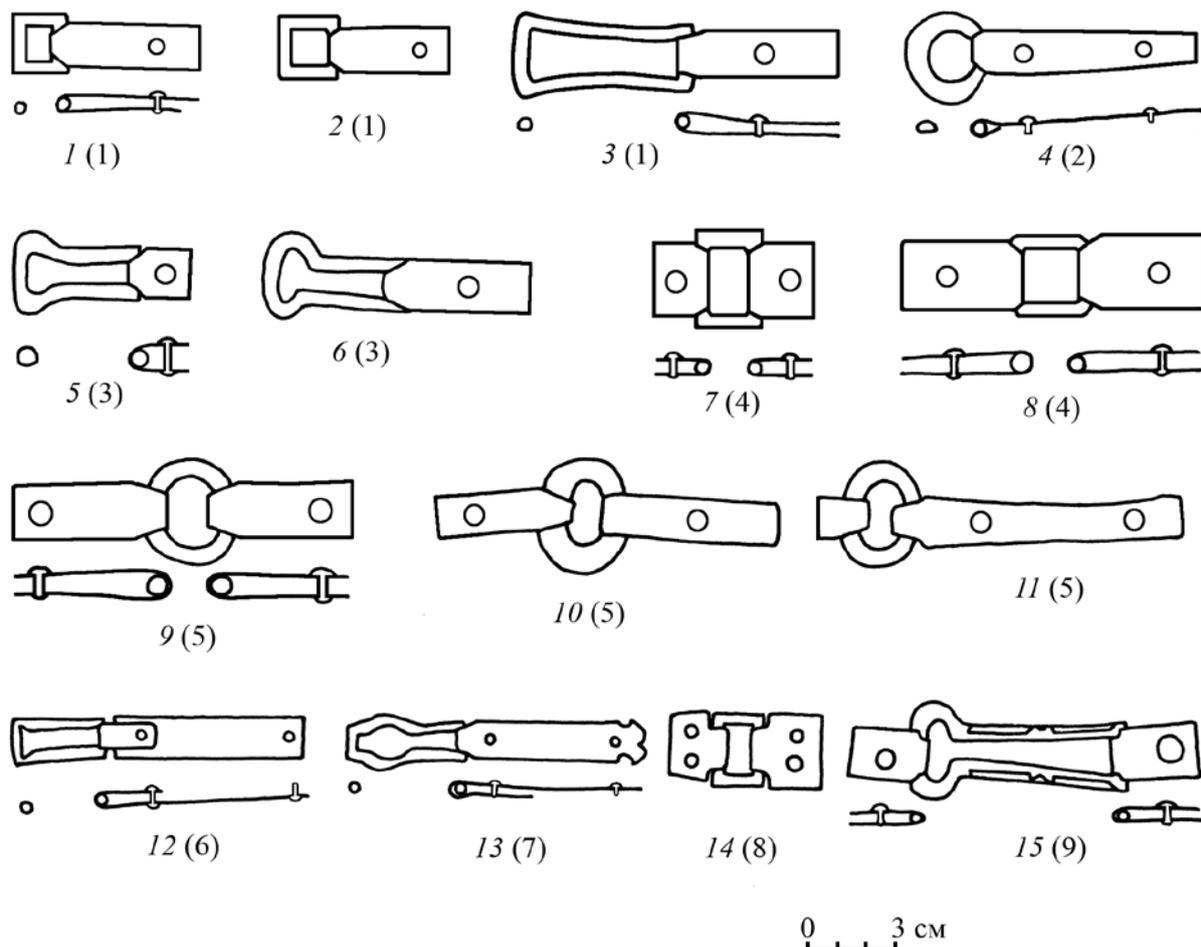

Рис. 20. Типы распределителей ремней кочевников Алтая сяньюбийско-жужанского времени (на рисунке в скобках указаны номера типов):

1 – Белый-Бом-II; 2, 7, 8 – Кок-Паш; 3 – Степушка-I; 4, 6, 12, 13 – Булан-Кобы-IV; 5 – Яломан-II; 9 – Дялян; 10, 11 – Улуг-Чолтух-I; 14, 15 – Балыктыюль; 1-11 – железо; 12-15 – бронза

и суголовой верхового коня [Горбунова, 2010, с. 62, рис. 28, 1, 2; Кубарев, 2005, с. 92–93]. Обнаружение бронзовых распределителей типов 8 и 9 с датирующимися ременными гарнитурами в кургане № 227 могильника Балыктыюль позволяет допустить, что первые образцы таких изделий появились у «булан-кобинцев» в III в., по-видимому, ближе к середине столетия. Археологический возраст найденных бронзовых распределителей ремней типов 6 и 7 определяется предварительно с учетом хронологии железных модификаций 2-й половиной III – IV в.

«Блоки»

Такое условное название получили металлические предметы в виде колец и петель, напоминающие собой подвижные элементы поясных блях-полуобойм. Нахождение данных гарнитур в погребениях дает основание предположить использование их для соединения (стягивания, завязывания) ремней, а также для подвешивания ножен, нагаек, сумочек, футляров с какими-то мелкими вещами. Они могли фиксироваться к подвижной кожаной петле или к свободно свисающему портупейному ремешку*. Засвидетельствован вариант крепления некоторых «блоков» к нижней части ремня на

* Одним из аргументов предлагаемого варианта крепления колец является находка хорошо сохранившейся связки кожаных ремней и металлических поясных гарнитур в составе Июсского клада II-I вв. до н.э. [Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 29, с. 93].

шпеньки. Нельзя исключить, что некоторые такие изделия выполняли функцию соединительных звеньев или безопасных распределителей.

При работе с доступным археологическим материалом нами идентифицированы 77 изделий предполагаемого функционального назначения. Классификация «блоков» осуществлялась по следующим параметрам: *группа* – материал предмета; *разряд* – техника изготовления; *раздел* – конструкция; *отдел* – способ крепления к ремню; *тип* – форма изделия. В результате проведенной систематизации выделено две группы, два разряда, два раздела, два отдела, девять типов «блоков».

Группа I. Железные.

Разряд I. Кованые.

Раздел I. Сомкнутые.

Отдел I. Без фиксирующих элементов.

Тип 1. Округлые. Всего 16 экз.: Яломан-II, курганы № 48 (5), 51 (2); Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 2, курганы № 22 (2), 23 (2); Айрыдаш-I, курган № 31; Карбан-I, курган № 33 (2); Булан-Кобы-IV, погребение № 47 (р. 6, п. 7) (рис. 21, 1, 2).

Тип 2. Овальные. Всего 38 экз.: Яломан-II, курган № 29; Айрыдаш-I, курганы № 55, 64, 67, 72, 91, 98, 102а, 107 (2), 116, 123 (2), 126 (2), 141, 143, 149, 165, 168 (3), 178 (2), 185; Дялян, курганы № 5, 6, 7; Степушка-I, курган № 21; Белый-Бом-II, курган № 26; Тьткескен-VI, курган № 1; Улуг-Чолтух-I, курганы № 1, 4, 11, 15; Кок-Паш, курган № 13; Булан-Кобы-IV, погребения № 6 (р. 1, п. 2), 45 (р. 6, п. 5) (рис. 21, 4, 5).

Тип 3. Сегментовидные. Всего 2 экз.: Айрыдаш-I, курганы № 56, 58 (рис. 21, 6).

Тип 4. Округлые – трапецевидные. Всего 1 экз.: Карбан-I, курган № 27 (рис. 21, 7).

Отдел II. Фиксаторы в виде шпеньков.

Тип 5. Округлые. Всего 13 экз.: Степушка-I, курганы № 4, 15, 17 (2), 21; Степушка-II, курган № 48; Улуг-Чолтух-I, курган № 7; Айрыдаш-I, курганы № 25, 124; Булан-Кобы-IV, погребение № 19 (р. 2, п. 4); Кок-Паш, курганы № 35, 40, 47 (рис. 21, 8, 9).

Группа II. Бронзовые.

Разряд II. Литые.

Раздел I. Сомкнутые.

Отдел I. Без фиксаторов.

Тип 6. Округлые. Всего 3 экз.: Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 2 (2), курган № 22 (рис. 21, 10).

Тип 7. Овальные. Всего 1 экз.: Степушка-I, курган № 13 (рис. 21, 11).

Раздел II. Несомкнутые.

Отдел II. С фиксаторами в виде шпеньков.

Тип 8. С-образные. Всего 1 экз. из могильника Усть-Эдиган (рис. 21, 12).

Тип 9. П-образные. Всего 2 экз.: Балыктыюль, курган № 227 (рис. 21, 13).

Среди рассмотренных изделий преобладают железные (группа I) кованые (разряд I) «блоки» из сомкнутого прутка (раздел I) без дополнительных фиксирующих элементов (отдел I) округлой (тип 1) и овальной (тип 2) формы. Аналогичные бронзовые (группа II) литые (разряд II) сомкнутые (раздел I) изделия без фиксаторов (отдел I) насчитывают четыре экземпляра (типы 6 и 7). Железные и бронзовые «блоки» типов 1 и 6 имеют массовые аналогии в хуннских погребениях Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э. [Давыдова, 1996, табл. 5, 19, 20, 11, 23–26, 30, 12, 20–22, 16, 3, 4, 17, 7, 22, 15, 23, 6, 7, 26, 11, 13, 14; 27, 8, 13, 15, 32, 10, 33, 7, 34, 10, 35, 2, 37, 4, 39, 22, 41, 5, 42, 5, 7, 47, 15, 52, 7–9; Миняев, 1998, табл. 52, 1–3, 55, 6, 56, 5, 6, 59, 6, 8, 9, 67, 13, 83, 28, 99, 12–16, 101, 5, 6, 10, 93, 5, 10, 96, 5, 120, 14, 15, 115, 3, 4, 116, 4, 5; Төрбат, Амартүвшин, Эрдэнэбат, 2003, т. 178, зураг 4, 5, т. 180, зураг 2, 3, т. 246, зураг 2–4]. Присутствие данных поясных принадлежностей у населения Алтая в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) – одно из проявлений заимствования снаряжения центральноазиатских кочевников. В этом же контексте следует также рассматривать бронзовые (группа II) несомкнутые (раздел II) «блоки» со шпеньковым креплением (отдел II), имеющие вид полукольца (тип 8).

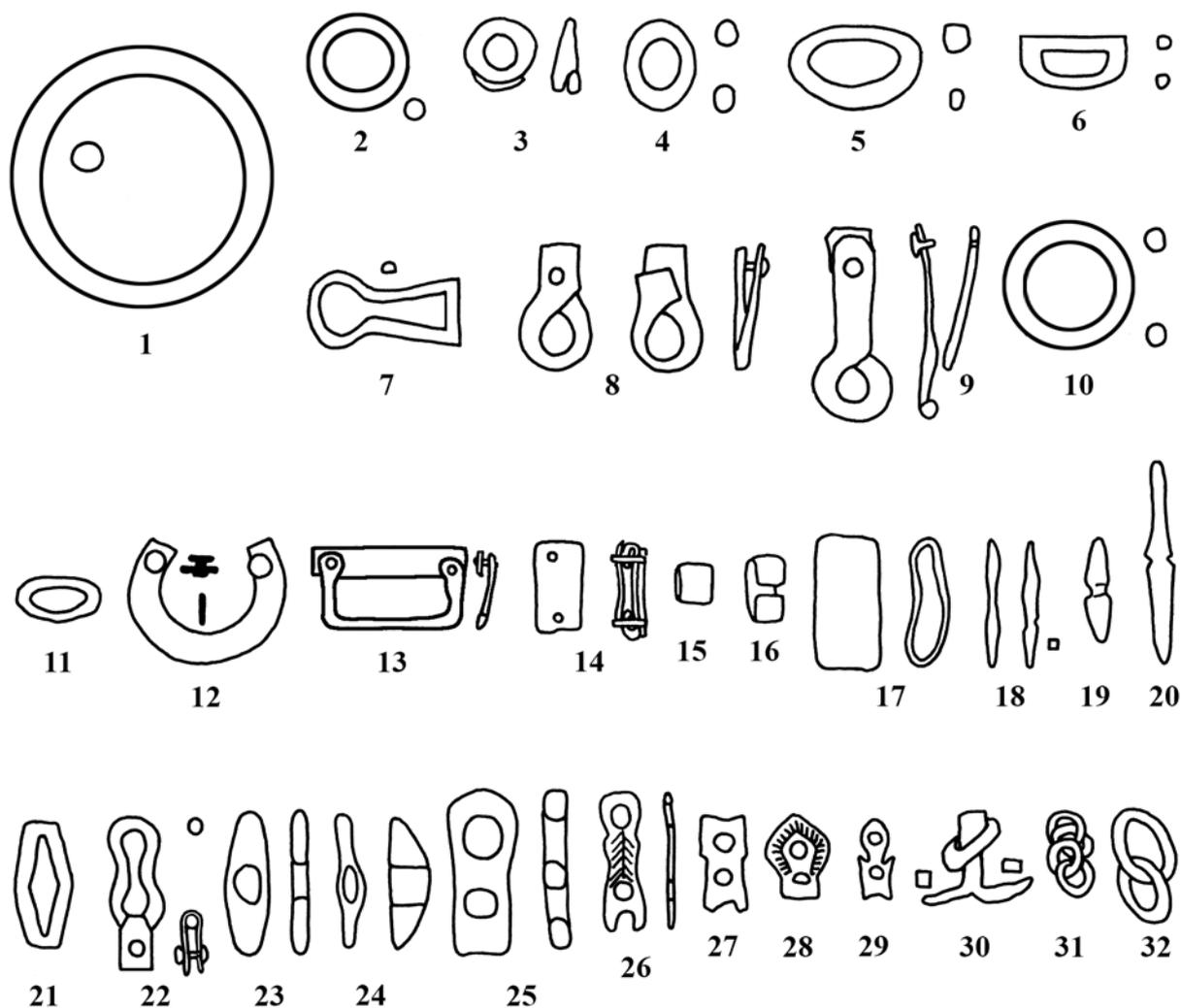

Рис. 21. «Блоки» (1-13), тренчики (14-17), застёжки и крепления (18-32) из памятников булан-кобинской культуры:

1, 2, 14, 17, 18, 22, 32 – Яломан-II; 3, 5, 8, 9, 11, 23, 25, 30, 31 – Степушка-I; 4 – Тыткескень-VI; 6, 24, 26 – Айрыдаш-I; 7 – Карбан-I; 10, 12 – Усть-Эдиган; 13 – Балыктыюль; 14 – Улита; 16, 21, 29 – Булан-Кобы-IV; 19, 20 – Кок-Паш; 27 – Усть-Бийке-III; 28 – Белый-Бом-II; 1-9, 16, 17, 21, 22, 30, 31, 32 – железо; 10-13, 15, 18 – бронза; 14 – кожа, бронза; 19, 20, 23-29 – рог (кость)

«Блоки» овальной формы небольшого размера (типы 2 и 7) распространяются в снаряжении населения булан-кобинской культуры, по-видимому, не ранее II в. и сохраняются до V в. включительно. За пределами Алтая они наиболее многочисленны у носителей кокзальской культур Тувы III-V вв. В широких хронологических рамках сянбийско-жужанского времени (II-V вв.) датируются редкие образцы железных «блоков» типов 3 и 4. Железные «блоки» в виде сомкнутой петли, фиксирующейся с помощью шпеньков (тип 5), судя по их обнаружению с другими датирующимися ремennыми гарнитурами, встречаются преимущественно в булан-кобинских погребениях 2-й половины III – V в.

Оригинальные «блоки» в виде несомкнутой п-образной скобы, фиксирующейся к ремню с помощью шпеньков и пластины вытянуто-прямоугольной формы (тип 9), из могильника Балыктыюль имеют единичные аналогии в Азиатском регионе в памятнике кокзальской культуры Тувы III-IV вв. [Памятники кокзальской культуры Тувы, 2010, с. 60]. Похожие изделия более массово представлены в сопроводительном инвентаре

«варварских погребений» Центральной Европы I–III вв. [Малашев, 2007, рис. 2, 3, 7, 9, 10]. Вопрос о появлении таких ремennых гарнитур у кочевников Алтая пока остается открытым. Предлагаемая нижняя хронологическая граница бытования «блоков» типа 9 у населения булан-кобинской культуры – 1-я половина III в.

Тренчики

Тренчики – кожаные петли или металлические обоймы, предназначенные для дополнительной фиксации свободного конца ремня (с наконечником и без него), застегиваемого в пряжке. При работе с вещественным материалом нами идентифицировано четыре изделия такого функционального назначения. Они в основном не опубликованы.

В кургане № 51 могильника Яломан-II, датирующегося хуннским временем, довольно хорошо сохранился кожаный ремень, застегивающийся с помощью бронзовой ажурной пряжки с изображением ящерицы. Для закрепления свисающего конца ремня с правой стороны имелся неподвижный тренчик в виде кожаной обоймы, скрепленной бронзовыми шпеньками [Тишкин, 2005, с. 199, рис. 1, 5] (рис. 21, 14).

Из могильника сяньбийского времени Улита (курган № 33/8) происходит тренчик, представляющий собой бронзовую обойму шириной 1,3 см, высотой 1,4 см (рис. 21, 15) (МАЭА АлтГУ, коллекция № 113).

В закрытом комплексе позднесяньбийского времени из могильника Булан-Кобы-IV в погребении № 55 (курган № 24, погребение № 2) обнаружен железный тренчик в виде несомкнутой обоймы шириной 1 см, высотой 2,1 см (рис. 21, 16) (МАЭА АлтГУ, коллекция № 116).

В кургане жужанского времени некрополя Яломан-II (курган № 33, погребение № 1) идентифицирован железный тренчик в виде сомкнутой обоймы шириной 1,4 см, высотой 4,3 см (рис. 21, 17) (МАЭА АлтГУ, коллекция № 181).

Все перечисленные предметы малоинформативны в плане определения относительной хронологии.

Застежки и крепления

Застежки и крепления представлены предметами из металла и кости. Принимая во внимание их немногочисленность и морфологическую вариабельность (обусловленную, по-видимому, разным, нам в полной мере неизвестным, функциональным использованием), считаем целесообразным ограничиться рассмотрением обозначенных элементов снаряжения без классификации.

Стержневидные застежки. Поясная застежка в виде бронзового стержня с «перехватом» для ремня в центральной части (рис. 21, 18) найдена в закрытом комплексе хуннского времени на могильнике Яломан-II (курган № 60), датирующимся I в. до н.э. [Тишкин, Матренин, 2011, рис. 2, 5]. Аналогии в памятниках II в. до н.э. – I в. н.э. соседних регионов нам неизвестны. Предмет напоминает собой металлические и костяные застежки из экипировки верхового коня кочевников Алтая 1-й половины I тыс. н.э. [Шульга, 2008, с. 100–101, рис. 58, 45–49]. Две похожие костяные застежки разного размера с выраженным «перехватом-желобом» (рис. 21, 19, 20) зафиксированы в материалах жужанского времени на памятнике Кок-Паш (курган № 13) [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003, рис. 6, 22, 23]. Подобный предмет обнаружен в Восточном Туркестане в составе конского снаряжения в погребении (М 115) третьего периода культуры могильника Чжангуньлук, который, судя по найденному инвентарю, относится к IV–V вв. [Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей..., 2003, рис. 16, 9].

Застежки с одним отверстием для ремня. Железные модификации представлены семью шестиугольными (Айрыдаш-I, курганы № 158 – 2 экз., № 165 – 1 экз.;

Булан-Кобы-IV, погребение № 3 (р. 7, п. 2) – 1 экз., № 18 (р. 2, п. № 3) – 2 экз., № 63 (курган № 26) – 1 экз.) и двумя восьмеркообразными экземплярами (Яломан-II, курган № 51 – 1 экз.; Булан-Кобы-IV, погребение № 69 (курган № 39) – 1 экз.), снабженными в двух случаях подвижным щитком-полуобоймой (рис. 21, 21, 22). Костяные образцы представлены двумя экземплярами: с овальным (Степушка-I, курган № 2) и вытянуто-ромбическим (Айрыдаш-I, курган № 149) корпусом (рис. 21, 23, 24). Данные застежки использовались для крепления к поясу каких-то футляров или сумочек. Нельзя исключить, что некоторые из рассмотренных застежек применялись не только в качестве поясных гарнитур. Костяные экземпляры имеют многочисленные параллели в снаряжении сяньби Северо-Западной Маньчжурии конца I – начала III в. [Яремчук, 2005, рис. 104, 3, 4, 7–9, 105, 9, 10, 106, 4, 107, 2, 111, 4, 112, 3, 10, 11, 15, 113, 6]. В рамках булан-кобинской культуры похожие изделия из железа и кости датируются III–V вв. Относительная хронология железных застежек восьмеркообразной формы со щитком-полуобоймой и без него определяется в широких рамках I в. до н.э. – V в. н.э.

Застежки с двумя отверстиями для ремня представлены пятью костяными экземплярами: овально-прямоугольной формы с невыделенным щитком (Степушка-I, курган № 15); с четырехугольной рамкой и выделенным трапециевидным щитком (Усть-Бийке-III, курган № 4); с овальной рамкой и выделенным трапециевидным щитком (Булан-Кобы-IV, погребение № 44 (р. 6, п. 4); с ромбовидной рамкой и выделенным прямоугольным щитком (Белый-Бом-II, погребение № 20); с округлой рамкой и выделенным фигурным щитком (Айрыдаш-I, курган № 104) (рис. 21, 25–29). Хронологическая интерпретация таких изделий затруднена. Облик этих предметов практически не отличается от местных застежек скифо-сакского времени (2-я половина VI – III в. до н.э.), применявшихся в экипировке верхового коня [Суразаков, 1989, рис. 11; Марсадалов, 1998, рис. 1, с. 21].

Крепления-пробой представлены двумя железными экземплярами. В могильнике Степушка-I (курган № 15) обнаружен кованый железный стержень подквадратного сечения длиной 3 см, один конец которого завершался планкой, другой – петлей с подвижным кольцом (рис. 21, 30). Аналогичное изделие зафиксировано в могильнике Яломан-II (курган № 32) в составе подвесной цепочки ножен боевого ножа (рис. 4, III). В хронологическом отношении эти предметы неинформативны.

Цепочки («подвесы») из колец насчитывают три железных предмета. Цепочка, найденная в могильнике Степушка-I (курган № 17), состояла из пяти вплетенных друг в друга колец диаметром около 1 см (рис. 21, 31). В могильнике Яломан-II (курган № 30) зафиксированы две цепочки: одна из двух колец разной формы, соединенных между собой петлей; другая – из двух округлых колец (рис. 21, 32). Не исключено, что таких предметов больше, так как они обычно имеют плохую сохранность, а поэтому не всегда идентифицируются в публикуемом археологическом материале. Говорить о функциональном назначении этих изделий сложно. Похожие цепочки большей длины, выполненные из цветного металла, известны в материальной культуре сяньби II–III вв. Северо-Западной Маньчжурии в качестве приспособлений для подвешивания бронзовых блях [Худяков, Юй-Су-Хуа, 2006, рис. 3, 26].

Рассмотренные в данной главе наконечники, распределители, «блоки» застежки и крепления в своей основной массе являются дополнительными элементами поясов кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Изучение этих гарнитур дает более полноценное представление о составе снаряжения населения региона во II в. до н.э. – V в. н.э. и расширяет возможности его этнокультурной и хронологической интерпретации. Конечно, мы признаем, что не все сделанные выводы являются бесспорными, а некоторые наблюдения требуют проверки на более широкой источниковой базе с привлечением новых археологических материалов булан-кобинской культуры. Полученные результаты актуализируют проведение исследований, направленных на атрибуцию предметов, функциональное назначение которых определяется пока неоднозначно.

ГЛАВА 5

РАЗНОВИДНОСТИ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ

Большинство анализируемых в данной книге элементов снаряжения входило в состав наборных поясов. Наборный пояс – это ремень из кожи, оснащенный гарнитурой функционального и декоративного назначения (пряжками, бляхами, распределителями, наконечниками, «блоками» и некоторыми другими предметами) [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015, с. 121]. Перечисленные изделия изготавливались главным образом из металла, но изредка использовались и другие материалы.

Имеющиеся археологические источники свидетельствуют о появлении наборных поясов у кочевников Центральной и Северной Азии в начале I тыс. до н.э. На протяжении всего времени бытования оформление таких поясов имело ярко выраженную этнокультурную окраску. Во все эпохи наборный пояс демонстрировал уникальное сочетание различных элементов, выражал определенную эмпирическую и семантическую целостность, являясь в образном смысле «паспортом» его владельца. Качественный и количественный составы гарнитур поясных наборов отражают тенденции моды, результаты межкультурных контактов, включает в себе информацию о половозрастном и социальном статусе его обладателя, а также иные значимые сведения [Добжанский, 1990]. Все это определяет исключительную важность комплексного анализа наборных поясов при проведении различных историко-археологических реконструкций.

Изучению наборных поясов кочевников Азии хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) в работах современных археологов уделено скромное место. На материалах Алтая данная тема впервые была затронута в книге В. Н. Добжанского [1990], представившего схематичные графические реконструкции поясов из могильников Балыктыюль (курган № 227) и Кок-Паш (курган № 39). В дальнейшем поясные гарнитуры из памятника Кок-Паш рассматривались А. С. Васютиным [2000а; 2000б] и в общем виде были изданы в коллективной монографии «Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.)» [Бобров, Васютин А. С., Васютин С. А., 2003]. В книге В. И. Соенова и А. В. Эбея [1992] «Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни» содержится выборочное описание находок поясных гарнитур из некрополя Верх-Уймон на Верхней Катуни. Информативная публикация разных категорий снаряжения человека и верхового коня из памятников булан-кобинской культуры принадлежит Ю. В. Тетерину [1995]. Ценные наблюдения для конструкции поясов сяньбийского времени Северного Алтая сделаны Ю. С. Худяковым и А. Ю. Борисенко [2004] по материалам могильника Улуг-Чолтух-I. В кургане № 11 данного некрополя был зафиксирован полный наборный пояс с большим количеством гарнитур. По мнению данных специалистов, оформление обнаруженных поясов дает основание предполагать их центральноазиатское происхождение [Борисенко, Худяков, 2004, с. 199].

На сегодняшний день возможности реконструкции наборных поясов булан-кобинской культуры существенно ограничивает отсутствие аутентичных и близких изо-

бразительных материалов II в. до н.э. – V в. н.э. с территории Центральной, Северной и Средней Азии. В данном контексте важное значение имело обнаружение в 2003 и 2007 гг. А. А. Тишкиным при раскопках некрополя Яломан-II (Центральный Алтай) остатков поясов с металлическими гарнитурами, подражающими хуннским образцам и, возможно, являющимися импортом из метрополии кочевой империи Хунну [Тишкин, 2005б; Tishkin, 2011; Тишкин, Матренин, 2011]. Полученные изделия сейчас хранятся в г. Барнауле в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (коллекции № 181, 613).

Курган № 43. В области живота человека расчищены остатки кожаного ремня, покрытого лаком. Многочисленные фрагменты лакового покрытия шириной до 2,5 см с внутренней стороны были черного, а с внешней – красновато-бордового цвета. На некоторых из них прослежены отверстия. Местами на пластинах лака находились маленькие фрагменты золотой фольги (рис. 22, I-9-49) и зафиксирован камешек (рис. 22, I-6). Поясная пряжка имела деревянный корпус с рельефным изображением головы рогатого дракона, покрытый сверху листом золотой фольги. Золотая накладка была заподлицо обрезана с краем деревянной основы (рис. 20, I-1). Пряжка присоединялась к ремню с помощью железных шпеньков (рис. 22, I-3). Идентичная золотая накладка с изображением дракона с усами и глазами из камней черного цвета (рис. 22, I-2) покрывала деревянную бляху, крепившуюся на противоположный конец пояса. Еще одна деревянная бляха овально-прямоугольной формы с прорезью сохранилась фрагментарно (рис. 22, I-4). На ней также отмечены части золотой фольги. Остальные гарнитуры представлены ложечковидными наконечниками из кости и бронзы (рис. 22, I-7, 8), найденными в верхней части таза, а также сбоку от бедренной кости левой ноги. Они могли крепиться на окончания подвесных ремешков. Зафиксированы мелкие фрагменты деревянных деталей пояса (рис. 22, I-5).

Курган № 48. Ременные гарнитуры лежали на тазовых костях мужчины. В комплект входили железные пряжка с подвижным язычком (рис. 22, II-1), три больших и два малых кольца (рис. 22, II-2-6), находившихся по бокам (четыре – слева, одно – справа) на разном удалении друг от друга, бронзовый ложечковидный наконечник (рис. 22, II-7). Под тазом обнаружен фрагмент костяного предмета, видимо ложечковидного наконечника (рис. 22, II-8). Кожаная основа пояса не сохранилась. Железные кольца присоединялись к поясу, скорее всего, с помощью подвижных кожаных петель, а наконечники фиксировались на подвесные ремешки*.

Курган № 51. В погребении женщины довольно хорошо сохранился кожаный пояс благодаря тому, что рядом с ним находились бронзовые предметы. Ремень длиной около 1,1 м, шириной 0,36 м прослеживался в ходе зачистки захоронения практически полностью. Он состоял из нескольких специально выкроенных полос, скрепленных между собой. Наружная сторона его была лакирована или покрыта краской (?). Она закреплялась на подогнутые на 7 мм края основного кожаного ремня, пробивалась сквозными дырками, в которые вставлялись и расклепывались бронзовые шпеньки, создавая эффект своеобразного украшения. Пояс соединялся с помощью бронзовой ажурной пряжки в виде ящерицы, кусающей себя за хвост (рис. 23, I-1). Под пряжкой хорошо сохранилась подкладка коричневого цвета, которая пришивалась к кожаной основе и представляла собой что-то наподобие подшерстка. Другой конец основного ремня имел восемь отверстий и был специально срезан с двух сторон до ширины 1,6 см, чтобы продевать его в пряжку через оформленный в подкладке разрез. Он выводился на лицевую сторону дужки пряжки и застегивался на правую сторону с помощью неподвижного шпенька. Для закрепления свисающего конца ремня с правой стороны имелся неподвижный тренчик (рис. 23, I-2). Судя по тому, как оказался застегнут пояс, охват облегающей тело одежды составлял около 80 см. Это свидетель-

* Основанием предлагаемого варианта крепления железных колец и ложечковидных застежек является находка хорошо сохранившейся связки кожаных ремней и металлических поясных гарнитур в составе Юсского клада II-I вв. до н.э. [Бородовский, Ларичев, 2013, рис. 29, с. 93].

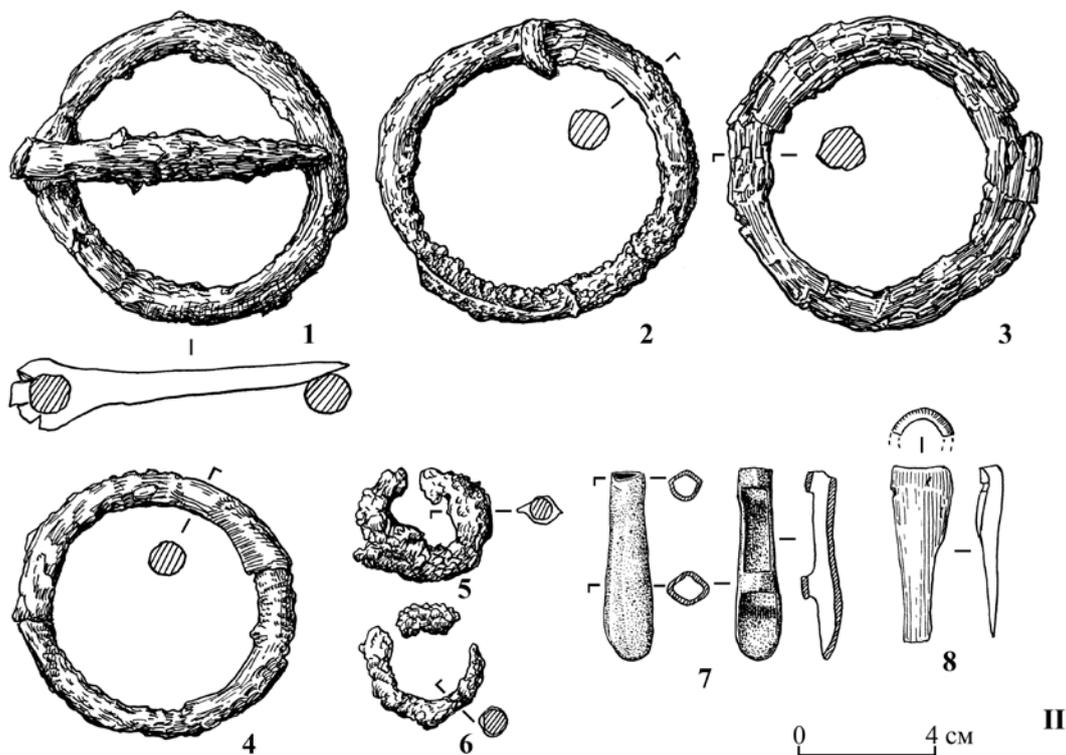
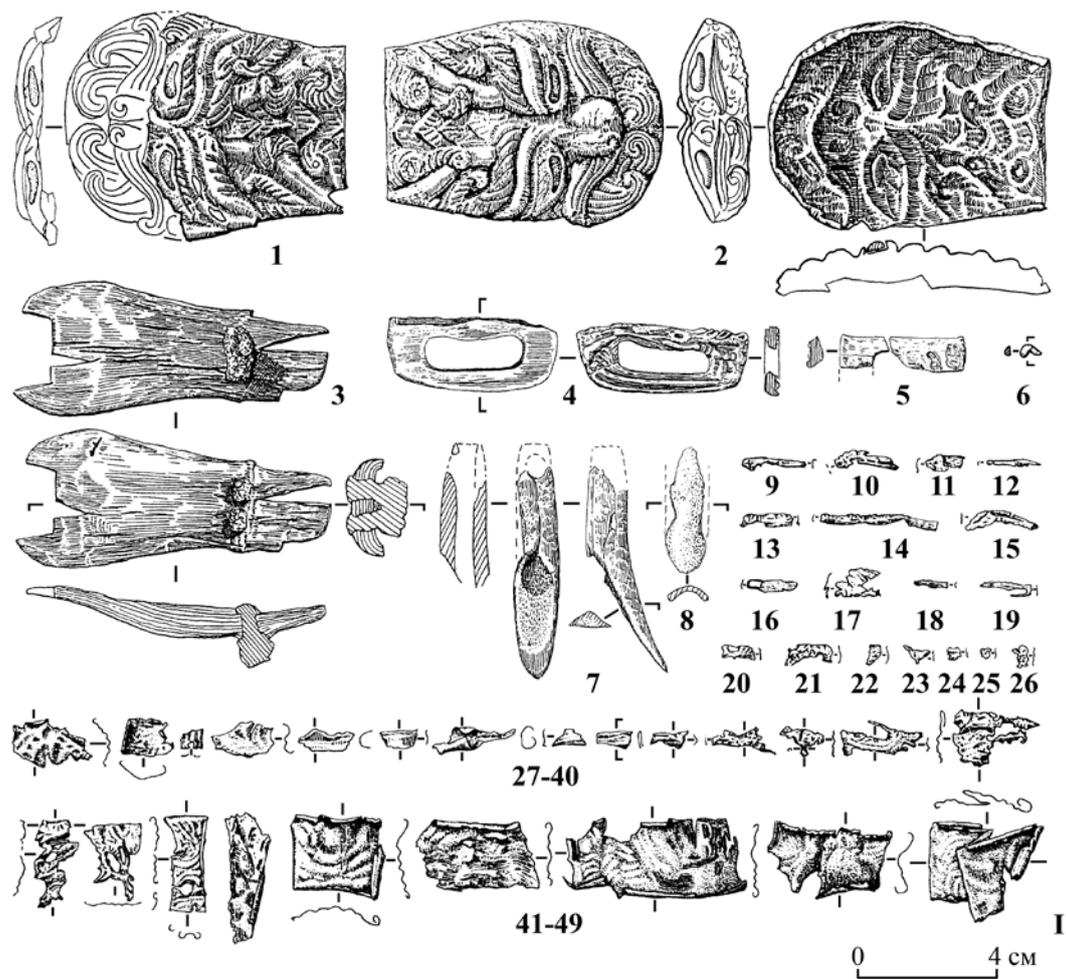

Рис. 22. Детали поясов кочевников Алтая хуннского времени из могильника Яломан-II: I – курган № 43 (по: [Tishkin, 2011]); II – курган № 48 (по: [Тишкин, 2005a])

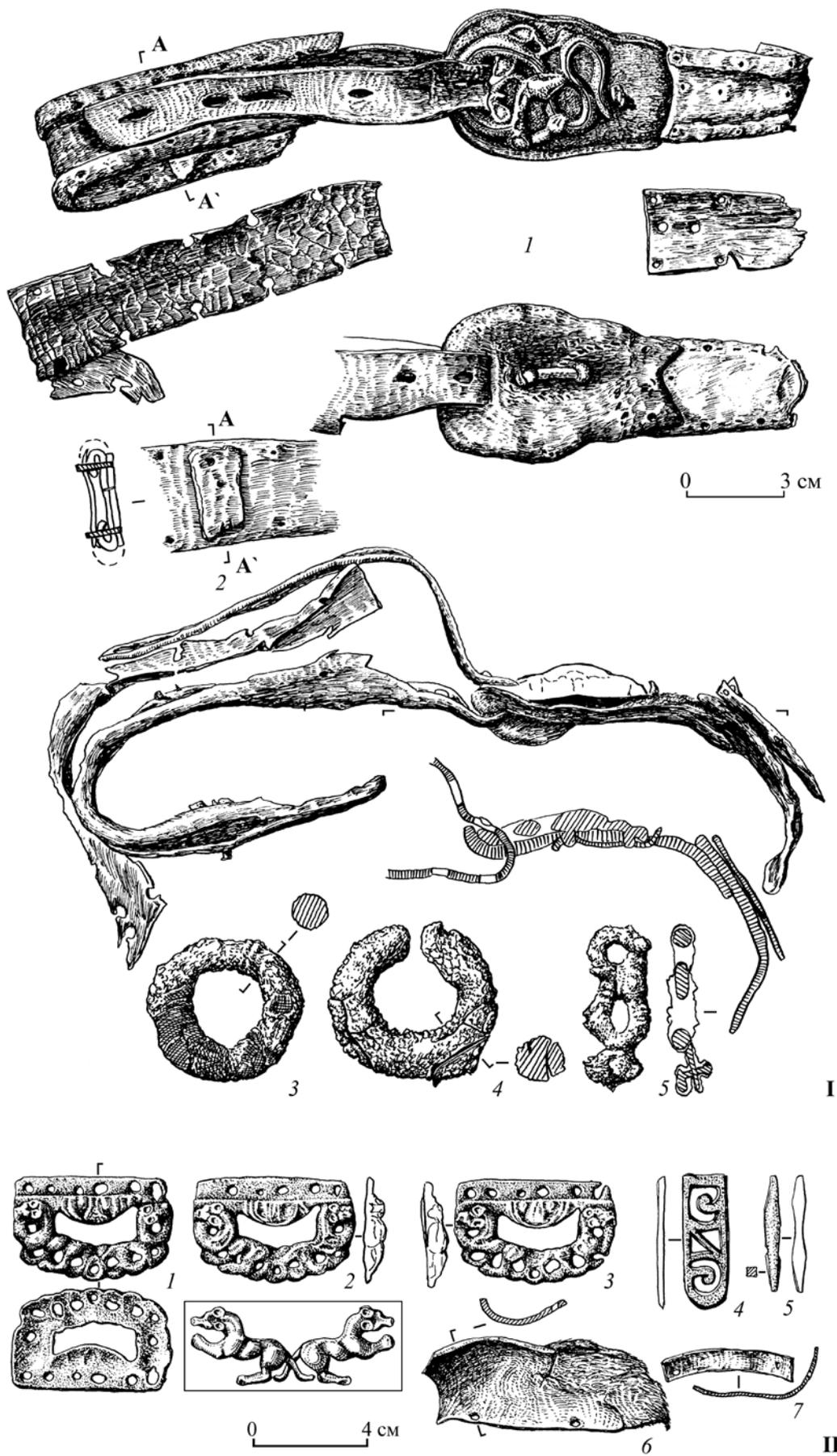

Рис. 23. Детали поясов кочевников Алтая хуннского времени из могильника Яломан-II: I – курган № 51 (по: [Tishkin, 2011]); II – курган № 60 (по: [Тишкин, Матренин, 2011])

ствуется о том, что, скорее всего, на умершей женщине была надета верхняя плечевая одежда (шуба или утепленный халат) [Тишкин, 2005б]. Слева и справа к поясу подвешивалось по одному железному кольцу (рис. 23, I-3, 4). Они могли фиксироваться к нему с помощью кожаных петель. Кольцо, расположенное с правой стороны, имело, по-видимому, подвесной ремешок, к окончанию которого присоединялась застежка со щитком-полуобоймой (рис. 23, I-5).

Курган № 60. В могиле-кенотафе зафиксированы три ажурные бляхи из бронзового сплава с позолотой (рис. 23, II-1-3), бронзовый подвесной наконечник ремня с декоративными прорезями (рис. 23, II-4), бронзовая стержневидная застежка (рис. 23, II-5), фрагменты кожаной основы пояса (рис. 23, II-6, 7). Основной ремень имел ширину около 4 см, подвесной – 1 см. Бляхи практически идентичны. На лицевой поверхности они имели рельефное изображение двух кошачьих хищников, стоящих на задних лапах спиной друг к другу. В центральной части каждое изделие снабжено крупной прорезью. Бляхи пришивались к поясу (висели на нем?) с помощью шести небольших отверстий в верхней части ровной планки корпуса.

Большую научную ценность имеют полностью и частично сохранившиеся наборные пояса, обнаруженные в результате исследования в 2010 г. курганной группы Степушка-I в Центральном Алтае. В составе данного памятника при непосредственном участии автора было зафиксировано восемь наборных поясов разной комплектации [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012б; 2013; Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015]. Последовательная расчистка их с оставлением на месте всех артефактов до и после вынимания скелета позволила проследить порядок размещения отдельных предметов и их скопления *in situ* от пряжки до окончания ремня (хранятся в МАЭА АлтГУ, коллекции № 682, 683). Ниже приводится описание обнаруженных наборов и их реконструкции.

Курган № 5. Железные детали пояса располагались в районе живота обезглавленного воина. Размещение артефактов свидетельствовало о том, что ремень был надет на погребенного после его смерти. В состав наборного пояса входили пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 24, I-1), три бляхи-накладки в виде полуобойм с кольцами, находившиеся по бокам и на спине примерно на равном удалении друг относительно друга (рис. 24, I-2-4). Длина участка пояса между «крайними» металлическими бляхами составляла 63 см, ширина кожаного ремня предположительно была не менее 2 см. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону. Зафиксированные показатели и находки позволяют представить графическую реконструкцию обнаруженного наборного пояса (см. рис. 28, 1).

Курган № 6. Железная поясная гарнитура обнаружена чуть выше тазовых костей подростка 12,5–13,5 лет*. Наборный пояс включал пряжку с подвижными язычком и щитком прямоугольно-овальной формы (рис. 24, II-1), шесть блях-полуобойм с подвижными кольцами (по паре по бокам, положение двух экземпляров точно не установлено) (рис. 24, II-2-3, 5-8) и бляху из прямой пластины с неподвижным кольцом на правом боку (рис. 24, II-4). Ширина пояса составляла не менее 3 см. Судя по тому, что все бляхи лежали кольцами «вверх», пояс был надет на умершего человека в перевернутом виде. На основании полученных вещественных материалов выполнена его графическая реконструкция (см. рис. 28, 2).

Курган № 9. Железная ременная гарнитура лежала в области грудной клетки мужчины 35–40 лет. Наборный пояс состоял из пряжки с утраченным подвижным язычком, овальной рамкой и прямоугольным щитком-полуобоймой (рис. 24, III-3), трех блях-полуобойм с кольцами (рис. 24, III-2, 4, 5), распределителя с вогнуто-трапециевидным приемником и прямоугольно-овальным щитком-полуобоймой (рис. 24, III-3). Ремень имел ширину не менее 2,7 см. Обнаруженные детали позволяют выполнить графическую реконструкцию всего комплекта (см. рис. 28, 4).

* Здесь и далее половозрастные определения сделаны заведующей кабинетом антропологии Алтайского университета, кандидатом исторических наук С. С. Тур.

Курган № 13. Наборный пояс включал большое количество металлических изделий, зафиксированных в районе нижней части живота пожилого мужчины (около 50 лет). Найден следующий набор гарнитуры: железная подвижноязычковая пряжка с арочной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 25, 1); бронзовый «блок» овальной формы, крепившийся с помощью узкого ремешка, сложенного в петлю (рис. 25, 2); бронзовая бляха-накладка секировидной формы с неподвижным кольцом и шпеньковым креплением (рис. 25, 3); бляхи-накладки (11 железных и одна бронзовая) вытянуто-прямоугольной формы, фиксировавшиеся на ремне в горизонтальном положении с помощью железных или бронзовых шпеньков (рис. 25, 7–12, 15–16); бронзовая бляха-полуобойма вытянуто-прямоугольной формы, размещавшаяся на поясе в вертикальном положении (рис. 25, 13); железные бляхи-накладки из прямой пластины прямоугольной (рис. 25, 17–20), шестиугольной (рис. 25, 21), трапециевидной (рис. 25, 22) формы со шпеньковым креплением; бронзовые бляхи-накладки из прямой пластины с прямоугольным (рис. 25, 23) и вытянуто-овальным (рис. 25, 24) абрисом вертикальной и горизонтальной схемы крепления. Общая длина пояса составляла не менее 110 см, ширина – в пределах 3,6 см. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону (см. рис. 29, 1).

Курган № 15. Железные детали наборного пояса расчищены выше тазовых костей в области живота мужчины 35–40 лет. Пояс имел подвижно-язычковую пряжку с овальной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольно-овальной формы (рис. 24, IV-1), четыре бляхи-полуобоймы с кольцом (рис. 24, IV-2–4): одну спереди на правой половине, две по бокам, одну спереди на левой половине. Ширина пояса составляла не менее 4 см, длина его от пряжки до «крайней» металлической бляхи – 80 см (см. рис. 28, 3). Ремень застегивался на левую сторону.

Курган № 17. Железные детали наборного пояса выявлены в 14 см выше тазовых костей юноши 15–16 лет (рис. 26, I): пряжка с неподвижным шпеньком, с трапециевидной рамкой и щитком-полуобоймой вытянуто-прямоугольной формы (рис. 26, I-1); 13 блях-полуобойм с кольцами спереди, по бокам и на спине (рис. 26, I-3–4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24); не менее 53 блях-зажимов (рис. 26, I-2, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25), расположенных вплотную друг к другу на разных участках пояса; наконечник подвесного ремня (рис. 26, I-26). Ширина кожаной основы составляла не менее 2 см, протяженность металлических деталей гарнитуры от дужки пряжки до «крайней» металлической бляхи – 73 см. Общая длина пояса, вероятно, была более 1 м. Пояс застегивался на левую сторону (см. рис. 29, 2).

Курган № 19. В погребении мужчины 35 лет обнаружен наиболее хорошо сохранившийся наборный пояс [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2012б; Тишкин, Матренин, 2013а]. Его металлические детали зафиксированы в 10 см выше тазовых костей человека. Найдено большое количество железных изделий, расположение которых четко передавало контур истлевшего кожаного ремня, некогда опоясывавшего тело покойного (рис. 27, I). Реконструируемый наборный пояс включал: пряжку с неподвижным шпеньком и щитком-полуобоймой вытянуто-трапециевидной формы (рис. 27, II-1); семь блях-полуобойм с кольцами (пара – на спине по центру, два – на правом, а три – на левом боку) (рис. 27, II-2, 4, 6, 8, 10, 12, 14); не менее 167 блях-зажимов, расположенных вплотную друг к другу на спине и по бокам (рис. 27, II-3, 5, 7, 9, 11, 13); одну бляху с неподвижным кольцом (рис. 27, II-15). Протяженность металлической гарнитуры с учетом щитка пряжки составляла 68–73 см. Общая длина пояса не превышала 120 см. Ширина кожаной основы была 1,9–2 см с незначительным сужением окончания, продеваемого в пряжку (см. рис. 29, 3). В погребение пояс, скорее всего, был помещен в расстегнутом виде. Обращает на себя внимание, что по всей длине пояса бляхи-полуобоймы лежали кольцами «вверх». Такое нестандартное положение свидетельствует о том, что пояс был надет на воина в перевернутом виде. В дополнение к этому следует отметить, что рядом с поясом находился боевой нож в ножнах, ориентированный острием вверх, к голове человека (см. рис. 4, V-1).

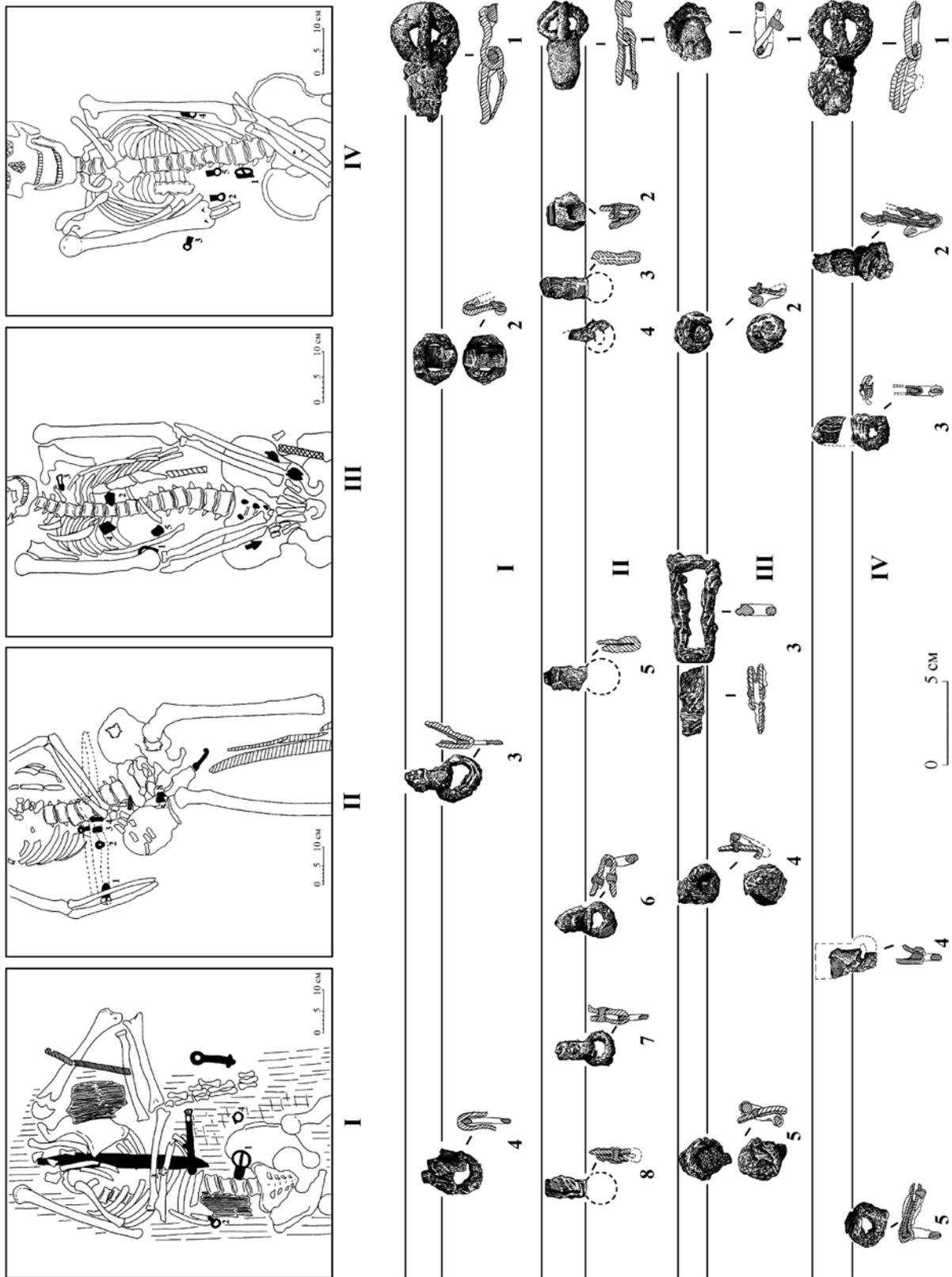

Рис. 24. Детали наборных поясов кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени из погребального комплекса Степушка-I: I – курган № 5; II – курган № 6; III – курган № 9; IV – курган № 15 (по: [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015])

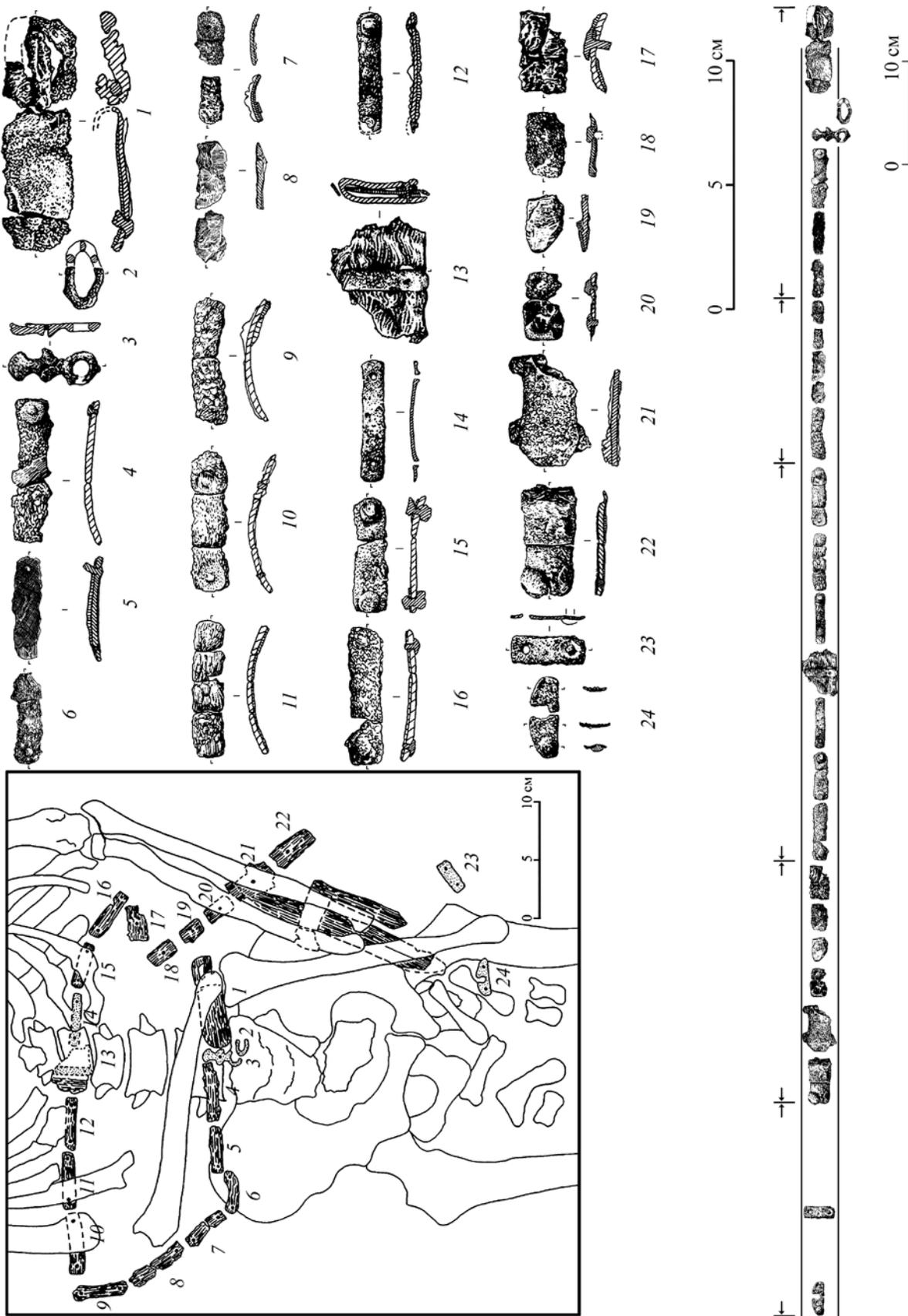

Рис. 25. Детали наборного пояса кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени из погребального комплекса Стегущка-I, курган № 13 (по: [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015])

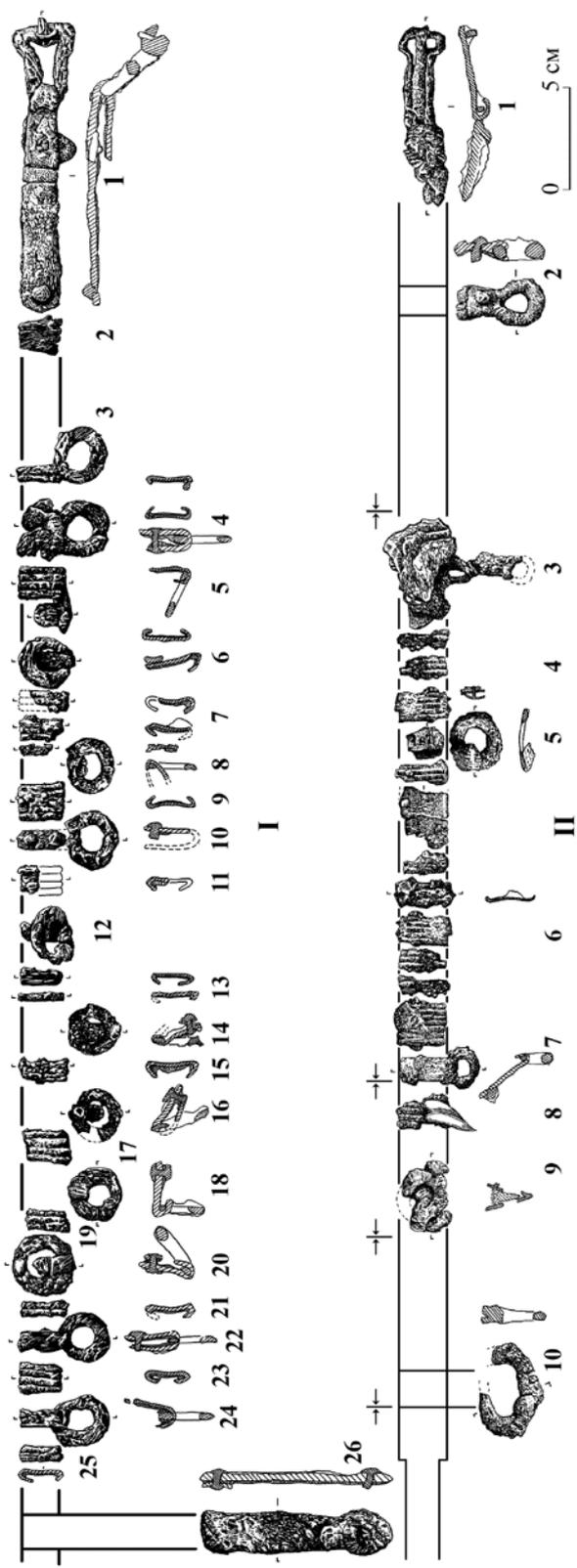
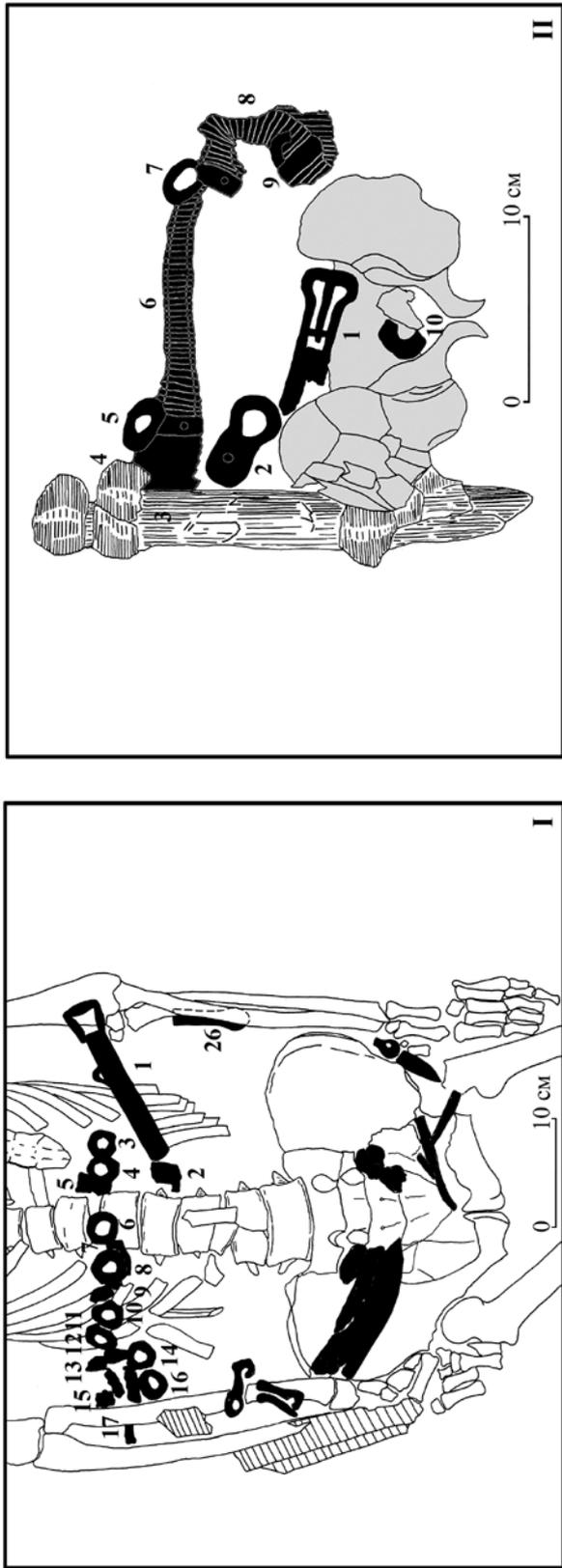

Рис. 26. Детали наборных поясов кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени из погребального комплекса Степушка-I: I – курган № 17; II – курган № 21 (по: [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015])

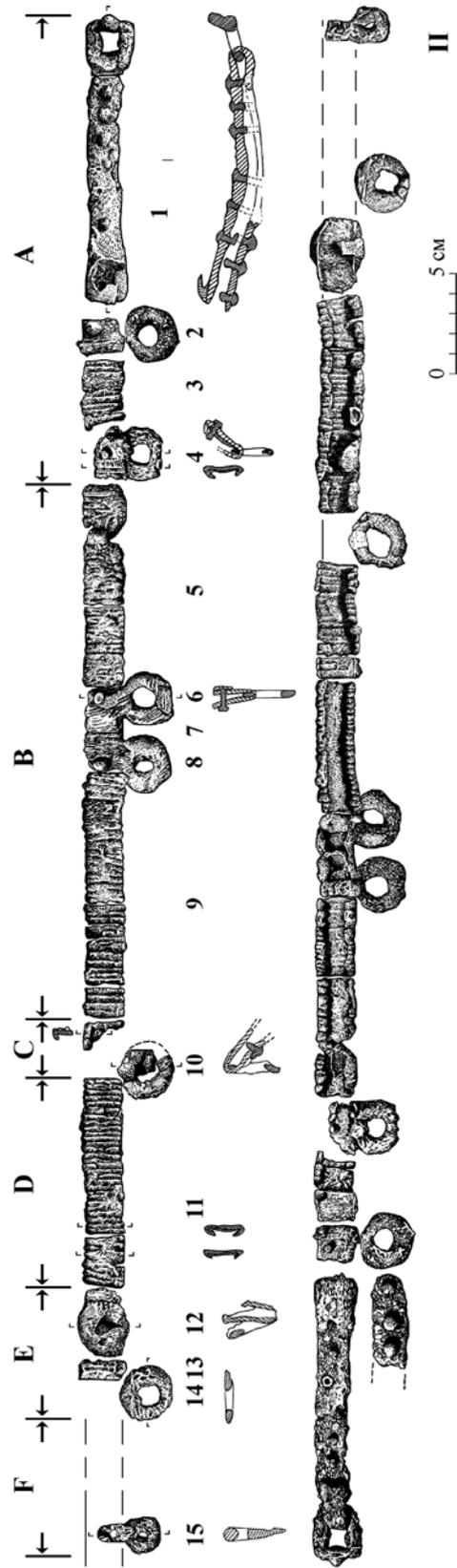
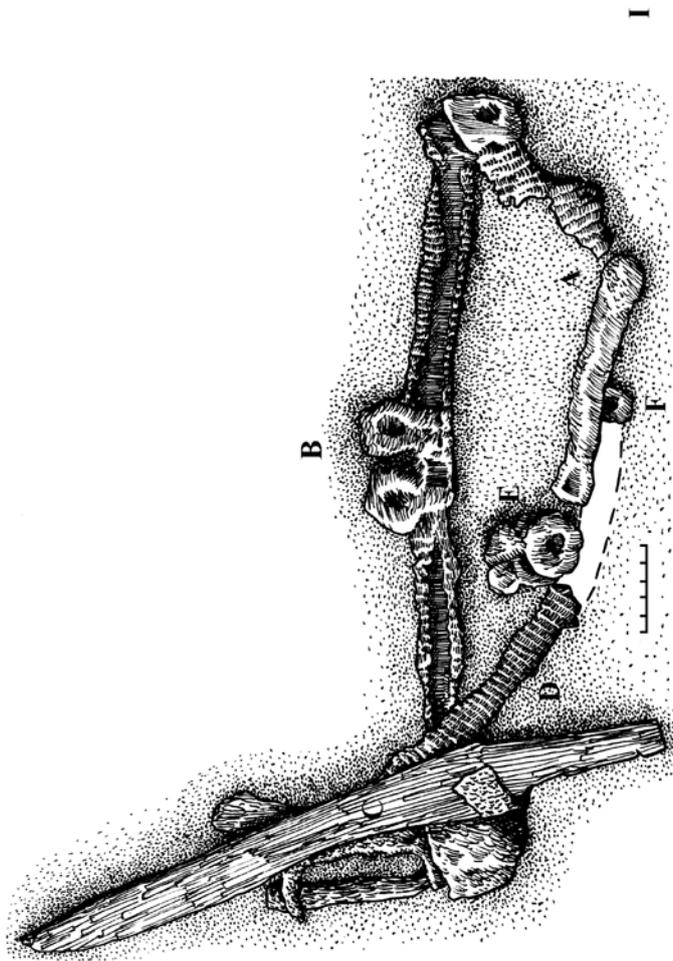

Рис. 27. Детали набортного пояса кочевников Алтая жужанского времени из погребального комплекса Степушка-I, курган № 19 (по: [Тишкин, Магренин, Кунгуров, 2015])

Курган № 21. Железные детали наборного пояса зафиксированы в области таза ребенка 5–6 лет (рис. 26, II): пряжка с подвижным язычком на вертлюге, т-образной рамкой и щитком-полуобоймой прямоугольной формы (рис. 26, II-1); кольцо-блок с трапециевидным щитком (рис. 26, II-2); накладка, соединяющаяся с витой цепочкой, к которой подвешивались ножны боевого ножа (рис. 26, II-3); три бляхи-полуобоймы с кольцами (рис. 26, II-5, 7, 9); бляхи-зажимы (не менее 58 экз.) в виде узких, вертикально ориентированных пластин, образующих почти сплошную металлическую «ленту» на участке спины (рис. 26, II-4, 6, 8); «блок» овальной формы (рис. 3, II-10), «блок» округлой формы со шпеньковым креплением. Общая длина пояса – не менее 70 см, ширина – 2 см, ширина окончания ремешка – 1,5 см. Ремень в пряжке застегивался на левую сторону (см. рис. 29, 4).

Археологические материалы курганной группы Степушка-I позволили реконструировать несколько вариантов наборных поясов населения Алтая сяньбийско-жужанского времени (II–V вв.), в том числе редкие и ранее неизвестные модификации, а также получить ценные наблюдения для воссоздания облика частично сохранившихся поясов из других памятников региона, информация о которых представлена графическими данными и схематичным текстовым описанием.

Знакомство с неопубликованными археологическими коллекциями булан-кобинской культуры дает основание утверждать, что на сегодняшний день имеется большое количество наборных поясов, которые еще не рассматривались. Можно констатировать, что металлические детали наборных поясов присутствовали в большей части (не менее 60 %) мужских захоронений. В женских и детских погребениях они встречаются редко. В размещении поясных деталей преобладает ситуация нахождения их в проекции тазовых костей погребенных. Зафиксированы случаи, когда поясные принадлежности лежали в районе плеч, груди и ног покойных. Состав поясных наборов был неодинаковым.

При изучении вещественных источников нами был поставлен вопрос о разновидностях наборных поясов, существовавших у населения Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. В поисках ответа на него проведено исследование, направленное на выявление общих, особенных и единичных деталей оформления наборных поясов булан-кобинской культуры в хронологическом срезе.

Перед тем как начать анализ доступных археологических материалов, обратим внимание на следующие моменты. Во-первых, представления о конструкции наборных поясов складываются на основе обнаруживаемых железных гарнитур, имеющих очень часто плохую сохранность, в связи с чем функциональная атрибуция некоторых изделий не всегда является однозначной. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев авторы раскопок не предоставляют полных сведений о точном количестве предметов, входящих в гарнитуры, порядке расположения их в захоронениях, способах возможного крепления к кожаной основе. И наконец, в-третьих, в некоторые погребения были положены отдельные части поясов, что может быть результатом их повреждения или намеренного снабжения умершего человека «символическим» поясом, являющимся выражением целого набора.

Принимая во внимание обозначенные обстоятельства, нами предлагается классификация наборных поясов из памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Для таксономического группирования «полных» поясов (обязательно включали пряжки и бляхи) применялась схема со следующей иерархией значимых переменных признаков: *группа* – материал ременных гарнитур; *разряд* – наличие пряжки или застежки; *раздел* – вид фиксатора свободного конца ремня у пряжки, его отсутствие; *отдел* – количество разновидностей блях; *тип* – качественный состав блях; *вариант* – наличие или отсутствие дополнительной гарнитуры (наконечники, распределители, «блоки», застежки) и их сочетаний. Систематизации подвергся 71 наборный пояс с идентифицируемыми металлическими предметами. В результате выделено четыре группы, два разряда, три раздела, три отдела, 27 типов «полных» наборных поясов с несколькими вариантами.

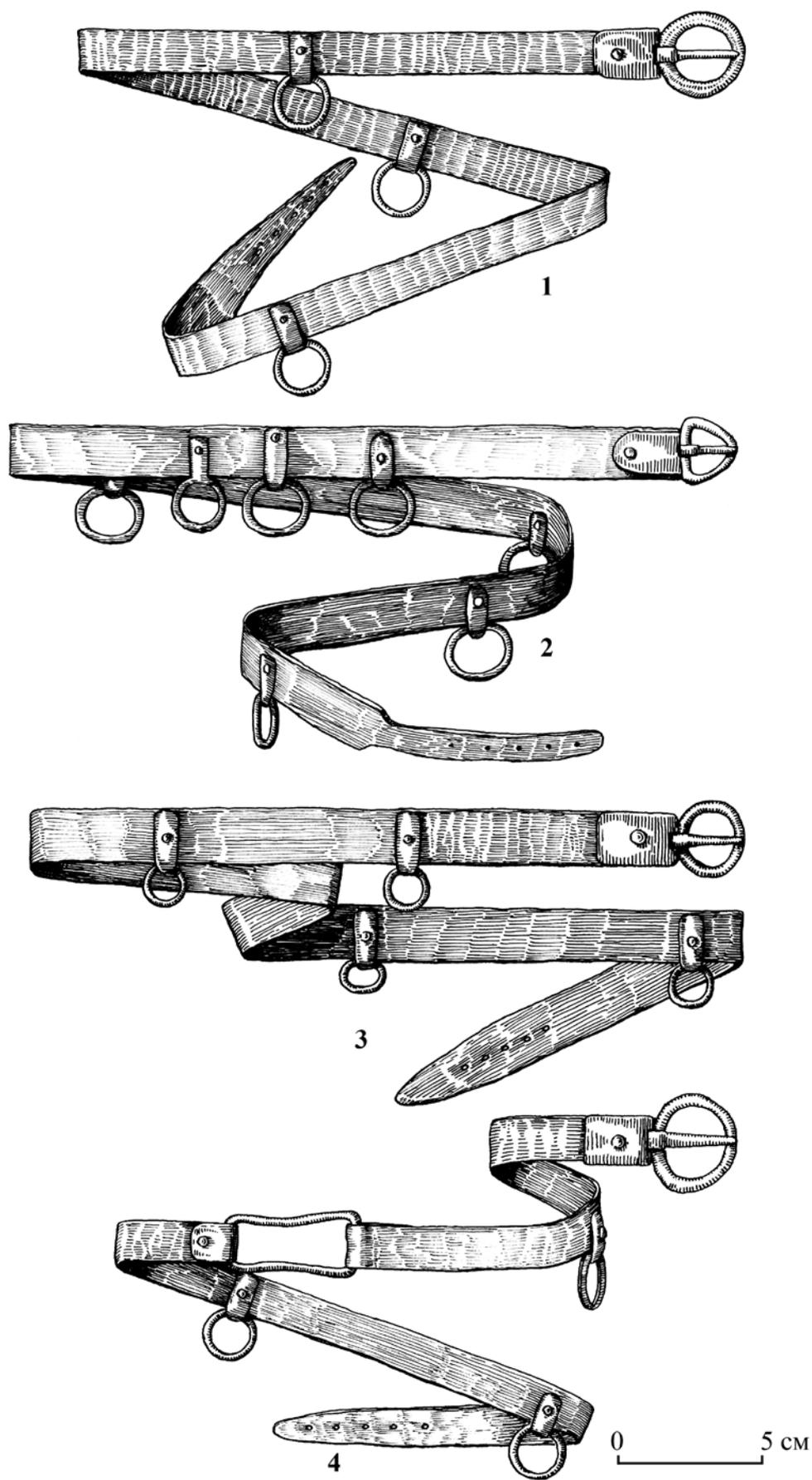

Рис. 28. Реконструкция наборных поясов из погребального комплекса Степушка-I:
1 – курган № 5; 2 – курган № 6; 3 – курган № 9; 4 – курган № 15 (по: [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015])

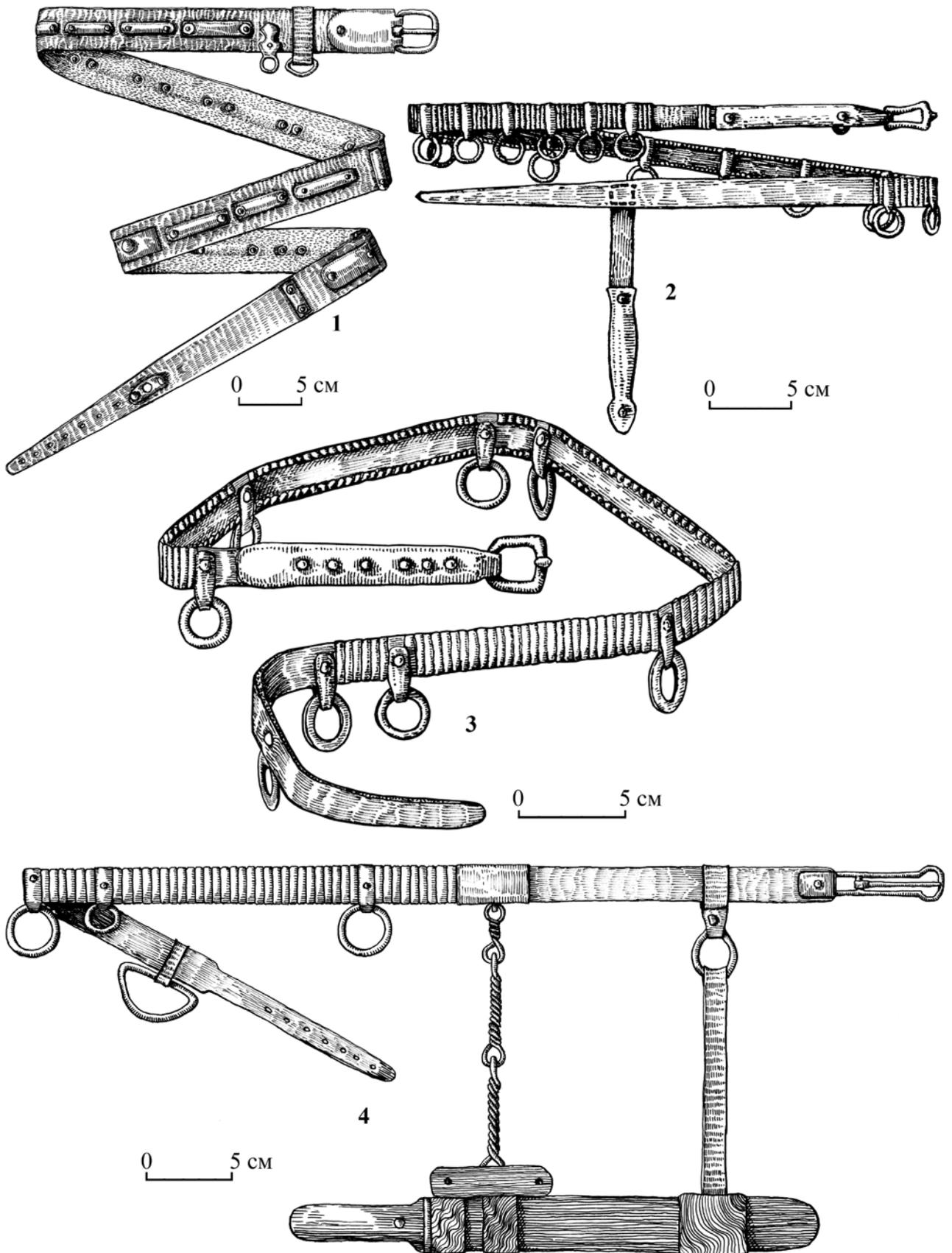

Рис. 29. Реконструкция наборных поясов из погребального комплекса Степушка-I:
 1 – курган № 13; 2 – курган № 17; 3 – курган № 19; 4 – курган № 21
 (по: [Тишкин, Матренин, Кунгуров, 2015])

Группа I. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным железными гарнитурами.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Пряжка с подвижным язычком.

Отдел I. Одна разновидность блях.

Тип 1. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего 16 поясов, оснащенных пряжками типов 2, 12а,б,ж,з, 16, 19, бляхами типов 15, 17–19*. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры. 11 комплектов: Карбан-I, курган № 7; Айрыдаш-I, курганы № 52, 65, 122, 124; Степушка-I, курганы № 5, 6, 15; Яломан-II, курганы № 32, 33, погребение № 2; Степушка-II, курган № 40. **Вариант б** – с распределителем (тип 1). Два комплекта: Степушка-I, курган № 9; Айрыдаш-I, курган № 142. **Вариант в** – с «блоками» (тип 2). Один комплект: Тыткескень-VI, курган № 1. **Вариант г** – с распределителем (тип 5) и наконечником (тип 12). Один комплект: Кок-Паш, курган № 31. **Вариант д** – с «блоком» (тип 2) и наконечником (тип 8). Один комплект: Айрыдаш-I, курган № 98.

Тип 2. С бляхами-накладками в виде пластин с подвижным кольцом на длинной стороне корпуса. Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 8, 17а, бляхами типов 21, 22. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Верх-Уймон, курган № 9. **Вариант б** – с наконечником (тип 10) и распределителями (тип 1): Булан-Кобы-IV, погребение № 26 (р. 2, п. 11).

Тип 3. С бляхами-накладками в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего 7 поясов, оснащенных пряжками типов 1, 2, 13, 17а, бляхами типов 1б, 2а,б, 3а,б, 5а, 6а, 9а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры. Три комплекта: Айрыдаш-I, курганы № 30, 138; Булан-Кобы-IV, погребение без номера. **Вариант б** – с наконечником (типы 8, 11). Два комплекта: Айрыдаш-I, курган № 20; Верх-Уймон, курган № 5. **Вариант в** – с «блоками» (тип 2). Два комплекта: Айрыдаш-I, курганы № 55, 168.

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 4. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего 13 поясов, оснащенных пряжками типов 1, 2, 12б,д,з, 13а, 14а, 16а, бляхами типов 1б, 2а,б, 3а,б, 4в, 7а, 8а, 9а, 15а, 17а, 18а, 24. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры. Три комплекта: Булан-Кобы-IV, погребение № 10 (р. 1, п. 6), 33 (р. 5, п. 5); Дялян, курган № 9. **Вариант б** – с наконечниками (типы 8, 9, 10, 11). Пять комплектов: Кок-Паш, курган № 28; Верх-Уймон, курган № 13; Айрыдаш-I, курганы № 25, 109, 160. **Вариант в** – с распределителями (тип 1). Два комплекта: Булан-Кобы-IV, погребение № 19 (р. 2, п. 4); Яломан-II, курган № 31. **Вариант г** – с распределителями (тип 1) и «блоками» (тип 5). Один комплект: Кок-Паш, курган № 35. **Вариант д** – с «блоками» (тип 2). Один комплект: Дялян, курган № 6. **Вариант е** – с наконечником (тип 8) и «блоками» (тип 2). Один комплект: Айрыдаш-I, курган № 107.

Тип 5. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса и бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 19, бляхами типов 15а, 25а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Белый-Бом-II, курган № 25, погребение № 2 (р. 1, п. 2).

Отдел III. Три и более разновидности блях.

Тип 6. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 2, бляхами типов 7а, 13а, 15а, 19а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Карбан-I, курган № 39.

Тип 7. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей, а также

* Здесь и далее в описании поясов приводится информация о типах ранее классифицированных пряжек, блях, наконечников, распределителей ремней и «блоков».

с бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 12в, бляхами типов 2а, 15а, 25а. **Вариант а** – с наконечником (тип 8): Айрыдаш-I, курган № 63.

Тип 8. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на длинной стороне корпуса, а также с бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 20а, бляхами типов 14а, 15а, 25а. **Вариант а** – с «блоками» (типы 2, 5): Степушка-I, курган № 21.

Тип 9. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде прямых пластин с подвижным кольцом на длинной стороне корпуса. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 12а, бляхами типов 1б, 2а, 16а, 17а, 21а. **Вариант а** – с распределителями (тип 5): Улуг-Чолтух-I, курган № 11.

Тип 10. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также с бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 14а, бляхами типов 3а,б, 12а, 15а, 25а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Кок-Паш, курган № 39.

Тип 11. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямой пластины с подвижным кольцом на длинной стороне корпуса; в виде прямой пластины с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также с бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 14а, бляхами типов 12а, 15а, 20а, 25а. **Вариант а** – с наконечником (тип 10): Кок-Паш, курган № 40.

Раздел II. Неподвижный шпенек.

Отдел I. Одна разновидность блях.

Тип 12. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего три пояса, оснащенных пряжками типов 26а, 28а, 29в бляхами типа 15а. **Вариант а** – с распределителями (тип 4). Один комплект: Белый-Бом-II, курган № 25, погребение № 4 (р. 1, п. 4). **Вариант б** – с наконечником (тип 11). Один комплект: Айрыдаш-I, курган № 117. **Вариант в** – с тренчиком. Один комплект: Булан-Кобы-IV, погребение № 55 (курган № 24, погребение № 2).

Тип 13. С бляхами-накладками в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего три пояса, оснащенных пряжками типов 21, 22, 27б, бляхами типов 1а, 2а,в, 10а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры. Два комплекта: Кок-Паш, курган № 12; Белый-Бом-II, погребение № 10 (курган № 31). **Вариант б** – с наконечником (тип 8). Один комплект: Булан-Кобы-IV, погребение № 66 (курган № 34).

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 14. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 24, 29а, бляхами типов 1в, 4б, 15а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Яломан-II, курган № 20; Булан-Кобы-IV, погребение № 63 (курган № 26).

Тип 15. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса и бляхами-зажимами в виде скоб. Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 27а, 29б, бляхами типов 15а, 25а. **Вариант а** – с наконечником (тип 11): Белый-Бом-II, курган № 12, погребение № 3; Степушка-I, курган № 17.

Тип 16. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также в виде прямых пластин с подвижным кольцом на длинной стороне корпуса. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 24, бляхами типов 15, 21а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Булан-Кобы-IV, погребение № 48 (р. 2, п. 3).

Отдел III. Три и более разновидности блях.

Тип 17. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также с бляхами-зажимами в виде скоб. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 29г, бляхами типов 13а, 15а, 25а. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Степушка-I, курган № 19.

Группа II. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным гарнитурами из цветного металла.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел I. Одна разновидность блях.

Тип 18. С бляхами-накладками в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего один пояс с пряжкой типа 32а и бляхами типа 36а. **Вариант а** – с тренчиком: Улита, курган № 33 (погребение № 8).

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 19. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 36а, бляхами типов 26а, 35а. **Вариант а** – с наконечником (тип 5), распределителями (типы 8 и 9), «блоками» (тип 9): Балыктыюль, курган № 227.

Разряд II. С застежкой.

Раздел III. Без дополнительного фиксатора ремня.

Отдел I. Одна разновидность блях.

Тип 20. С бляхами-нашивками, имеющими ажурный корпус с прорезью (тип 39). Всего один пояс, оснащенный стержневидной застежкой. **Вариант а** – с наконечником (тип 1): Яломан-II, курган № 60.

Группа III. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным гарнитурами из железа и цветного металла.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел I. Одна разновидность блях.

Тип 21. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего четыре пояса, оснащенных пряжками типов 12б, 32а, 41а, бляхами типов 15а, 35. **Вариант а** – без дополнительной гарнитуры: Улита, р. 6, п. 2; Айрыдаш-I, курганы № 80, 171; Степушка-II, курган № 30.

Тип 22. С бляхами-накладками в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 2, 33а, бляхами типов 2а, 3а. **Вариант а** – с наконечником (тип 3): Кок-Паш, курган № 2. **Вариант б** – с «блоком» (тип 2): Айрыдаш-I, курган № 178.

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 23. С бляхами-накладками в виде прямых пластин без колец и прорезей и бляхами-зажимами в виде полуобойм. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 2, бляхами типов 1а, 2а, 37. **Вариант а** – с наконечником (тип 7): Карбан-I, курган № 11.

Отдел III. Три разновидности блях.

Тип 24. С бляхами-накладками в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде пластины-полуобоймы без колец и прорезей. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 15в и бляхами типов 2а, 3а, 4б, 26а, 27а, 31а, 33а, 34а. **Вариант а** – с «блоком» (тип 7): Степушка-I, курган № 13.

Тип 25. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса; в виде прямых пластин без колец и прорезей; в виде прямых пластин с неподвижным кольцом на короткой стороне корпуса. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 35, бляхами типов 29а, 32а, 41а. **Вариант а** – с наконечником (тип 4): Айрыдаш-I, курган № 146.

Группа IV. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным гарнитурами из металла и органических материалов.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 26. С бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвижным кольцом на короткой стороне корпуса, а также в виде прямых пластин без колец и прорезей. Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 1, бляхами типов 2а, 11а, 15а. **Вариант а** – с наконечником (тип 17) и «блоком» (тип 4): Карбан-I, курган № 27.

Разряд II. Неподвижный шпенек.

Отдел II. Две разновидности блях.

Тип 27. С бляхой-накладкой из прямой пластины без колец и прорезей, а также в виде прямой деревянной пластины с прорезью, способ фиксации которой к ремню не установлен из-за фрагментарности изделия (скорее всего, он был нашивным). Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 45 и бляхой типа 42. **Вариант а** – с наконечником (тип 17): Яломан-II, курган № 43.

С выделенными типами были сопоставлены 35 поясов с железными бляхами без пряжек, которые, по-видимому, были «утрачены» в связи с намеренным помещением в могилу только части пояса, либо из-за плохой сохранности данного элемента. Среди них к типу 1 с большой долей вероятности относятся 12 поясов без дополнительных гарнитур (Кок-Паш, курганы № 29, 34; Айрыдаш-I, курганы № 26, 53; Булан-Кобы-IV, курган № 6, погребение № 3 (р. 7, п. 2); Бике-I, курган № 27), с «блоками» (Кок-Паш, курган № 13; Айрыдаш-I, курганы № 56, 58, 101, 116), с распределителями и тренчиком (Яломан-II, курган № 33, погребение № 1). В тип 3 включено 12 комплектов: без дополнительных гарнитур (Айрыдаш-I, курганы № 97, 128, 136, 175; Верх-Уймон, курган № 12; Яломан-II, курган № 30; Кок-Паш, курган № 37; Улуг-Чолтух-I, курганы № 9, 22), с распределителем (Булан-Кобы-IV, погребение № 6 (р. 1, п. 2), с «блоками» (Айрыдаш-I, курган № 181), с наконечником (Айрыдаш-I, курган № 110). К типу 4 принадлежат девять поясов: без дополнительных гарнитур (Айрыдаш-I, курганы № 17, 151; Улуг-Чолтух-I, курган № 8, Кок-Паш, курган № 38), с наконечником ремня (Улуг-Чолтух-I, курган № 10), с распределителем (Айрыдаш-I, курган № 158, Кок-Паш, курган № 33), с «блоком» (Дялян, курган № 5), с наконечником ремня и «блоками» (Айрыдаш-I, курган № 165). Два пояса с бляхами-накладками в виде пластин-полуобойм с подвесками типа 15а и бляхами-зажимами в виде скоб типа 25а (Булан-Кобы-IV, погребение № 56 (курган № 24, погребение № 3); Белый-Бом-II, курган № 25, погребение № 1 (р. 1, п. 1)) в равной степени могут принадлежать к классифицированным поясам, имеющим пряжку с подвижным язычком либо с неподвижным шпеньком, выделенным соответственно в типы 5 и 15.

Кроме того, в археологических материалах Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. нами идентифицировано 23 пояса с пряжками без блях, которые имели ременные гарнитуры в виде наконечников, распределителей и «блоков». Они были классифицированы на основе таксономической схемы со следующей иерархией признаков: *группа* – материал ременных гарнитур; *разряд* – наличие пряжки; *раздел* – вид фиксатора ремня; *отдел* – отсутствие блях; *тип* – качественный состав ременных гарнитур и их сочетаний. В результате выделены две группы, один разряд, два раздела, один отдел, девять типов «неполных наборных поясов».

Группа I. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным железными гарнитурами.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел I. Без блях.

Тип 1. С «блоками» (типы 1, 2). Всего 11 поясов с пряжками типов 1, 2, 5, 9, 10, 12: Айрыдаш-I, курганы № 31, 67, 72, 91, 123, 141, 143, 149, 185; Булан-Кобы-IV, погребение № 47 (р. 6, п. 7); Карбан-I, курган № 33.

Тип 2. С наконечниками (типы 8, 14). Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 2, 4: Яломан-II, курган № 47; Улуг-Чолтух-I, курган № 27.

Тип 3. С распределителем (тип 2). Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 2: Кок-Паш, курган № 45.

Раздел II. Неподвижный шпенек.

Отдел I. Без блях.

Тип 4. С распределителем (тип 4). Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 29а: Кок-Паш, курган № 42.

Группа II. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным бронзовыми гарнитурами.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел I. Без блях.

Тип 5. С наконечником (тип 6). Всего один пояс с пряжкой типа 32б: Булан-Кобы-IV, курган № 6 погребение № 2 (р. 7, п. 1).

Группа III. Пояса с кожаным ремнем, оснащенным железными и бронзовыми гарнитурами.

Разряд I. С пряжкой.

Раздел I. Подвижный язычок.

Отдел I. Без блях.

Тип 6. С наконечником (тип 7). Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 8: Яломан-II, курган № 62.

Тип 7. С «блоками» типов 1, 2. Всего три пояса, оснащенных пряжками типов 30, 32а, 37: Усть-Эдиган, курган № 1, погребение № 2, курган № 22; Айрыдаш-I, курган № 126.

Тип 8. С наконечником (тип 7) и «блоками» (тип 1). Всего один пояс, оснащенный пряжкой типа 1: Яломан-II, курган № 48.

Раздел II. Неподвижный шпенек.

Отдел I. Без блях.

Типа 9. С «блоками» (тип 1). Всего два пояса, оснащенных пряжками типов 39а, 40а: Усть-Эдиган, курган № 23; Яломан-II, курган № 51.

Систематизированные вещественные материалы демонстрируют вариабельность оформления наборных поясов населения Алтая на протяжении всего хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, а также отсутствие «стандартного» комплекта. Опираясь на результаты взаимной встречаемости датированных ременных гарнитур, можно сделать общие выводы об относительной хронологии разных модификаций классифицированных наборных поясов.

Наиболее ранние наборные пояса населения булан-кобинской культуры появились под влиянием традиций снаряжения центральноазиатских хунну и представлены преимущественно «неполными» комплектами. Среди них к концу II в. до н.э. – I в. до н.э. (возможно, не позднее 2-й трети столетия) относятся экземпляры типа 9, к концу II в. до н.э. – I в. н.э. – тип 8, к концу II в. до н.э. – II в. н.э. – ранние образцы типа 7, которые существуют продолжительное время. В рамках I в. до н.э. датируется ранний экземпляр «неполного наборного пояса» типа 2 (такие пояса существуют продолжительное время и датируются по имеющимся вещественным находкам до IV в. н.э. включительно). Ко 2-й половине I в. до н.э. – началу I в. н.э. принадлежит ранний образец «неполного» наборного пояса типа 6. К этому же периоду относятся «полные» наборные пояса типов 20, 27, которые не дадут линии развития в сяньбийское время.

Во II–III вв. главной тенденцией изменения наборных поясов кочевников Алтая становится увеличение количества разновидностей блях в комплектах, усиление разнообразия их качественного состава, а кроме того, появляются распределители. Наборные пояса этого периода развиваются на основе местной переработки ременных гарнитур хуннуской и сяньбийской традиций. На протяжении сяньбийско-жужанского времени булан-кобинское население активно применяло «полные» наборные пояса типов 1а, в, 3а, 3в (III – начало IV в.), а также «неполные» пояса типа 1 (II–IV вв.). В ши-

роких рамках датируются «полные» наборные пояса типов 1б,д, 21 и типов 3б, 4б,е (III–V вв.). Сравнительно короткий период бытования в рамках II – начала III в. имели «полные» наборные пояса типов 6, 23, 26. Несколько редких модификаций «полных» наборных поясов принадлежат к III в. (типы 18, 25). К 1-й половине – середине III в. относится наборный пояс типа 19. Со 2-й половины III в. распространяются «полные» наборные пояса типов 4б,е, 9а, 21, 24, существующие в следующем столетии. «Неполный наборный пояс» типа 5 датируется концом III – IV в.

Существенные изменения в оформлении наборных поясов у отдельных групп булан-кобинского населения Алтая происходят в IV в., по-видимому, под влиянием центральноазиатских традиций производства ременных гарнитур поздних сяньби и населения кокзальской культуры Тувы. Отражением данных новаций стало появление поясов, снабженных пряжками с неподвижным шпеньком и (или) бляхами-зажимами в виде скоб. Среди «полных» наборных поясов с данными элементами ременных гарнитур модификации типов 7а, 12а,б, 15, 16, 18 – датируются IV в., типы 5, 8, 10, 11, 12а,в, 13, 14, 17 – IV–V вв. Новый образец «полных» наборных поясов IV–V вв. также представлен типом 2. К IV–V вв. можно отнести «неполный наборный пояс» типа 4. Вместе с тем в IV–V вв. кочевники Алтая продолжают использовать наборные пояса, появившиеся в предшествующий период (типы 4, 22а).

Таким образом, проведенное классификационное и типологическое исследование вещественных находок из погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени позволило обозначить несколько хронологических серий наборных поясов с учетом «нижней» границы бытования в данном регионе и возможные направления их генезиса. Несомненно, полученные выкладки будут скорректированы с привлечением новых археологических источников и уточнением сведений по некоторым уже имеющимся археологическим коллекциям булан-кобинской культуры, которые оказались недоступными при написании данной книги. Представленные наработки вносят посильный вклад в комплексное изучение снаряжения кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. и открывают новые возможности для широкого обсуждения сложных вопросов развития данного элемента материальной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снаряжение кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени на сегодняшний день представлено обширными археологическими коллекциями из погребальных памятников булан-кобинской культуры. Исследование этого корпуса материалов позволяет подвести следующие итоги.

Функциональная атрибуция и морфологическое описание собранных вещественных находок демонстрируют значительное разнообразие ременных гарнитур населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Это послужило основанием для проведения подробной классификации изделий. В ходе таксономического группирования многочисленных категорий из погребальных памятников Алтая обозначенного периода нами выделено 11 типов колчаных крюков, 45 типов пряжек, 42 типа блях, 18 типов ременных наконечников, 9 типов распределителей, 9 типов «блоков». Систематизированные предметы были подвергнуты типологическому анализу. Его результатом стало определение времени существования разных модификаций изделий, а также вероятных направлений их генезиса.

Обобщение полученных сведений с учетом «нижней» границы бытования типов в датированных закрытых комплексах булан-кобинской культуры позволило выделить несколько хронологических групп снаряжения, определенным образом коррелирующих с периодизацией памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени, разработанной А. А. Тишкиным и В. В. Горбуновым [Тишкин, Горбунов, 2005б; Тишкин, 2006; 2007].

Ранняя хронологическая группа (II в. до н.э. – I в. н.э.) полностью совпадает с усть-эдиганским этапом булан-кобинской культуры. Генезис данных поясных гарнитур происходил под влиянием традиций центральноазиатских хунну. Ведущей модификацией пряжек выступают бронзовые и железные экземпляры с подвижным язычком, с округлыми, квадратными, прямоугольными рамками без щитка (типы 1, 4, 5, 30, 31), копирующие хуннуские аналоги. Более поздние образцы, известные со 2-й половины I в. до н.э. (типы 2, 8, 9), имеют рамку овальной или арочной формы. Бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком представлены местными ажурными изделиями с изображением ящерицы (тип 40), разработанными на основе хуннуских бронз. Оригинальную бронзовую пряжку с подвижным язычком на вертлюге (тип 37) и пряжку из комбинированных материалов с неподвижным шпеньком с изображением рогатого дракона (тип 45) можно рассматривать в качестве импорта, связанного с хуннуско-китайским миром. Появление данных предметов у населения Алтая произошло в процессе активных контактов с метрополией кочевой империи хунну в I в. до н.э. Поясные бляхи немногочисленны: бронзовые изделия нашивного способа фиксации, характерные для II–I вв. до н.э. (тип 39), и единственный экземпляр из сочетания дерева и металла с рельефным изображением головы дракона в анфас последней трети I в. до н.э. – 1-й половины I в. н.э. (тип 42). Наконечники ремней представлены вкладышевыми (типы 7, 14–17) и прорезными (типы 1 и 2) образцами. Одним из проявлений заимствования снаряжения центральноазиатских кочевников

являются железные и бронзовые «блоки» округлой формы большого диаметра (тип 1). Ранние наборные пояса населения булан-кобинской культуры отличаются «неполными» комплектами.

Средняя хронологическая группа (II – 1-я половина III в.) отражает первую стадию развития предметного комплекса бело-бомского этапа булан-кобинской культуры. Снаряжение этого периода развивается на основе местной переработки ранее появившихся гарнитур, а также под влиянием раннесяньбийской традиции. Ведущей разновидностью поясных застежек являются железные подвижноязычковые пряжки с овальной рамкой без щитка (тип 2). На их основе во 2-й половине II в. разрабатываются модификации, совмещенные с подвижным щитком-полуобоймой (типы 12*а,б*, 32*а*), существующие длительное время. Новыми образцами пряжек являются железные экземпляры с рамкой в виде овала, вытянутого по горизонтали (тип 3), и т-образной фигуры (тип 10 – конец II – начало III в.), а также редкие бронзовые образцы пряжек типов 35*а*, 38 (III в.). В рамках данного хронологического горизонта широко распространяются «полные» наборные пояса, оснащенные бляхами в виде накладок из прямых пластин различной формы и размера, а также пластин-полуобойм с подвижным кольцом, которые существуют до конца булан-кобинской культуры. Новацией выступают ременные наконечники-накладки в виде прямой пластины, фиксирующиеся с помощью шпеньков (тип 4).

Поздняя хронологическая группа (2-я половина III – 3-я четверть IV в.) представляет вторую стадию бело-бомского – начало верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры. Она демонстрирует эволюцию снаряжения предыдущего периода и появление у отдельных групп населения новых гарнитур, связанных с влиянием центральноазиатских традиций поздних сяньби и населения кокзальской культуры Тувы. Наборные пояса характеризует появление ранее неизвестных модификаций пряжек (типы 13, 14, 16, 19, 20, 22, 24–28, 29*б,в*, 34, 36, 41) и блях (типы 3, 4, 12, 20, 25, 27, 30, 33, 38), использование распределителей ремней с подвижными лопастями, а также широкое применение наконечников накладного способа фиксации. Другие принципиальные новшества представлены колчанными крюками с поперечной планкой и ножами с железными витыми цепочками. Наиболее ярким свидетельством «внешнего» влияния можно считать железные пряжки с неподвижным шпеньком и бляхи-зажиги в виде скоб.

Финальная хронологическая группа (конец IV – V в.) совпадает с верх-уймонским этапом развития булан-кобинской культуры. Она выделена главным образом на основании датированных закрытых комплексов 2-й половины IV – V в. и отражает сохранение многих модификаций снаряжения, появившихся в предыдущей хронологической группе (большинство типов пряжек и блях, колчанные крюки с планкой и без нее, ножи с железными цепочками, типы ременных наконечников и распределителей). Новыми изделиями являются пряжки типов 17, 18, 21, 23, 42–44, бляхи типов 8, 10, 23, 24, наконечники ремней типов 12 и 13. Развитие снаряжения демонстрирует влияние центральноазиатских традиций периода существования Жужанского каганата.

На сегодняшний день возможности реконструкции наборных поясов и приспособлений для ношения оружия из памятников булан-кобинской культуры существенно ограничены малочисленностью аутентичных и близких изобразительных материалов II в. до н.э. – V в. н.э. с территорий Центральной, Северной и Средней Азии. Данную ситуацию в какой-то мере компенсируют документированные находки поясов из непогребенных погребений могильников Яломан-II и Степушка-I.

Изученные археологические источники свидетельствуют о высоком уровне развития производства снаряжения у кочевников Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время. Важно отметить, что поясные гарнитур населения данного региона II в. до н.э. – V в. н.э. являются самобытными и демонстрируют, с одной стороны, резкий разрыв с местным наследием материальной культуры скифо-сакского времени, а с другой – отсутствие продолжения развития наиболее показательных образцов

у тюрок раннего средневековья. Общей тенденцией эволюции поясных гарнитур на протяжении хуннуско-сяньбийско-жужанского времени следует считать переход к железу как основному материалу их изготовления, а также варибельность конструктивного решения в рамках всего рассматриваемого периода. Вопрос о выделении локальных традиций изготовления снаряжения разными группами населения булан-кобинской культуры пока остается открытым ввиду неравномерной археологической изученности разных районов Алтая, что затрудняет объективное сравнение вещественных материалов отдельных территориальных групп памятников.

Выражаем уверенность, что обобщенные археологические данные вносят посильный вклад в изучение снаряжения кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. и открывают новые возможности для широкого обсуждения теоретических, терминологических и методических проблем интерпретации данного элемента материальной культуры народов восточной части Евразии. Полученные выводы будут скорректированы с привлечением новых вещественных источников и уточнением сведений по археологическим коллекциям булан-кобинской культуры, которые оказались недоступными при написании данной книги.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архивные материалы

Демин М. А. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках могильников Карбан-I и Карбан-II в июне-июле 1989 года. – Барнаул, 1990. (Арх. Ин-та археол. РАН; Р-1 14832).

Демин М. А. Отчет об археологических раскопках в устье реки Карбан Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области, проведенных летом 1990 года. – Барнаул, 1991. (Арх. Ин-та археол. РАН; Р-1 15262).

Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1984 году. – Барнаул, 1984. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 58).

Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1985 году. – Барнаул, 1985а. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 65).

Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1986 году. – Барнаул, 1986. (Арх. Ин-та археол. РАН; Р-1 11267).

Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1987 году. – Барнаул, 1988. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 83).

Мамадаков Ю. Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1988 году. – Барнаул, 1991. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 109).

Суразаков А. С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1982 года. – Горно-Алтайск, 1983. (Личный арх. А. С. Суразакова).

Суразаков А. С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1984 года. – Горно-Алтайск, 1985 // Арх. Ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 8.

Суразаков А. С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1985 года. – Горно-Алтайск, 1986 // Арх. Ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 9.

Суразаков А. С. Отчет археологической экспедиции ГАНИИИЯЛ за полевой сезон 1990 года. – Горно-Алтайск, 1991 // Арх. Ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова. Ф. 5. Оп. 1. Ед. 33.

Тетерин Ю. В. Отчет об археологических исследованиях в Горном Алтае и на юге Красноярского края в 1990 году. – Новосибирск, 1991. – Т. 2. (Арх. ЛГИ НИЧ НГУ).

Тишкин А. А. Отчет о проведении обследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Алейском районе Алтайского края. – Барнаул, 2003. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 184).

Тишкин А. А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 года. – Барнаул, 2005а. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 220).

Тишкин А. А. Отчет о раскопках в Рубцовском районе Алтайского края и в Онгудайском районе Республики Алтай летом 2007 года. – Барнаул, 2008. – Т. 1, 2. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 238).

Тишкин А. А. Отчет о раскопках в Рубцовском районе Алтайского края и в Онгудайском районе Республики Алтай осенью 2008 года. – Барнаул, 2009. (Арх. МАЭА АлтГУ; № 249).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Катунского отряда Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР в долинах рек Ороктой и Эдиган в зоне затопления Катунской ГЭС в Шибалинском районе Горно-Алтайской А.О. в полевом сезоне 1990 года. – Новосибирск, 1990. (Арх. Ин-та археол. РАН; Р-1 15275).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Южносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИА и ЭТ СО РАН в зоне затопления Катунской ГЭС в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 1993 года. – Новосибирск, 1993. (Арх. Музея Ин-та археол. и этногр. СО РАН).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Южно-Сибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Ин-т археол. и этногр. СО РАН и НГУ в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 1998 года. – Новосибирск, 1998. (Арх. Музея Ин-та археол. и этногр. СО РАН).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Южносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИА и ЭТ СО РАН и НГУ в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2001 года. – Новосибирск, 2001. (Арх. Музея Ин-та археол. и этногр. СО РАН).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Южносибирского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИА и ЭТ СО РАН и НГУ в Чемальском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2002 года. – Новосибирск, 2002а. (Арх. Музея Ин-та археол. и этногр. СО РАН).

Худяков Ю. С. Отчет о работе Южно-Сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН и НГУ в Чемальском районе Республики Алтай и в Маслянинском районе Новосибирской области в полевом сезоне 2005 года. – Новосибирск, 2005. (Архив Агентства по культ.-ист. наследию Респ. Алтай).

**Коллекции археологических предметов
из Музея археологии и этнографии Алтая
Алтайского государственного университета**

ОФ. Коллекция № 113 – могильник Улита, раскопки Ю. Т. Мамадакова.

ОФ. Коллекция № 115 – могильник Бош-Туу-I, раскопки Ю. Т. Мамадакова.

ОФ. Коллекция № 116 – могильник Булан-Кобы-IV, раскопки Ю. Т. Мамадакова.

ОФ. Коллекция № 117 – могильник Белый-Бом-II, раскопки Ю. Т. Мамадакова и Г. Д. Глобы.

ОФ. Коллекция № 181 – могильник Яломан-II, раскопки А. А. Тишкина.

ОФ. Коллекция № 613 – могильник Яломан-II, раскопки А. А. Тишкина.

ОФ. Коллекция № 621 – могильник Яломан-II, раскопки А. А. Тишкина.

ОФ. Коллекция № 682 – могильник Степушка-I, раскопки А. В. Шмидта.

ОФ. Коллекция № 683 – могильник Степушка-I, раскопки А. В. Шмидта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. (Археология СССР).
- Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа в III–V вв. н.э. – М.: ИА РАН, 1997. – 165 с.
- Агеев Б. Б.* Пьяноборская культура. – Уфа: БНИИИЯЛИ, 1992. – 139 с.
- Азбелев П. П.* Типогенез характерных таштыкских пряжек // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во Красн. ун-та, 1992. – Т. II. – С. 48–52.
- Азбелев П. П.* Таштыкский пояс // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2008. – № 1-2 (13-14). – С. 29–49.
- Алтайский край: Атлас. – Москва; Барнаул: ГУГК, 1978. – 222 с.
- Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // Сов. археология. – 1971а. – № 2. – С. 96–124.
- Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // Сов. археология. – 1971б. – № 3. – С. 106–134.
- Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
- Арсланова Ф. Х.* Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1975. – С. 116–129.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю.* В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. – 1989. – Вып. 198. – С. 28–35.
- Бараба в тюркское время.* – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.
- Баранов А. А.* Боевые пояса из могильника хуннуского времени Кия-13 // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2002. – С. 301–303.
- Безуглов С. И.* Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // Сов. археология. – 1988. – № 4. – С. 103–115.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 243 с.
- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. (Материалы и исследования по археологии; № 26).
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2003. – 224 с.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2005. – С. 80–199.

Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). – Самара: AVA, 1992. – 208 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 194–199.

Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Июсский клад (каталог коллекции). – Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2013. – 120 с.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. фил. Ин-та ист. и археол. УрО РАН, 2006. – 232 с.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1969–1978.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения кызылганской и сыын-чурекской культур) // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. – Л.: Наука, 1970. – С. 7–79.

Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 185–291.

Варенов А. В., Митько А. О., Митько О. А. Сяньбийское погребение с поясными украшениями из района Яньчи близ города Эрэн-Хото // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 193–198.

Васютин А. С. Защитно-портупейные пояса предкудыргинского времени Восточного Алтая // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2000а. – С. 24–25.

Васютин А. С. Хронология Берели и верхние даты предкудыргинских комплексов Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000б. – Вып. XI. – С. 203–206.

Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н., Миклашевич Е. А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1985. – С. 29–50.

Воробьев М. В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 147 с.

ВЭС – Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Гавритухин И. О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1996. – С. 115–133.

Генинг В. Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху Великого переселения народов. – Ижевск; Свердловск: УРКМ, 1963. – 121 с. (Вопросы археологии Урала; Вып. 5).

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II: Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.). – Ижевск; Свердловск: УРКМ, 1971. – 160 с. (Вопросы археологии Урала; Вып. 11).

Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. – 1979. – Вып. 158. – С. 96–106.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Генинг В. Ф., Мырзина Е. М. Мазунинский могильник // Памятники мазунинской культуры. – Ижевск, 1967. – С. 85–115 (Вопросы археологии Урала; Вып. 7).

Глоба Г. Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 116–126.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.

Голдина Р. Д., Бернц А. В. Тураевский-I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. – 499 с. (Материалы и исслед. Камско-Вятской археологической экспедиции; Т. 17).

Горбунов В. В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 102–128.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 174 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.

Горбунов В. В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. ун-та, 2007. – С. 157–163.

Горбунов В. В., Кунгуров А. А., Кунгурова О. Ф., Шамшин А. Б. История Алтая. Часть 1. Древний Алтай. Пособие для учителей. – Барнаул: Позитив, 1997. – 160 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4. – С. 79–85.

Горбунова Н. Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1984. – Вып. 25. – С. 99–107.

Горбунова Н. Г. Скотоводы Бактрии, Согда и Центральных Кызылкумов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 2001. – Вып. 35. – С. 126–151.

Горбунова Т. Г. Украшения конского снаряжения как источник для историко-культурного изучения Алтая (эпоха средневековья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 23 с.

Горбунова Т. Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. – Барнаул: Азбука, 2010. – 136 с.

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технология изготовления, состав сплавов. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.

Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 73–150.

Грач А. Д. Исследование в Бай-Тайге // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л.: Наука, 1966. – С. 81–107.

Григорьев Е. В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 152–158.

Гришин Ю. С. Памятники бурхотуйской культуры в Восточном Забайкалье // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. – 1981. – Вып. 167. – С. 86–91.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с. (Материалы и исследования по археологии; № 48).

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89–145.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. Вып. 1: Археологические памятники сунну. – СПб.: АзиатИКА, 1995. – 287 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. Вып. 2: Археологические памятники сунну. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.

Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. Вып. 5: Археологические памятники сунну. – СПб.: АзиатИКА, 2003. – 164 с.

Данченко Г. П., Нестеров С. П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской котловины (сравнительный анализ) // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 94–103.

Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 125–126.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. – М.: Наука, 1991. – 141 с. (Свод археологических источников; Вып. Д 1–7).

Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 56–61.

Дашибалов Б. Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2011. – 174 с.

Деревянко А. П. Приамурье (I тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.

Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. – СПб.: Изд-во Ин-та истории материальной культуры РАН, 2007. – 197 с.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1990. – 164 с.

Дураков И. А., Мжельская Т. В. Исследования могильника Бытровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Изд-во НОКМ, 1995. – С. 47–66.

Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. Тувин. комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль – Л.: Наука, 1970. – С. 80–209.

Дэвлэт М. А. Сибирские поясные ажурные палстины II в. до н.э. – I в. н.э. – М.: Наука, 1980. – 67 с. (Свод археологических источников; Вып. Д 4–7).

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи «Великого переселения народов» на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 77–80.

Елин В. Н. Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1987. – 19 с.

Елин В. Н., Васютин А. С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1984. – С. 35–39.

Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 73–87.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 174–204.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. н.э.). – СПб.: Эллипс Лтд, 1994. – 224 с.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. // Тр. государственного исторического музея. – М., 1926. – Вып. 1. – С. 71–106.

Зубов С. Э., Михеев А. В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 205–226.

Зюзин А. В. Предметы вооружения из сянббийского могильника Дурой-I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 168–169.

Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – С. 157–169.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.

Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2000. – 176 с.

Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 224–242.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тьткескень-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. – С. 125–130.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С. Материалы сянббийского времени погребально-поминального комплекса Тьткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 2 (10). – С. 5–24.

Клейн Л. С. Археологическая типология. – Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР: ЛНИАО, 1991. – 448 с.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. – 2002. – Вып. 5. – С. 47–81.

Ковалев А. А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. ун-та, 2002. – С. 103–131.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннуский курган Хух удзуурийн дугуй-II-1 в Булган сомоне (Ховд аймак) и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2011. – Вып. 2. – С. 329–342.

Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С. С., Гребенников И. Ю. Раскопки поселения Баян Булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 6. – С. 58–93.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. – М.: Наука, 1979. – 112 с. (Свод археологических источников; Вып. Е1–2).

Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. техн. ун-та, 2006. – Вып. 4. – С. 242–258.

Кожомбердиев И. К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963. – С. 33–77.

Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Комиссаров С. А., Поздняков Д. В. Антропологические и культурные характеристики могильника Чауху-3, Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 289–294.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 221 с.

Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 98 с.

Кочеев В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в бассейне р. Коир // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – № 10. – С. 70–83.

Кривошеев М. В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 117–126.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43–95.

Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 55–82.

Кузьмин Н. Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. – № 3 (35). – С. 77–87.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.

Кызласов И. А. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с. (Свод археологических источников; Вып. Е 3–18).

Кызласов А. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. – 198 с.

Кызласов А. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 211 с.

Левина Л. М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыясарская культура. Ч. 1: Склепы. – М.: Наука, 1993а. – С. 33–198.

Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-Асар, Кос-Асар и Томпак-Асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыясарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. – М.: Наука, 1993б. – С. 32–193.

Левина Л. М. Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV: Джетыясарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. – М.: Наука, 1994. – 312 с.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.

Литвинцев А. Ю. Погребения эпохи средневековья разновременного могильника в пади Кангил // Зап. Нерчинского краеведческого музея. – Нерчинск: НКМ, 2006. – Вып. 2. – С. 35–40.

Любчанский И. Э., Епимахов А. В. Новые памятники гунно-сарматского времени Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии и культуры. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1994. – Вып. 1. – С. 13–22.

Мажитов Н. А. Южный Урал в XII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 222–223.

Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. – 1968. – № 3. – С. 38–58.

Максимова А. Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 123–138.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов на/Д.: Терра, 2000. – С. 194–232.

Малашев В. Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культуры (вещевой комплекс) // Российская археология. – 2007. – № 3. – С. 111–121.

Малашев Ю. В., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. – М.: Вост. лит., 2008. – 365 с.

Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985б. – С. 173–198.

Мамадаков Ю. Т. О памятниках первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 197–203.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990а. – 19 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990б. – 317 с.

Мамадаков Ю. Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 75–78.

Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Т. 2. – С. 115–129.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. – М.; Л.: Наука, 1966. – 232 с. (Материалы и исследования по археологии; № 136).

Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1975. – 228 с.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 196–205.

Мандрыка П. В., Макаров Н. П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1994. – С. 68–84.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.

Маслов В. Е., Яблонский Л. Т. Могильник Гуяр-IV в Северной Туркмении // Российская археология. – 1996. – № 2. – С. 168–181.

Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Савиновский могильник саргатской культуры. Итоги полевых исследований. – Тюмень, 1991. – 54 с.

Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.

Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2016. – 264 с.

Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Рябогина Н. Е. Новые памятники бронзового и железного веков. Древности Ингальской долины: археолого-палеогеографическое исследование. – Новосибирск: Наука, 2003. – Вып. 1. – 174 с.

Матренин С. С. Колчанные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.): классификация и типология // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2011. – № 4/2 (72). – С. 141–149.

Матренин С. С. Наконечники ремней кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2012. – № 4/1 (76). – С. 159–168.

Матренин С. С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 4/1 (80). – С. 228–237.

Матренин С. С. Детское погребение эпохи Великого переселения народов с воинским инвентарем из Центрального Алтая // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 325–330.

Матренин С. С. Хронология поясных пряжек и блях кочевников Алтая из могильника Степушка-I эпохи Великого переселения народов // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. – Оренбург: Ин-т археологии РАН, 2016. – С. 169–178.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннуского времени: классификация и типология // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015а. – № 3/2 (87). – С. 143–152.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Снаряжение верхового коня кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2015б. – № 4/2 (88). – С. 116–124.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. – 2016а. – № 2 (14). – С. 48–66.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Уздечные бляхи из памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: опыт классификации и типологии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016б. – № 2 (90). – С. 220–228.

Матренин С. С., Тишкин А. А., Плетнева Л. М. Комплекс вооружения дистанционного боя сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I (Центральный Алтай) // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2014. – № 4/2 (84). – С. 154–164.

Матренин С. С., Тишкин А. А., Шмидт А. В. «Всадник без головы» эпохи Великого переселения народов из Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 1 (9). – С. 15–26.

Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 86–94.

Меженова Я. А., Мжельская Т. В. К вопросу о хронологии курганов могильника Быстровка-3 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. – Т. 1. – С. 195–197.

Миллер Б. К., Оллард Ф., Эрдэнэбаатор Д., Ли К. Погребальный комплекс сюнну: раскопки могильника Гол Мод-2 (Монголия, 2002–2005 гг.) // Археологические вести. – М.: Наука, 2008. – Вып. 15. – С. 55–71.

Минорский А. И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения ин-та истории материальной культуры. – 1951. – Вып. XXXVI. – С. 184–188.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник: Вып. 3: Археологические памятники сюнну. – СПб.: АзиатИКА, 1998. – 233 с.

Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – СПб.: Изд-во Ин-та истории материальной культуры РАН, 2002. – Вып. 9. – С. 86–118.

Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007. – № 1. – С. 159–166.

Митько О. А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II. Материалы и реконструкция сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники Хакаско-Минусинского края. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2007. – С. 39–61.

Могильников В. А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 43–45.

Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254–273.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН: Пушкин. науч. центр, 1997. – 196 с.

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки памятника Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики, 2003. – Вып. 1. – С. 26–63.

Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 191–202. (Археология СССР).

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 22–44.

Неверов С. В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 192–206.

Неверов С. В. Стремена Верхнего Приобья в VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 129–151.

Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных накопителей стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 121–135.

Никаноров В. П., Худяков Ю. С. Изображение воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 168–198.

Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – С. 70–85.

Николаев Н. Н. Культура населения Тувы 1-й половины I тыс. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001. – 26 с.

Оболдуева Т. Г. Курганы на арыке Джун // Сов. археология. – 1988. – № 4. – С. 157–168.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – 223 с.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ, 1997. – 326 с.

Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. – СПб.: Элик-Сис, 2010. – 252 с.

Панкова С. В. Погребения середины I тыс. н.э. в Западной Туве // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – № 11. – С. 92–106.

Петкевич М. В. Строение поверхности // Горный Алтай. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. – С. 46–62.

Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. – Туркестан: Изд-во МКТУ, 2000. – 200 с.

Подушкин А. Н. Программа «Археологические и письменные памятники государства Канцзюй (Кангюй) II в. до н.э. – VI в. н.э.»: динамика реализации и некоторые итоги // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006. – Вып. 2. – С. 208–229.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, – 2011. – 184 с.

Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 150–165.

Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224–235. (Археология СССР).

Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1968. – Т. III. – С. 59–104.

Пшеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1973. – Т. V. – С. 162–243.

Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // Краткие сообщения Ин-та археологии РАН. – 1969. – Вып. 119. – С. 104–108.

Савинов Д. Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1992. – Ч. 1. – С. 107–109.

Савинов Д. Г. Сросткинский могильник (раскопки М. Н. Комаровой в 1925 г. и С. М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 175–190.

Савинов Д. Г. Проблема хронологии Кокэля в историческом аспекте // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций. – Екатеринбург, 2003. – С. 49–59.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: Изд-во Ин-та истории материальной культуры РАН, 2009. – 226 с.

Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

Седых В. Н. Тагарский курган у с. Калы в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 158–167.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 240 с.

Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 107–116.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследования и основные аспекты интерпретации: моногр. – Барнаул: Азбука, 2014. – 230 с.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – 272 с.

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. – Краснодар: Фирма НСС, 2004. – С. 134–173.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. – 300 с.

Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степная полоса европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177. (Археология СССР).

Соенов В. И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 134–152.

Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – № 5. – С. 48–62.

Соенов В. И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // *Снаряжение кочевников Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 52–55.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Погребения в подбоях на могильнике гунно-сарматского времени Степушка-2 (Центральный Алтай) // *Алтай в кругу евразийских древностей*. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2016. – С. 357–369.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – 116 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // *Древности Алтая*. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – № 3. – С. 113–135.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Сорокин С. С. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // *Сов. археология*. – 1956. – Т. XXVI. – С. 97–117.

Сорокин С. С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // *Тр. Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока*. – Л., 1969. – Т. X. – С. 208–236.

Сорокин С. С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. – 1977. – Вып. 18. – С. 57–67.

Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (некоторые итоги работ) // *Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках)*. – Л.: Наука, 1983. – С. 34–41.

Субботин А. В. Тесинский склеп в с. Береш // *Древние культуры евразийских степей*. – Л.: Наука, 1983. – С. 64–65.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. – 216 с.

Суразаков А. С. Кызык-Телань-II // *Древности Алтая*. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 70–72.

Суразаков А. С., Соенов В. И. Зооморфный колчаный крюк из могильника Айрыдаш-I // *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – С. 37–40.

Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. – Барнаул: Азбука, 2007. – 232 с.

Тетерин Ю. В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // *Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 131–135.

Тетерин Ю. В. Центральноазиатские элементы таштыкского костюма (по материалам грунтовых могил) // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – С. 56–65.

Тетерин Ю. В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // *Древности Алтая*. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 107–115.

Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // *Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Тр. гуманитар. фак. Новосиб. гос. ун-та*. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2004. – Сер. II, вып. 1. – С. 37–82.

Тетерин Ю. В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та*. – 2005. – Т. 4, вып. 5. – С. 52–64.

Тишкин А. А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 296–300.

Тишкин А. А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // *Снаряжение кочевников Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – С. 195–201.

Тишкин А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Барнаул, 2006. – 54 с.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // *Социогенез в Северной Азии*. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005а. – Ч. I. – С. 327–333.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – 200 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс вооружения эпохи «Великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология*. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 164–172.

Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 126 с.

Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Реконструкция уздечных наборов булан-кобинской культуры (по материалам памятника Яломан-II) // *Снаряжение кочевников Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 118–122.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Комплексный анализ костяных пряжек кочевников Алтая хуннского и сяньбийского времени (по материалам могильника Яломан-II) // *Изв. Алт. гос. ун-та*. – 2010. – № 4/2 (68). – С. 220–229.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Кенотаф хуннского времени на памятнике Яломан-II в Центральном Алтае // *Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 158–173.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология*. 2012. – Т. 11, № 7. – С. 125–133.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае // *Краткие сообщения Ин-та археологии РАН*. – 2013а. – Вып. 231. – С. 59–71.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // *Изв. Алт. гос. ун-та*. – 2013б. – № 4/1 (80). – С. 204–213.

Тишкин А. А., Матренин С. С. Части «золотой диадемы» из памятника Яломан-II (жужанское время, Центральный Алтай) // *Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 351–355.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка-I // *Российская археология*. – 2015. – № 1. – С. 121–135.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Женские металлические украшения из погребений сяньбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // *Вопросы археологии Казахстана*. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 420–431.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Боевые ножи кочевников Алтая эпохи «Великого переселения народов» (по материалам могильника Степушка-I) // *История и культура средневековых народов степной Евразии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012а. – С. 59–65.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Наборный пояс сяньбийского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012б. – С. 116–120.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. тр. Всерос. электронной конф. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – С. 258–279.

Тишкин А. А., Мыльников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. – 192 с. (Археологические памятники Алтая; Вып. 2).

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Вып. 6. – С. 14–32.

Тишкин А. А., Хаврин С. В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 300–306.

Трифанова С. В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – № 12. – С. 92–95.

Трифанова С. В. Классификация гривен населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 201–205.

Трифанова С. В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – С. 139–144.

Трифанова С. В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005в. – Вып. 2. – С. 95–105.

Трифанова С. В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006. – 22 с.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Троицкая Т. Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 154–162.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Троицкая Т. Н., Елагин В. С. Старо-Бибеево-6 – могильник VII в. н.э. // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 199–207.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 1998. – 152 с.

Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // Российская археология. – 2004. – № 4. – С. 160–170.

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88–101.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 136–149.

Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 129–163.

Уманский А. П., Шульга П. И. Поясные пряжки-застежки скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 176–182.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 219–226.

Харинский А. В., Коростелев А. М. Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун-II) // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – С. 173–202.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

Худяков Ю. С. Вооружение Центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 28–37.

Худяков Ю. С. Материалы хуннского времени в музеях Восточного Туркестана // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 152–159.

Худяков Ю. С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. – С. 79–87.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2004. – 152 с.

Худяков Ю. С. Железные наконечники стрел из могильника Улуг-Чолтух хунно-сяньбийского времени в Горном Алтае (по материалам раскопок 2005, 2007, 2008 годов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 7. – С. 113–124.

Худяков Ю. С. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5. – С. 20–30.

Худяков Ю. С., Алкин С. В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 163–169.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. – Т. IV. – С. 369–373.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95–150.

Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Своеобразное впускное погребение из местности Хад Узуур Сагил сомона // *Studia Mongolica*. – Улан-Батор, 1986. – Т. XI. – С. 60–64.

Худяков Ю. С., Эбель А. В., Кочеев В. А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 279–288.

Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа. Украшения сяньби // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 50–64.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 51–87.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии (перевод с монгольского Д. Молор). – Улан-Батор: Ин-т археологии АН Монголии, 2008. – 239 с.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Ранне-скифское время. – Барнаул: Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

Эбель А. В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998. – 23 с.

Яремчук О. А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 72–75.

Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2005. – 296 с.

Амартүвшин Ч., Хатанбаатар П. Хурэн хондын хунну булшны судалгаа // Археологийн судлал. – 2008. – Б. VI (XXVI). – Т. 190–212.

Амартүвшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу. Археологийн судлал. – 2010. – Б. (VII) XXVII. – Т. 202–296.

Ван Синьцзы, Вэй Цзянь. Могильник Циланьшань в аймаке Чфючжун // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. – Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. – XVIII. – С. 123–183 (на кит. яз.).

Гао Фэн. Северо-вэйские погребения на шоссе в городе Датун провинции Шанси // Вэнь. – 2006. – № 10. – С. 51–71 (на кит. яз.).

Дун Гао. Сравнительное изучение мужунсяньбэйской, когуреской, корейской, японской конской амуниции III–VI вв. н.э. // Каогу. – 1997. – № 12. – С. 66–84 (на кит. яз.).

Дуурлиг Нарсны хүннү булш. – Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2009. – 100 т.

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Хүннүгийн үеийн сүйх тэрэг // Археологийн судлал. – 2007. – Б. IV (XXIV). – Т. 258–279.

Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж. Умард хуннүгийн язгууртны нэгэн булшны судалгаа // Археологийн судлал. – 2008. – Б. VI (XXVI). – Т. 149–189.

Могильник Саньдаовань в аймаке Чаюхоуци // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. – Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. – XVIII. – С. 16–54 (на кит. яз.).

Нин Пэйцзэ, Вэй Цзянь. Сяньбийский могильник у города Эрэн-Хото в районе Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. – Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. – XVIII. – С. 106–111 (на кит. яз.).

Пань Лин. Иволгинское городище и могильник, а также исследование связанных с ними вопросов в археологии сунну. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. – 219 с. (на кит. яз.).

Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. – Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. – XVIII. – С. 211–272 (на кит. яз.).

Синьцзян-Уйгурский автономный районный музей, Управление культурного наследия Баиньгуолэнского монгольского автономного округа, Управление культурного наследия Чиemosкого округа. Раскопки погребений третьего периода культуры могильника Чжагуньлука в 1998 году // Синьцзянское культурное наследие. – 2003. – № 1. – С. 1–19 (на кит. яз.).

Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). – Улаанбаатар: Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим, 2003. – 295 т.

Хуннугийн Өв. Нүүдэлчдийн анхны төр-Хүннү Гүрний соёл. – Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн Хүрээлэн, 2011. – 296 т.

Худгийн толгойн хуннугийн уеийн булш. – Улан-Баатар; Сеул, 2003. – 277 т.

Цэвэндорж Д. Морин толгойн булшнаас олдсон хэл хуур // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдэ. – Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн, 1990. – С. 72–80.

Цэвэндорж Д. Бага газрын чулуу, Тарвагатай, Хүүшийн хөтөл, Баруун хайрханы хүннү булш // Археологийн судлал. – Т. XX, fasc. 1–11. – 2000. – Т. 35–60.

Чжан Даньлин и др. Родовое кладбище эпохи северной династии Суй на улице Хучаньцин в Сиане // Вэньу. – 2005. – № 10. – С. 47–67 (на кит. яз.).

Члены бюро охраны памятников провинции Хэйлунцзян. Раскопки древнего городища Фэнлинь в уезде Юи («Дружба») провинции Хэйлунцзян // Каогу. – 2004. – № 2. – С. 50–65 (на кит. яз.).

Эрдэнэ Б., Амгалантөгс Ц., Нельсон Р. Бага газрын чулуунд хийсэн археологийн малтлага судалгааны зарим үр дүнгээс // *Studia Archaeologica*. – 2007. – Т. IV (XXIV), fasc. 15. – Т. 216–225.

Эрдэнэбаатар Д., Идерхангай Т., Мижидорж Э., Оргилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаан А. Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннугийн язгууртны булшны судалгаа. – Улаанбаатар: Улаанбаатарын Их Сургууль Археологийн тэнхим, 2015. – 256 т.

Эрдэнэбаатар Д., Төрбат Ц., Эрдэнэбат У., Крюбезы Э., Жискара П.-Х., Мюраи П., Хай Л. Бурхан толгойн хүннү булшны судалгаа // Археологийн судлал. – 1998. – Б. XVIII. – Т. 92–108.

Archaeological Study on Iron Works Before 3-rd Century A.D. in China. – Beijing: Science Press, 2005. – 414 p. (на кит. яз.).

Archaeological Team of Liaoning Provincial Museum and Others: The Eastern Jin Tomb with Wall Paintings at Yuantaizi, Chaojang // *Wenwu*. – 1984. – № 6. – P. 29–45 (на кит. яз.).

Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. – Bonn, 2011. – P. 349–424.

Dong Gao A. Comparative Study of the Horse Fittings of Murong Xianbei, Gaogouli, Korea and Japan (III–VI Centuries AD) // *Wenwu*. – 1995. – № 10. – P. 34–42 (на кит. яз.).

Erdelyi I. Archaeological Expeditions in Mongolia. – Budapest: Mundus Hungarian Univ., 2000. – 261 p.

Excavation of Tomb (coded 88M1) in a Brickyard at Shiertai Township, Chaoyang // *Wenwu*. – 1997. – № 11. – P. 19–32 (на кит. яз.).

Jean Inn, Wang Sja, Hei Meen. Excavation of a Cluster of Tombs of the Xianbei Nationality at Laoheshen in Yushu, Jilin // *Wenwu*. – 1985. – № 2. – P. 68–82 (на кит. яз.).

Kenk R. Das Gräberfeld der Hunno-Sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. – München, 1984. – Bd 25. – 202 S.

Kovalev A., Erddenebaatar D., Iderkhangai T. O. An Unlooted Elite Xiongnu Barrow at Khökh Üзууриин Dugui-II, Bulgan Sum, Khovd Aimag, Mongolia: Relative Chronological Dating and Its Significance for the Study of Xiongnu Burial Rites. Preliminary Report // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. – Bonn, 2011. – P. 291–314.

Leus P. New Find from the Xiongnu Period in Central Tuva. Preliminary Communication // *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. – Bonn, 2011. – P. 515–536.

Pan Ling. A Summary of Xiongnu Sites Within the Northern Periphery of China // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. – Bonn, 2011. – P. 463–474.

Tishkin A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Ialoman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. – Bonn, 2011. – P. 539–558.

Wang Renxiang. On Ordos Bronze Buckles // The Collection of International Symposium on Ordos Bronze Wares. – Beijing, 2009. – P. 435–466 (на кит. яз.).

Wang Wei. Exchanges Between the East Asian Countries in the 3rd – 6th Centuries in the Light of Unearthed Harness // Kaogu. – 1997. – № 12. – P. 66–84 (на кит. яз.).

Xi'an Municipal Institute of Archaeology and Preservation of Cultural Relics. Tomb of Kang Ye the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // Wenwu. – 2008. – № 6. – P. 4–35 (на кит. яз.).

Xuzhou Muzeum Excavation of Western Han Tomb № 8 on Mt. Houlou in Xuzhou City, Jiangsu // Kaogu. – 2006. – № 4. – P. 22–30 (на кит. яз.).

Yu Junyu. Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. – 1997. – № 11. – P. 42–48 (на кит. яз.).

Zhang Minghua, Wang Huiju. Excavation of Cemetery 3 at Chawuhu Pass, Hejing County // Kaogu. – 1990. – № 10. – P. 882–889 (на кит. яз.).

Zhang Xue-Yan. Types and Relative Questions of Koguryo Iron Belt Decorations // Research of China's Frontier Archaeology. – Beijing, 2004. – P. 258–272 (на кит. яз.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Колчаные крюки, футляры для ношения оружия	8
Глава 2. Поясные пряжки	29
Глава 3. Поясные бляхи	61
Глава 4. Наконечники и распределители ремней, «блоки», тренчики, застежки, крепления	82
Глава 5. Разновидности наборных поясов	98
Заключение	117
Список источников	120
Список литературы	122

Matrenin S. S. Equipment of Altai Nomads of Altai (the 2nd Century BC – 5th Century AD) [Text]: Monograph / S. S. Matrenin under the scientific editorship of A. A. Tishkin. – Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2017. – 142 p.

The monograph presents the experience of a comprehensive analysis of the various categories of equipment of the Altai nomads of the Xiongnu-Xianbei-Zhuzhan Times (the 2nd century BC – 5th century AD), which were found in burials of the Bulan-Koby culture. The sources of the research have been included

1 087 belt plates, 218 belt buckles, 77 «blocks», 53 tips of straps, 33 distributors, 26 quiver hooks, 19 belt fastener, as well as details of 21 scabbards, four quivers and some other items.

The following tasks have been solved.

1. The functional attribution of various items of human equipment and their morphological description has been performed.

2. The most numerous artifacts have been classified.

3. A typological analysis of objects to determine the dating and genesis of different types of buckles, quiver hooks, plaques, tips, connector, «blocks».

4. Varieties of type composite belts are identified, their chronology is determined, and the design of some kits has been reconstructed.

The studied archaeological sources testify to the high level of development of the production of equipment from the nomads of Altai in the Xiongnu-Xianbei-Zhuzhan Times. The available materials demonstrate the considerable variability of many categories of human equipment throughout the period under review.

Equipment of this region in the 2nd century BC – 5th century AD is original and demonstrates, on the one hand, a sharp break with the local heritage of the material culture of the Scythian-Sax Times, and on the other – the lack of further development of many exemplary modifications of equipment among the Turks of the early Middle Ages.

The study made it possible to determine the chronological indicators to specify the dating of the funerary monuments of Altai, as well as to obtain information for a more objective understanding of the role of local and alien traditions in the development of the Bulan-Koby culture. The author identified four chronological groups of equipment.

The early chronological group (2nd century BC – 1st century AD) coincides with the Ust-Edigan period of the Bulan-Koby culture. The genesis of the equipment is connected with the influence of the traditions of the the Xiongnu of Central Asia.

The average chronological group (2nd – 1st half of the 3rd century) reflects the first stage of the development of the object complex of the Belo-Bom period of the Bulan-Koby culture. The equipment develops on the basis of local processing of the earlier appeared types, as well as under the influence of the early Xianbei tradition.

The late chronological group (the second half of the 3rd century – the third quarter of the 4th century) represents the second stage of the Belo-Bom period – the beginning of the Verkh-Uymon period of the Bulan-Koby culture. It demonstrates the evolution of the equipment of the previous period and the emergence of new sets among separate groups of nomads of Altai which is associated with the influence of the Central Asian traditions of the late Xianbei and the population of the Kokel culture of Tuva.

The final chronological group (the end of 4 – 5 century) coincides with the Verkh-Uymon period of the Bulan-Koby culture. It reflects the local development of the equipment under the influence of innovations in the material culture of the Zhuzhan Kaganate.

The development of equipment of Altai nomads in the 2nd century BC – 5th century AD had a certain peculiarity in comparison with the evolution of the equipment of the peoples of Europe. This was reflected in the different duration of the morphological characters and the incompatibility of the relative chronology of similar products.

Научное издание

Матренин Сергей Сергеевич

СНАРЯЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ
(II в. до н.э. – V в. н.э.)

Монография

Для оформления обложки использовались:
фотоснимок поясной бляхи, обнаруженной при раскопках кургана № 60
памятника Яломан-II (исследования А. А. Тишкина, фотоснимок А. А. Тишкина),
графические реконструкции экипировки и паноплии средневооруженного воина
булан-кобинской культуры на основе археологических материалов памятника
Яломан-II (реконструкция В. В. Горбунова, рисунок Г. Л. Нехведавичюса),
а также наборного пояса из кургана № 17 памятника Степушка-I
(реконструкция С. С. Матренина, рисунок А. Л. Кунгурова)

Редакторы *Е. М. Федяева, Е. В. Панкратова*
Оригинал-макет *М. Ю. Кузеванова*

Подписано к печати 14.11.2017. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 16,7. Тираж 500 экз. Заказ 244.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50

Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>